

SOCIOLOGY OF POWER

[Sociologiâ vlasti]

Vol. 35. № 2 (2023)

SEMIOTICS AND SOCIOLOGY

**PUBLISHER: THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION**

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Социология ВЛАСТИ

Издается с 1989 года
Выходит четыре раза в год

Том 35 № 2 2023

Редколлегия журнала:

К.соц.н. Смолькин А. А. (*и.о. главного редактора*), Напреенко И. В. (*научный редактор*), Степанцов П. М. (*научный редактор*), Кловайт Н. (*редактор англоязычных материалов*), Крощенко Е. В. (*администратор*)

Научный совет:

Анкерсмит Ф. Р. (Нидерланды)
Мау В. А. (РАНХиГС, Москва)
Михель Д. В. (СГТУ, Саратов)
Моррис Дж. (Орхусский университет, Дания)
Соколов М. М. (Европейский Университет, СПб)
Сперо Э. (Массачусетский технологический институт, США)
Столярова О. Е. (ИФ РАН, Москва)
Титков А. С. (РАНХиГС, Москва)
Утехин И. В. (Европейский Университет, СПб)
Филиппов А. Ф. (НИУ ВШЭ, Москва)
Фрумин И. Д. (НИУ ВШЭ, Москва)
Хиггс П. (Университетский Колледж Лондона, Великобритания)
Чалаков И. (Университет Пловдива, Болгария)
Шеховцов А. (Университет Вены, Австрия)

Дизайн Трушина Е. В.
Корректурa Кроль И. Е.
Верстка Меерсон А. В.

Адрес редакции:

119545, г. Москва, пр. Вернадского, 84, корпус 9, комн. 2503
<http://socofover.ranepa.ru>
soc.of.power@gmail.com
Отпечатано в типографии ИД «Дело»
Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС 77 — 47715 от 23.09.2011
Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий
ВАК России
Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора

ISSN 2074-0492

Социология
ВЛАСТИ
Том 35
№ 2 (2023)

ABOUT THE JOURNAL

Sociology of Power [Sociologîa vlasti]

Vol. 35. #2, 2023

Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration

Published since 1989

Quarterly edition

Editorial board:

Smol'kin A. A. (acting editor-in-chief), Napreenko I. V. (scientific editor),
Stepantsov P. M. (scientific editor), Klowait N. (editor of the English con-
tent), Kroshchenko E. V. (manager)

Academic board:

Ankersmit F. R. (Netherlands)

Higgs P. (University College London, UK)

Filippov A. F. (NRU — HSE, Moscow, Russia)

Frumin I. D. (NRU — HSE, Moscow, Russia)

Mau V. A. (RANEPA, Moscow, Russia)

Mikhel D. V. (SSTU, Saratov, Russia)

Morris J. (Aarhus University, Denmark)

Shekhovtsov A. (University of Vienna, Austria)

Sokolov M. M. (EU, St. Petersburg, Russia)

Spero E. (MIT, USA)

Stolyarova O. E. (Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia)

Tchalakov I. (University of Plovdiv, Bulgaria)

Titkov A. S. (RANEPA, Moscow, Russia)

Utekhin I. V. (EU, St. Petersburg, Russia)

Design Trushina E. V.

Proofreading Krol I. E.

Layout Meyerson A. V.

Editorial address:

119 545, Moscow, pr. Vernadskogo, 84
building 9, office 2503

<http://socofpower.ranepa.ru>

soc.of.power@gmail.com

Printed at “Delo” printing house

Содержание

Предисловие редактора-составителя

-
- 8 МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА. Семиотика для всех социологических целей

Материальная семиотика

-
- 18 КИРИЛЛ А. ПЕТРОВ. Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно
-
- 38 МАКСИМ Д. МАЛЬКОВ. Проблема релевантности в пост-акторно-сетевой теории
-
- 62 ЕВГЕНИЙ М. БЫКОВ. Ассоциация «Я/магнит»: как люди с магнитными имплантами описывают свой новый опыт

Переплетенный семиозис

-
- 86 ИЛЬЯ УТЕХИН. Микроанализ невербальных аспектов коммуникации (из интеллектуальной истории мультимодального анализа)
-
- 119 МИХАИЛ Д. БЕЛОВ. Коммуникация животных: от человека к обезьяне и от насекомого к систематике

Биосемантика

-
- 139 АНДРЕЙ Е. СЕРИКОВ. Грамматика поведения человека и биосемантика

Переводы

-
- 156 БРУНО ЛАТУР. Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология
-
- 197 ЧАРЛЬЗ ГУДВИН. Мультимодальность в человеческом взаимодействии

Рецензии

-
- 224 Наталия А. Волкова. Зачем возвращаться домой? Краткий экскурс в историю фундаментальной социологии. Рецензия на книгу: Баньковская С. П. (2023). Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Издательство «Владимир Даль»
-
- 242 Алексей В. Воронков. Искусство путешествий по полыхающим мостам. Рецензия на Kockelman P. (2017). The art of interpretation in the age of computation. Oxford University Press

Table of Contents

Contributing Editor's Foreword

-
- 8 MARIA A. EROFEEVA. Semiotics for All Sociological Purposes

Material semiotics

-
- 18 KIRILL A. PETROV. Material Semiotics as a Method: From Uncertainty to Order and Back Again
-
- 38 MAKSIM D. MALKOV. The Problem of Relevance in Post-Actor-Network Theory
-
- 62 EVGENII M. BYKOV. "I/Magnet" Association: How Do People with Magnet Implants Signify Their New Experience

Intertwined semiosis

-
- 86 ILYA UTEKHIN. Microanalysis of Nonverbal Aspects of Communication (from the Intellectual History of Multimodal Analysis)
-
- 119 MIKAEL D. BELOV. Animal Communication: From Human to Monkey, from Insect to Systematics

Biosemanitics

-
- 139 ANDREI E. SERIKOV. A Grammar of Human Behavior and Biosemanitics

Tranlations

-
- 156 BRUNO LATOUR. How Better to Register the Agency of Things
-
- 197 CHARLES GOODWIN. Multimodality in Human Interaction

Book Reviews

-
- 224 NATA A. VOLKOVA. Why Return Home? A Short Excursion into the History of Russian Fundamental Sociology. Book Review: Bankovskaya S. P. (2023). Strangers and Borders. Research in the Sociology of Marginality. St. Petersburg: Publishing House "Vladimir Dal"
-
- 242 ALEXEY V. VORONKOV. The Art of Traveling across Burning Bridges. Book Review: Kockelman, P. (2017). The art of interpretation in the age of computation. Oxford University Press

Предисловие редактора-составителя

МАРИЯ А. ЕРОФЕЕВА¹

РАНХиГС; МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-0874-5272

Семиотика для всех социологических целей²

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-8-17

8

Социология, то ли вследствие своей молодости, то ли из-за врожденного FoMO³, развила в себе привычку смотреть в сторону своих старших коллег, других дисциплин. Вероятно, с ней связана склонность социологии поворачивать: сначала мы повернули к языку, затем — к практике, а теперь переживаем «поворот к материальному» (со всей тяжестью заимствованного из психологии поня-

1 Ерофеева Мария Александровна — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный конверсационный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

Erofeeva Maria Aleksandrovna — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; sociology of technology; actor-network theory. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

2 Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы Центра социологических исследований РАНХиГС «Роль любительских сообществ в развитии технологий: от практик использования к построению техноутопии» (2023).

Acknowledgments: This text was prepared in the context of the research project “The role of amateur communities in the development of technologies: from practices of use to the construction of techno-utopia” (2023) conducted by the Center for Sociological Research, RANEPa.

3 FoMO (англ. Fear of missing out) — состояние тревоги, связанное с опасением упустить что-то значимое или интересное.

тия аффорданса)¹. Кажется, что нашей дисциплине никак на месте не сидится: *а вдруг там у них что-то такое классное придумали, и нам тоже надо?*

Семиотика часто представлялась чем-то классным для социологии. Неудивительно, ведь, согласно заветам Вебера, объект нашего изучения существенно отличается от объектов естественных наук. Люди *осмысляют* свою деятельность, а операции интерпретации и тем более коммуникации не обходятся без знаков. Американская семиотика в лице прагматистской философии дала социологам ресурсы для аргументации *особенности* человеческого поведения (по сравнению с поведением животных или процессами в физическом мире). Так, Дж. Г. Мид, находившийся под влиянием прагматизма, предлагает концепцию *символического* взаимодействия, где под символом понимается особый присущий только людям тип знака — такой, смысл которого может быть отделен от жеста, его производящего. Эта концепция впоследствии легла в основу такого микросоциологического направления, как символический интеракционизм. В целом прагматистская идея о том, что мышление и коммуникация опосредованы знаками, широко разошлась по всей американской микросоциологии.

9

По другую сторону Атлантики семиотические идеи были восприняты менее буквально, зато получили гораздо более широкий охват. Несмотря на то что предложенная Ф. де Соссюром семиология была отнесена им к области социальной психологии, социологи нашли, на что позариться. Собственно, источником вдохновения стало фундаментальное соссюрское различие между языком и речью. Язык как система знаков был объявлен Соссюром чисто социальной сущностью, тогда как речь — не более чем индивидуальными (т. е. незначимыми) проявлениями языка. Это различие породило целую модель мышления: одна из сторон различения может быть признана несущественной, в то время как другая возведена на пьедестал. Весь структурализм в социологии и антропологии строится на этой модели — поиске скрытых социальных структур, которые объясняют их наблюдаемые, но поверхностные проявления, например, суждения вкуса при должном анализе могут обнажить механику работы габитуса и устройство социального пространства [Bourdieu 2010].

Ровно этот же редукционистский прием впоследствии будет использован теоретиками поворота к практике, вдохновленными идеями Витгенштейна о том, что язык — это то, как он использу-

1 Не говоря уже о множестве не столь крупных поворотов, как то: реляционный, воплощенный или поворот к мобильности.

ется. Эта логика позволяет любую структуру редуцировать к конституирующим ее практикам. На мой взгляд, наилучшим образом она зафиксирована в формуле, предложенной Л. Сачмен, — «планы и ситуативные действия» [Сачмен 2019]. Сачмен, антрополог техники и этнометодолог, изучала, как люди пользуются копируемыми аппаратами в Хегох Research Park, где показала, что есть планы инженеров, которые спроектировали «ксерокс», и ситуативные действия пользователей, которые зачастую идут вразрез с этими планами. Вывод напрашивается: в реальности, в ситуации никаких планов нет, а есть только ситуативные действия. Политический ученый Дж. Скотт, весьма далекий от этнометодологии, в своем исследовании государственного планирования показывает, что подобная логика работает и на гораздо большем масштабе [Скотт 2005]. Иными словами, нужно обращать внимание на практики реализации государственных проектов, а не на то, как они были задуманы.

10 Помимо влиятельной эпистемологической модели, идеи, заимствованные из континентальной семиотики, философии языка и вдохновленных ими направлений, также вторглись в то, как концептуализируется сама онтология социального. Гипотеза лингвистической относительности трансформировала классические модели репрезентации, в результате чего появился отдельный от социального регион дискурса, автономная Империя знаков, если воспользоваться формулировкой Б. Латура [2006: 130]. Последствия этих «семиотических переворотов» [Там же: 129-132] имеют огромный масштаб: на институциональном и методологическом уровнях — более тесное сотрудничество между социологами, политологами и лингвистами, приведшее к формулированию теории и методологии анализа дискурса; на теоретическом — необходимость соотносить исследуемые социальные феномены (включая практики) с дискурсивными.

Семиотика оказала фундаментальное влияние на развитие социологии: способствовала изменению дисциплинарной аксиоматики и появлению новых моделей мышления, а также помогла аргументировать исключительность человеческой социальности. Можно даже сказать, что социология — глубоко семиотическая дисциплина. Понятие знака и конституирующее его отношение репрезентации легли в основу теории и эпистемологии социальных наук.

Семиотические идеи по-прежнему являются источником вдохновения для социологов и антропологов. Микросоциология, постструктурализм, дискурсивные исследования, лингвистическая антропология, витгенштейнианская теория действия, акторно-сетевая теория — все эти направления так или иначе пересматривают наследие семиотики.

В этом выпуске мы сконцентрируемся на двух современных подходах, вдохновленных семиотикой, — мультимодальном конверсационном анализе (МКА) и акторно-сетевой теории (АСТ), точнее — на ее части, материальной семиотике. АСТ — направление, созданное для понимания науки и технологий и флагман поворота к материальному. МКА, выросший из конверс-анализа, — это теория, в центре которой находится мультимодальность человеческого взаимодействия, т. е. указание на то, что локальные цели взаимодействующих достигаются посредством множества воплощенных (embodied) семиотических ресурсов (не только языка, но и жестикуляции, просодии, направления взгляда и т. д.).

Несмотря на, казалось бы, огромную дистанцию между этими двумя подходами, можно заметить любопытные пересечения. Так, в представленном переводе Латур цитирует известную этнометодологическую статью про открытие оптического пульсара [Garfinkel, Lynch, Livingston 1981], для того, чтобы проиллюстрировать, что воплощенная работа ученых побуждает еще неизвестные сущности проявлять свои свойства и тем самым позволяет наделять их агентностью — совокупностью атрибутов, которые характеризуют «независимый галилеев пульсар» как феномен астрономии. Гудвин, в свою очередь, в своем исследовании телесной работы археологов подчеркивает, что действие строится из материалов разного типа, и научные инструменты вроде лопатки или карты привносят в него свойства, недостижимые только с помощью речи и жестов. В целом публикуемый перевод представляет собой краткое введение в МКА и, шире, в теорию ко-операционного действия [Goodwin 2018; Колядов 2019]. Гудвин описывает действие как процесс, в котором отдельные действия и сами акторы трансформируются в ответ на динамику ситуации, для того чтобы поддержать публичную осмысленность этих действий. Так осуществляется переплетенный семиозис (intertwined semiosis): действие строится с помощью материалов разного типа акторами с комплементарными свойствами.

Переключка между Латуром и Гудвином вызвана не схожестью задействуемых ими семиотических концепций, а тем, что они используют семиотику для решения классической социологической проблемы — концептуализации действия. В частности, оба ищут способы адекватного описания роли материальных объектов в социальных взаимодействиях. В АСТ предлагается наглядная точка зрения, что любой актор может быть развернут в сеть, т. е. связан с другими акторами/местами/временами определенными путями. Мы можем посмотреть на «профиль» каждого конкретного актора (например, Пастера), а можем и масштабировать на уровень сети [Latour et al. 2012]. Если АСТ интересуется соединениями между местами, то в центре внимания МКА находятся сами эти места и люди, их населяющие. Так, научные

приборы рассматриваются Латуром и Вулгаром как «записывающие устройства» [Latour, Woolgar 1986], делающие научное знание транспортабельным (сложно принести на конференцию исследуемые образцы почв, зато это гораздо проще сделать с таблицами, описывающими их свойства). В противоположность этому взгляду Гудвина волнует, как научные приборы структурируют жизненный мир тех, кто их использует. Так или иначе, логика кросс-дисциплинарного трансфера подчиняется практической задаче концептуализации агентности материальных объектов. Латур заимствует из семиотики А. Греймаса только одну из четырех модальностей (знать, хотеть, мочь, *обязывать*), чтобы концептуализировать принудительную, дисциплинирующую силу вещей [Høstaker 2005]; Гудвин адаптирует триаду знаков Пирса (иконы, индексы, символы) таким образом, что индексы приобретают в ней главенствующую роль, поскольку именно они обеспечивают связь между действиями (индексальная инкорпорация) [Goodwin 2018].

12

Поскольку у социологии на повестке всегда стоят практические (теоретические) задачи, уже заимствованные и трансформированные модели из семиотики снова трансформируются и настраиваются на их решение. Этот процесс можно сравнить с «бесконечным семиозисом» Пирса [Peirce 1931]: каждая интерпретанта становится знаком, который тоже интерпретируется, и эта новая интерпретанта становится следующим знаком, и так до бесконечности. В этом выпуске мы предлагаем сделать остановку на определенной фазе этого процесса и рассмотреть, как происходит трансфер семиотических моделей в названных теоретических направлениях и как представления о знаках и знаковых системах могут быть продуктивно задействованы для концептуализации социальных феноменов и проведения эмпирических исследований.

Материальная семиотика — обозначение способа переноса семиотических инструментов на материальный мир для описания «человеческих и не-человеческих ансамблей» [Akrich, Latour 1992]. В текстах, в которых этот способ был предложен Латуром и М. Акриш [Akrich 1992; Latour 1992], речь идет об описании *материальных артефактов*, т. е. индивидуальных объектов/технологий (дверной доводчик, лежащий полицейский, комплект фотоэлектрического освещения). Это «вырезает» материальную семиотику из корпуса исследований АСТ как отдельную область, отличную от исследований науки¹. Однако в так называемой Ланкастерской ветви АСТ, или

1 Неслучайно в своем последнем крупном теоретическом труде Латур рассматривает науку и технику как отдельные модусы существования [Latour 2013].

пост-АСТ¹ (Дж. Ло, А. Мол, В. Синглтон и др.), понятие приобретает расширительное и эпистемологическое значение как способ рассмотрения любых феноменов в качестве эффекта сетей отношений [Law 2009]. Кирилл Петров показывает, как разница в понимании материальной семиотики приводит к различиям в концептуализации того, как социальные теоретики должны работать с неопределенностью и беспорядком. Автор обосновывает свой анализ с помощью рассмотрения эпизодов взаимодействия в Центре помощи детям и взрослым с ментальными и физическими нарушениями, которые иллюстрируют, как сами акторы справляются с неопределенностью, то ограничивая, то усиливая ее. В тексте Максима Малькова продолжается анализ различий между версиями АСТ и аргументируется, что из-за различий в теоретических моделях в пост-АСТ внимание смещается с анализа роли материальных объектов к анализу их пространственно-темпоральных осуществлений. Автор настаивает на необходимости темпорального измерения в пост-АСТ и реконцептуализирует пространства потоков и огня как темпоральные концепты. Наконец, в статье Евгения Быкова материальная семиотика используется как ресурс для концептуализации феноменального опыта людей с вживленными в тело магнитными имплантатами. На основании нарративов «киборгов» автор описывает, как осуществляется и *интерпретируется* ассоциация «Я/магнит».

13

Способ заимствования семиотических моделей в АСТ переопределяет одну из функций, которую выполняла семиотика в начале XX века, — обосновать особенность человеческой социальности. АСТ размыкает границы Империи знаков и применяет семиотические принципы к материальному миру. Это не сводится к тезису о том, что вещи имеют значение; скорее, объекты науки и технологии опосредуют человеческое действие определенным образом, для описания которого язык семиотики оказывается очень даже подходящим. Тем самым семиотические модели, ранее адаптированные в социологии для аргументации уникальности человеческого поведения, начинают распространяться на не-человеческий мир.

Причем эта тенденция характерна не только для АСТ. Михаил Белов обвиняет Латфура в поспешности: приравнивая комплексную (в отсутствие объектов) социальность людей и обезьян [Латфур 2006], тот переходит к миру вещей, «пропуская» логическое звено, которое необходимо для объяснения сходств и различий между человеком и животным. В статье проводится обзор существующих направлений, в которых семиотические ресурсы используются для концептуализации животной социальности: культурная антропология,

1 Наименование связано со сборником [Law, Hassard 1999].

лингвистика и семиотика животных, конверсационный анализ. Несмотря на то что функция трансфера из семиотики меняется, автор подчеркивает, что существующие способы концептуализации не способны справиться с *отличием* животного мира от человеческого и часто прибегают к неудовлетворительному переносу семиотики людей на биосемиотику. В созвучном ключе Илья Утехин предпринимает историческое исследование истоков МКА и демонстрирует, что далеко не любые семиотические и кибернетические идеи оказались продуктивными при их переносе в область исследования человеческого поведения. Фиксация всех деталей невербальной коммуникации породила море описательных данных, путеводной звездой в котором оказался анализ внимания самих участников коммуникации. Иными словами, пока не было признано, что производство и интерпретация знаков — это практика взаимодействующих, а не решение аналитика, семиотика не могла принести плодов в область исследования невербальной коммуникации. Это еще раз подчеркивает, что логика трансфера семиотических моделей в социологию связана с теми теоретическими задачами, которые решаются в дисциплине в данный момент.

14

Блок статей завершается текстом Андрея Серикова, в котором тестируется потенциал теоретических ресурсов психологии К. Левина и биосемантики Р. Милликэн для объяснения типичных форм человеческого поведения. Биосемантика, в отличие от биосемиотики, интересуется не тем, как знаковая деятельность осуществляется в природном мире, а тем, как вполне человеческие структуры (язык) возникают и закрепляются в процессе эволюции [Millikan 2018]. Несмотря на то что это направление далеко от социологии, в контексте нашего выпуска оно указывает на еще одну функцию теоретического импорта из семиотики — поиск новых метафор. В микросоциологии закрепилось представление о том, что люди населяют общий интересусубъективный мир, который они видят более-менее одинаково благодаря общности социального опыта [напр., Шюц 2004]. Милликэн с ее понятием уницепта бросает вызов этой фундаментальной идее: нет никаких универсальных концептов, коллективных представлений — одни и те же вещи мы видим по-разному. Если с этой точки зрения посмотреть на социальный мир, возможно, станут яснее особенности технически-опосредованной коммуникации, когда общность мира может быть подвергнута сомнению (например, из-за технических настроек и лага участники видеоконференции могут видеть и слышать различные вещи) [Seuren et al. 2021].

Выпуск закрывают две рецензии, каждая из которых отсылает к интересующим нас подходам. Наталия Волкова аргументирует, что книга С. П. Баньковской по социологии маргинальности может быть

рассмотрена как «зеркало европейской социальной мысли и, прежде всего, последней волны исследований науки и технологий» (частью которой можно считать материальную семиотику), и сама использует методологические ресурсы АСТ для подготовки рецензии. Алексей Воронков анализирует логику работы лингвистического антрополога¹ П. Кокельмана, который с помощью семиотики Пирса пытается примирить «физиков и лириков». Разница между рецензируемыми книгами и направлениями снова преодолевается за счет того, что их авторы решают вечные для социальных наук вопросы, в частности вопрос о статусе социальных и гуманитарных наук по отношению к точным и естественным. Идея Кокельмана о том, что они обладают разными семиотическими онтологиями, отражается в способе анализа Волковой: постулируемый Баньковской статус социологии как Чужака по отношению к естественным наукам она рассматривает в качестве проводника семиотического обмена между ними. Кроме того, рецензенты, не сговариваясь, предлагают смотреть на чтение книги как на дрейф по ландшафту или путешествие.

Этот выпуск, как слепок определенной фазы в процессе трансфера семиотических моделей в социологию, надеюсь, сам станет толчком для дальнейшего семиозиса и поиска неожиданных пересечений.

15

Библиография / References

Коллектив авторов (2023). Форум: Лингвистическая антропология. *Антропологический форум*, 58: 12-189.

— Authors' team (2023). Forum 58: Linguistic Anthropology. *Antropologicheskij forum*, (48): 12-189. — in Russ.

Колядов Д. М. (2019) Рец. на кн.: Charles Goodwin. Co-operative action. NY: Cambridge University Press, 2018. 521 p. *Антропологический форум*, (42): 231-241.

— Kolyadov D. (2019) A Review of Charles Goodwin. Co-Operative Action. NY: Cambridge University Press, 2018, 521 p. *Antropologicheskij forum*, (42): 231-241. — in Russ.

Латур Б. (2006) *Нового времени не было*, СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B. (2006) *We Have Never Been Modern*, Saint Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2006) Об интеробъективности. В. С. Вахштайн (ред.). *Социология вещей*, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 169-198.

1 Лингвистическая антропология — область, в которой речевые практики рассматриваются как социальные действия, и в этом смысле она родственна, если не синонимична МКА. См. недавнюю дискуссию в: [Коллектив авторов 2023].

— Latour B. (2006) On interobjectivity. *Sociology of Things*, M.: «Territoria budushchego» Press: 169-198. — in Russ.

Сачмен Л. (2019) *Реконфигурации отношений человек–машина: планы и ситуативные действия*. М.: Элементарные формы.

— Suchman L. (2019) *Human-Machine Reconfigurations: Plans and Situated Actions*, Moscow: Elementary Forms. — in Russ.

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*, М.: Университетская книга.

— Scott J. (2005) *Seeing Like a State. How Certain Schemes to Improve the Human Condition have Failed*, Moscow: University Book. — in Russ.

Шюц А. (2004) *Избранное: Мир, светящийся смыслом*, М.: РОССПЭН.

— Schutz A. (2004) *Selected Papers: A world glowing with meaning*, Moscow: ROSSPEN — in Russ.

Akrich M. (1992) The De-Scriptio of Technical Objects. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press: 205-224.

Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press: 259-264.

Bourdieu P. (2010). *Distinction*, London: Routledge.

Garfinkel H., Lynch M. & Livingston E. (1981) The Work of a Discovering Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of the Social Sciences*, 11(2), 131-158.

Goodwin C. (2018) *Co-operative action*, Cambridge: Cambridge University Press.

Høstaker R. (2005) Latour — Semiotics and Science Studies. *Science Studies*, 18(2): 5-25.

Latour B., Woolgar S. (1986). *Laboratory life: the construction of scientific facts*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Latour B. (1992) Where Are the Missing Masses? The Sociology of a Few Mundane Artifacts. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press: 225-258.

Latour B. (2013) *An Inquiry Into Modes of Existence*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Latour B., Jensen P., Venturini T., Grauwin S., Boullier D. (2012). “The whole is always smaller than its parts”: a digital test of Gabriel Tardes’ monads. *The British journal of sociology*, 63(4): 590-615.

Law J. (2009) Actor-network theory and material semiotics. Bryan S. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*, Oxford: Blackwell.

Law J., Hassard J. (1999) Actor-network theory and after. John Law and John Hassard (eds.) *The Sociological Review*, 47(S1).

Millikan R. G. (2018) Biosemantics and Words that Don't Represent. *Theoria*, 84 (3): 229-241.

Peirce Ch.S. (1931) *Collected Papers of Charles Sanders Peirce*, Vol. 5. Cambridge [Mass.]: Harvard University Press.

Seuren L. M., Wherton J., Greenhalgh T., Shaw S. E. (2021) Whose turn is it anyway? Latency and the organization of turn-taking in video-mediated interaction. *Journal of Pragmatics*, 172: 63-78.

Рекомендация для цитирования:

Ерофеева М. А. (2023) Семиотика для всех социологических целей. *Социология власти*, 35 (2): 8-17.

For citations:

Erofeeva M. A. (2023) Semiotics for All Sociological Purposes. *Sociology of Power*, 35 (2): 8-17.

Поступило в редакцию: 27.06.2023; принято в печать: 30.06.2023

Received: 27.06.2023; Accepted for publication: 30.06.2023

Материальная семиотика

Кирилл А. ПЕТРОВ¹

Центр исследований науки и технологий Европейского университета
в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб); Центр перспективных социальных
исследований Института общественных наук РАНХиГС, Москва, Россия
ORCID 0000-0002-4178-1726

Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно²

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-18-37

Резюме:

Как отмечает Джон Ло, уже к началу 90-х в текстах Бруно Латура почти полностью содержались основные принципы акторно-сетевой теории: внимание к гетерогенным отношениям, использование семиотических инструментов, приверженность принципам симметрии при описании истинности или неистинности утверждений, перформативность практик, ориентация на циркуляции, предрасположенность к case study. Стремясь расширить список подходов и инструментов, применяемых в ANT, Ло обращается к материальной семиотике. Он показывает ее как совокупность тем, стимулирующих чувствительность исследователя к проблеме полисемантической в конкретном поле. Вместе с тем его материальная семиотика имплицитно содержит критику версии семиотики Греймаса, развиваемую Латуром. В версии Ло семиотика описывает практики производства множественных реальностей, а также поддержания неопределенности и многозначности, в то время как семиотика Латура имеет более инструментальное значе-

18

- 1 Петров Кирилл Алексеевич — кандидат философских наук, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского университета в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб), научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук РАНХиГС. Научные интересы: исследования науки и технологий, социальные исследования биомедицины, биоэтика. E-mail: kpetrov@eu.spb.ru
- 2 Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-326).

Acknowledgments: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-326).

ние, показывая, как конкретные акторы, создавая правила, устраняют полисемантичность и формируют общий порядок. В статье показано, что указанное противоречие связано с разным подходом к решению вопроса о прослеживании длины сетей отношений, создаваемых акторами. Однако сам этот вопрос является эмпирическим. В статье исследуется конкретный кейс взаимодействия в практиках Центра помощи детям и взрослым с ментальными и физическими нарушениями. Показано, что проблема полисемантичности и неопределенности имеет два решения: ограничение сети через «в-ключение» автора сообщения и поддержание полисемантичности через «частичные соединения».

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, материальная семиотика, неопределенность, значение, исследования инвалидности, частичные соединения

Kirill A. Petrov¹

European University in Saint Petersburg; RANEPa, Moscow, Russia

Material Semiotics as a Method: From Uncertainty to Order and Back Again

Abstract:

John Law notes that — by the early 1990s — Latour's approach contained the entirety of the principles of actor-network theory: attention to heterogeneous relations, use of semiotic tools, adherence to symmetry in describing the truth or false statements, performativity of practices, focus on circulations, predisposition to case studies. Expanding the list of approaches and tools used in the ANT, Law turns to material semiotics. He aspires to show it as a set of themes that stimulate the researcher's sensitivity to the problem of polysematicity in a particular field. At the same time, his version of material semiotics implicitly contains a critique of the Greimas' semiotics developed by Latour. Law's vision describes practices of producing multiple realities, maintaining uncertainties and the polysemantic. In contrast, Latour's semiotics are more instrumental, showing how particular actors eliminate multiplicity by creating common rules. The article shows that the contradiction between Latour's semiotics and Law's material semiotics is related to the question of tracing the networks' length created by heterogeneous actors. However, this question is empirical. The article explores a particular case of interaction from the practices of a center for the development and socialization of children and adults with mental disabilities. It is shown that the problem of polysematicity and uncertainties has two solutions: limiting the network through a "shifting in" of the "enunciator" and maintaining polysematicity through "partial connections".

19

1 Kirill A. Petrov — Researcher of Center for Science and Technology Studies, European University in Saint Petersburg, researcher of Center for advanced social research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: kpetrov@eu.spb.ru

Keywords: actor-network theory, material semiotics, uncertainties, meaning, disability studies, partial connections

Введение. Катастрофа многозначности

Материальная семиотика прочно ассоциируется с акторно-сетевой теорией (ANT) [Соколовский 2016]. Впрочем, это хоть и распространенная, но не совсем точная оценка. Джон Ло относит к материальной семиотике не только ANT, но также феминистскую семиотику, развиваемую в работах Донны Харауэй, и «ряд смежных направлений в дисциплинах, включая социальную и культурную антропологию, исследования культуры, постколониальные исследования и географию» [Law 2019]. Причины ошибочного отождествления материальной семиотики и ANT лежат на поверхности. Один из наиболее важных для акторно-сетевой теории авторов — Бруно Латур активно использовал в своих работах инструментарий семиотики Альгирдаса Греймаса. Достаточно процитировать часто упоминаемый в этом контексте фрагмент из книги «Пересборка социального»: «Было бы довольно точно описать ANT как наполовину Гарфинкеля и наполовину Греймаса: она просто объединила два самых интересных интеллектуальных движения по обе стороны Атлантики» [Latour 2005: 54]. Не стоит, однако, рассматривать этот фрагмент как окончательное доказательство того, что метод Латура — семиотический. Не менее важно предупредить, что латурианская версия семиотики Греймаса вовсе не равна материальной семиотике. Остается только согласиться с Иваном Напреенко, писавшим, что «сам Латур, несмотря на то что является для ANT фигурой тотемной, крайне осторожно, если не сказать вовсе не использует этот термин [материальная семиотика] применительно к своим выкладкам» [Напреенко 2013: 76].

Как определить материальную семиотику и в каких отношениях она находится с акторно-сетевой теорией? В нашем распоряжении имеются две работы Джона Ло, посвященные этой проблеме и написанные им с разницей в десять лет. В 2009 году он публикует статью «Акторно-сетевая теория и материальная семиотика» [Law 2009]. Второй текст — «Материальная семиотика» [Law 2019] появляется на личной странице Ло www.heterogeneities.net в январе 2019-го. Оба текста близки друг к другу не только тематически. Центральный тезис этих двух работ состоит в том, что материальная семиотика является «семейством инструментов, чувствительностей (sensibilities) и методов анализа, которые рассматривают все в социальном и природном мире как постоянно генерируемый эффект сетей отношений, в которых они находятся» [Law 2009: 141]. «Диагно-

ричность» материальной семиотики, упоминаемая в этом контексте, связана с ориентацией на умножающиеся исследовательские поля и способы их описания. Это многообразие ценно само по себе и не может быть редуцировано ни к общетеоретическому взгляду, ни к унифицированному методу. Ло рассматривает материальную семиотику как совокупность тем, стимулирующих чувствительность к многообразию значений, возникающих в практиках [Law 2019]. В отличие от него, Бруно Латур предписывает семиотике более инструментальное значение.

Французский представитель ANT оставил значительное число свидетельств применения в своих текстах идей Альгирдаса Греймаса. Тем удивительнее, что исследований, описывающих характер подобных заимствований, не так много [Кузнецов 2018; Beetz 2013; Hostacker 2005; Lenoir 1994]. Необходимо согласиться с А. Кузнецовым в том, что «рецепция и апроприация семиотики Латуром является “организующим принципом”» [Кузнецов 2018: 87]. Латур не только выборочно применяет инструменты анализа теории знаковых систем, но и предлагает иное видение самой семиотики. В совместном с Мадлен Акриш тексте «Краткое изложение удобного словаря для семиотики человеческих и нечеловеческих ансамблей» Латур пишет, что семиотика посвящена «изучению того, как выстраивается значение, но слово “значение” берется в его первоначальной нетекстовой и нелингвистической интерпретации; как строится одна привилегированная траектория из неопределенного числа возможностей; в этом смысле семиотика — это изучение построения порядка или пути, и она может быть применена к обстановке, машинам, телам и языкам программирования, а также к текстам» [Akrich, Latour 1992: 259]. В такой версии семиотика позволяет проследить, как из многообразия значений появляется определенность, относительно устойчивая версия реальности.

Однако выстроенный порядок может разрушаться, обнажая таящуюся под ним многозначность. Эта тревожащая мысль приводит Латура к уточнению некоторых идей в тексте «Почему критика выдохлась? От вопросов факта к вопросам беспокойства». Разбирая статью *The New York Times*, посвященную экологическому кризису, Латур пишет: «Я сам в прошлом потратил некоторое время на то, чтобы показать “отсутствие научной определенности”, присущее конструированию фактов. Я тоже сделал это “главной проблемой”. Но я не ставил перед собой цель одурачить общественность, скрывая определенность заверченного спора» [Latour 2004: 230]. Семиотическая перспектива оказывается полезной в ситуации, когда необходимо увидеть, как ученые закрывают разногласия и приходят к фактам, или заставляют сложные объединения образовывать «черные ящики», способные действовать «заодно». Искусственно поддер-

живаемая многозначность и неопределенность явились для Латура свидетельствами катастрофы.

Действительно ли многозначность в рамках акторно-сетевой теории стоит рассматривать как знак надвигающейся беды? Как материальная семиотика работает с проблемой беспорядка? Важной характеристикой и ANT-исследований, и материальной семиотики является их эмпиричность. Поэтому в данной статье мы последуем девизу Латура «следуй за акторами» и увидим, как психологи Центра помощи детям и взрослым с тяжелыми ментальными и физическими поражениями управляются с полисемантической. В данной работе мы исследуем локальное и довольно короткое взаимодействие между сотрудниками и их подопечными, в котором, однако, обнаруживаются разнонаправленные тенденции устранения многозначности и ее поддержания. Для удобства чтения статья разделена на две части. В первом параграфе рассмотрены общие проблемы материальной семиотики. Показано, что, в отличие от семиотической модели Латура, версия Ло предполагает установление определенной сложности и многозначности. Во втором параграфе продемонстрировано, как сотрудники Центра на практике реализуют стратегии ограничения значений и их умножения.

22

Множественность онтологий в материальной семиотике

В текстах Ло невозможно отделить материальную семиотику от работы, производимой исследователем, а в конечном счете и от локальных взаимодействий, в которые он вовлечен. Поэтому Ло предлагает ее тематизацию через набор «эмпирических case study» [Law 2009: 141]. При этом список представленных исследований во многом произволен и характеризует, как отмечает Ло, его личную траекторию в STS [Law 2019]. Каков перечень тем, описывающих материальную семиотику? Во-первых, Ло отмечает дескриптивность, означающую уже не только ориентацию на конкретные кейсы, но и нацеленность на установление гетерогенного характера отношений, а также использование симметричных понятий для обсуждения разных позиций внутри научных разногласий. Во-вторых, Ло пишет о перформативности, предполагая, что для того, чтобы стать «реальным», нечто, например «рыночная система», должна быть разыграна (enacted) в практиках. В-третьих, разыгрывание, по мнению Ло, приводит к появлению множественности онтологий.

Почему тема множественности так важна для Ло? Стоит отметить, что он принимает онтологию, развиваемую в ряде работ Анн-мари Мол, предполагающую, что «материя никогда не является “самой собой”». Даже когда ее не интерпретируют, материя никогда

не одна. Ведь вполне возможно, что материя действует, но то, что она способна сделать, неизбежно зависит от соседней материи, с которой она может что-то сделать. Действие — это всегда взаимодействие» [Mol 2012: 380]. Таким образом, завершает Мол, «реальности адаптивны и множественны» [Ibid.: 381]. Но как связываются разные версии реальностей между собой? Мол предполагает, что эти связи невозможно концептуализировать, но только описывать. Для обозначения этого парадоксального соотношения дескрипции, выбора разных версий реальности и запрета на их теоретическое обобщение она вводит концепт «онтономы».

Ло, так же как и Мол, видит проблему связи разных реальностей как эмпирическую, но не исключает возможности более отвлеченной позиции. Для этого он обращается к исследованиям «пограничного объекта» и «зимбабвийского насоса». Сюзан Ли Стар в совместной с Джеймсом Гриземером статье описывает пример сотрудничества между администрацией университета, коллекционерами и трапперами (звероловами) при создании зоологического музея, а также процесс возникновения в этих практиках предметов, находящихся на пересечении разных социальных миров — пограничных объектов. В тексте 2010 года Стар определяет их как «своего рода договоренности, позволяющие различным группам работать вместе, не прибегая к консенсусу» [Star 2010: 602]. Как функционирует эта договоренность без консенсуса? Стар иллюстрирует свои размышления примером карты. Она пишет, что «для одной группы людей карта дорог может указывать путь к кемпингу, месту отдыха. Для другой группы эта же карта может указывать на ряд важных геологических объектов или мест обитания животных для ученых. Такие карты могут быть похожи друг на друга, пересекаться и даже казаться неразличимыми для стороннего наблюдателя» [Star 2010: 602]. По мнению Стар, именно особенности использования объектов определяют возможности их многообразных интерпретаций. Утверждая «интерпретативную гибкость» таких объектов, Стар подчеркивает *разрыв* между практиками различных групп.

Если пример пограничного объекта объясняет границу «онтологической» разницы социальных миров, то исследование «зимбабвийского насоса» позволяет увидеть, как конструкция технического устройства позволяет ему *перетекать* из одной реальности в другую, парадоксальным образом связывая их. В совместной работе Де Лаэт и Мол дают красочное описание «прочного, универсального, эффективного, экономного» [Де Лаэт, Мол 2017: 196] насоса, способного инкорпорировать жизнь разных социальных групп: «Бурение колодца вращением перекадины (тяжелой из-за сидящих на ней мужчин) создает собрание жителей иного характера, чем то, которое собирается для похорон соседа. Поддерживать единство нации с помощью

насоса — не то же самое, что делать это денежными подачками или перераспределением земли. Таким образом, разные границы втулочного насоса задают ограниченный набор конфигураций. Можно сказать, каждая из них реализует свой втулочный насос» [Там же: 197]. Наличие множественных реальностей подчеркивает многообразие значений, которые могут приобретать конкретные предметы внутри них. Технические объекты «могут быть одновременно и нововременными (насос обеспечивает во множестве мест одинаково чистую воду), и не-нововременными (он приспособливается к очень разным условиям деревень Зимбабве)» [Там же: 220]. Этот аспект принципиально важен, так как успешность насоса, описанного в статье Де Лаэт и Мол, напрямую зависит от его способности быть текучим, адаптивным, менять свое значение. Важно подчеркнуть, что текучесть включена в саму технологию. Это свойство делает возможным стабилизацию технического артефакта через соединения с элементами деревенской общины.

24

В собственных исследованиях Ло проблематизирует множественность реальностей иным способом. В самом начале своей статьи «Объекты и пространства» он пишет, что «объекты являются “производными” некоторых устойчивых множеств или сетей отношений» [Ло 2006: 30]. Что означает концепт производства для материальной семиотики? Ло дает краткий, но требующий дополнительной экспликации ответ: «Производство объектов всегда носит мультитопологический характер, своей “непрерывностью” объекты обязаны пересечению различных пространств» [Там же: 36]. Ло обращается к своему излюбленному примеру — португальским кораблям, выводя на поверхность сложную онтологию границ, разрывов и инаковости, характерную для его версии материальной семиотики. Корабль перемещается в физическом пространстве, но сохраняет свою устойчивость и даже «неподвижность» в пространстве сетей отношений. По мысли Ло, такое описание должно продемонстрировать, что вещь находится на пересечении разных сетей отношений, погружена в множественность реальностей, и в каждой из реальностей она имеет собственное значение. Каждое из пространств, в котором существует корабль, физическое, евклидово или пространство сетей, подчеркивает инаковость другого. Сам корабль существует в этих разрывах, на границах разных значений, сохраняя свою форму в каждом из пространств, то есть гомеоморфизм. Любой объект оказывается неопределенным и многозначным, что может быть истолковано как присутствие беспорядка. Однако цель материальной семиотики состоит в описании этих значений, раскрытии практик, производящих полисемантическую объектов.

Ориентация на практики удержания множественности приводит Ло к методологическому вопросу о границах прослеживае-

мых сетей. Устойчивость объекта, как было показано ранее, связана с возможностью выстраивать хрупкие, но при этом потенциально бесконечные сети отношений. «Если вы решите работать таким образом, то все равно остается один практический вопрос, который необходимо решить: когда пора прекратить проследивать эти сети?» [Law 2019]. Правильная дескрипция не может иметь дело с бесконечным числом связей. Следовательно, исследователь вынужден ограничивать свои описания. Это, в свою очередь, создает риск превращения дескрипции в разновидность субъективной оценки. Ло отмечает, что любое описание следует рассматривать как «потенциально мощную форму вмешательства, политического или иного, поскольку оно показывает, что предположения, заложенные в текущих договоренностях, могут быть иными» [Ibid.]. В этой точке описания материальной семиотики сходятся два вопроса: как исследовать множественность значений? Где заканчивается сеть? Решение Ло предполагает формирование определенной формы рефлексивности исследователя, знающего о возможных последствия выбора той или иной версии реальности. Однако такое объяснение нельзя назвать бесспорным. Во-первых, оно воскрешает старую дискуссию внутри ANT о рефлексивности самого исследователя [Латур 2012]; во-вторых, оно вводит асимметрию, наделяя исследователя большей по сравнению с другими акторами властью.

25

Ло отмечает, что интерес к множественности был характерен для всех авторов, работавших в рамках акторно-сетевой теории. Но правда ли Латур разделяет вместе с Ло видение ANT как исследование неопределенности? Этот вопрос вновь проблематизирует связь между материальной семиотикой и латурианской версией акторно-сетевой теории. Подсказку о том, где искать ответ на этот вопрос, дает сам Ло: «Идея о существовании различных логик является основной и для Латура, который писал о различных режимах высказывания (enunciation), включая религию, науку и закон» [Law 2009: 152]. Почему «высказывание» может быть проблемой? Роар Хостакер, ссылаясь на Греймаса и Курте, пишет, что для семиотиков высказывание является «областью посредничества, формирующей процесс, в котором производится дискурс» [Høstaker 2005: 20]. На основании такой интерпретации Латур выделяет четыре режима высказываний: научный, религиозный, политический и судебный. Научные высказывания предполагают умение «создавать циркулирующие ссылки, с помощью которых наши высказывания (здесь и сейчас) могут быть поняты как представление объекта (в другом месте) в природе» [Ibid.: 20]. За счет чего достигается подобная циркуляция?

Отправной точкой исследований Латура являются научные статьи, поскольку они «содержат утверждения неопределенного ста-

туса» [Кузнецов 2018: 97]. Такие утверждения не являются ни истинными, ни ложными, отсылая к незавершенному процессу производства научного знания. Это позволяет Латуру использовать семиотические методы для их анализа, результатом которого является понимание «многослойности» научных текстов. Он пишет, что «благодаря умелой стратификации изложения эти статьи создают у читателя ощущение глубины видения» [Латур 2013: 89]. Не стоит рассматривать эту многослойность как риторический прием, используемый автором для того, чтобы запутать критика. Ощущение глубины необходимо, чтобы «представить [то], во что нужно заставить поверить читателя, в самом тексте» [Там же: 85]. Многослойность возникает в результате специфических процедур, для описания которых Латур использует пару понятий «в-ключения» и «от-ключения». «Отключение имеет место тогда, когда говорящий или автор [высказывания — enunciation] отвлекает внимание читателя от него самого <...>. Операция включения, наоборот, привлекает внимание к самому говорящему и к условиям производства высказывания. Благодаря этим операциям текст внутри себя описывает свой релевантный контекст и создает внутренний референт» [Кузнецов 2018: 99]. В глоссарии к тексту «Надежда Пандоры. Эссе о реальности научных исследований» Латур пишет, что «“референция” означает не внешний референт, который будет бессмысленным (то есть буквально без средств для достижения его движения), а качество цепи трансформации, жизнеспособность его циркуляции. “Внутренний референт” — термин из семиотики, означающий все элементы, создающие среди различных уровней знаков текста такое же различие, как между текстом и внешним миром» [Latour 2005: 309]. Иными словами, значение — результат постоянной циркуляции, перемещения между разными уровнями текста или между разными посредниками. Использование идеи циркуляции позволило Латуру обособить процесс производства научного знания от «обыденного реализма» [Латур 2017: 226], видевшего науку как работу с «жалкими “фактами” (matters of fact), оторванными от “проблем” (matters of concern)» [Там же: 226].

Наиболее известный пример циркуляции, описанный Латуром, — педокомпаратор, ящик для хранения образцов почвы. «По существу, такой ящик является схематичной и масштабированной копией определенного участка земли, который репрезентирует изучаемый объект со зримым сходством. Его очевидность и является гарантом: этот референт, выражаясь семиотически, наделен иконичностью, т. е. непосредственно похож на действительность. Кроме того, гарантией служит его “мобильная неизменность”: он сохраняет самоидентичность после перевозки во Францию, благодаря чему на него можно ссылаться в производстве диаграмм, таблиц,

текстов» [Напреенко 2013: 92]. Парадоксальность педокомпаратора состоит в том, что он способен репрезентировать почву Амазонии вследствие того, что непосредственно не связан с ней, выделен из пространства тропических лесов, и сохраняет свою устойчивую форму. Как происходит это выделение? Объяснение этого процесса у Латура связано с рецепцией категории фрейма. В тексте «Об интеробъективности» он предлагает понимать под ним «перегородки», материальные условия ограничения взаимодействий. «Только благодаря существованию “фреймов” агенты могут вступать во взаимодействие лицом-к-лицу, оставляя “снаружи” историю своих жизней, а заодно и всех остальных взаимодействующих» [Латур 2006: 174]. Фрейм, таким образом, — это «вырезанное» с помощью материальных элементов взаимодействие, задающее границы смысла и значений. «Взаимодействие выражается в противоречивых формах: оно представляет собой систему фреймов (которая ограничивает интеракцию) и сеть (которая распределяет одновременность, близость и “персональность” взаимодействий)» [Там же: 176].

Используя приемы и инструменты семиотического анализа, Латур показывает, как акторы самостоятельно ограничивают присутствующую неопределенность; выстраивают единую, связную систему значений, открывающую дорогу фактам и «черным ящикам». Показательной в этом контексте является работа «Технология — это общество, ставшее устойчивым». Латур описывает менеджера отеля, который «продолжает требовать свои ключи обратно, напоминает клиентам вслух, вывешивает таблички и утяжеляет ключи, и, наконец, ему удастся дисциплинировать своих клиентов» [Latour 1990: 109]. Дескрипция цепи гетерогенных акторов делает очевидным процесс перехода от многозначности к строгой определенности, предсказуемости и контролю за действиями [Латур 2013: 213]. В этом пункте особенно заметен контраст между идеями Латура и Ло. Если для Латура цель семиотического метода — проследживать процесс установления порядка, то Ло стремится увидеть социальную науку, которая «смогла работать со смешениями, путаницей и относительным беспорядком» [Ло 2015: 12].

27

Зачем человеку тень? Проблема значения в практиках Центра

Работа с беспорядком и многозначностью в текстах Ло связана с использованием метафоры границы. Ло пишет, что «реальности держатся вместе благодаря тому, что связаны друг с другом через разрывы, или через взаимное производство инаковости. Но, возможно, они также держатся вместе, потому что перетекают друг в друга» [Law 2009: 152]. В этой емкой цитате содержатся две предпосылки

исследований множественности в рамках материальной семиотики, описанные выше: взаимодействия, лежащие в основании одной материальности, должны подчеркивать инаковость противостоящих версий реальности и воспроизводить разрывы; сама граница должна быть в некоторой степени проницаема для перехода. Решая проблему связи множественных пространств, Ло говорит, что отношения между реальностями являются разновидностями «частичных соединений» [Ibid.: 152], ссылаясь на одноименный текст Мерилин Стратерн [Strather 1991].

Стратерн показывает, что частичность оказывается способом описания парадоксальной связи через «разделение» [Ibid.: xxix]. Как возможны такие соединения? Объяснение Стратерн предполагает избегание дихотомии целое и часть в антропологических исследованиях. Ее описание строится не на фрагментации и «выделении», и не на «рефлексивном узнавании через другого, но предполагает социальную логику, которая делает половину целого одним из элементов пары» [Ibid.]. Такая констелляция позволяет избежать редукции объекта к общему значению, поскольку «любая часть одной вещи может также быть частью чего-то другого» [Ibid.]. Стратерн приводит пример использования ритуальных флейт народностью Хаген из Меланезии: «Обычные флейты, на которых мужчины Хаген играют для развлечения, используются как священные инструменты или не используются таким образом, хранятся завернутыми где-то в мужском доме или применяются в качестве инструмента для принуждения мальчиков, проходящих инициацию. Связи частичные. И они частичны, потому что в способе их использования нет ни малейшей возможности для аналогии» [Ibid.: 75]. Иными словами, антрополог не может найти общее определение функции флейты ни в мифах, ни в практиках. Каждое из предлагаемых описаний флейты будет «неполным», но при этом «завершенным» и убедительным [Ibid.: 39]. Таким образом, один и тот же объект находится в разных системах отсчета, в разных пространствах. Частичные связи показывают способ производства разрывов между разным реальностями или пространствами. Кроме того, концепт «частичных соединений» позволяет понять, что культуры способны «обрезать сеть», ограничивая те или иные взаимодействия [Strathern 1994]. Здесь появляется важный сюжет, который зачастую игнорируется представителями ANT. Объект теряет свою устойчивость или гомеоморфизм. Перемещаясь по разным пространствам, он никогда не равен сам себе.

Как создается разрыв, обосновывающий множество реальностей? Как разнообразные акторы пытаются устранить их, приведя все элементы сети к общему значению? Разрешить эти вопросы можно, лишь проследовав за ними в их практиках. В качестве исследовательского кейса предлагается рассмотреть пример взаимодействия

в пространстве Центра, осуществляющего помощь по реабилитации и социализации детей и взрослых с ментальными и физическими поражениями. Материалы, используемые в данной статье, являются результатами включенного наблюдения, проводившегося в Центре в июне и сентябре 2022 года, а также в апреле 2023 года¹.

Занятия в Центре начинаются около 10 утра. Сотрудники приходят немного раньше, чтобы подготовить пространство к приходу подопечных. Занятия предваряет «круг» — важный тип «ритуализованного» взаимодействия. Во время «круга» психологи знакомят подопечных Центра с расписанием, пытаются понять их самочувствие и настроение, координируют совместные усилия, распределяя обязанности на день. Круг, наверно, один из самых интересных типов коммуникации, используемых в Центре². Практически все коммуникации в Центре опосредованы широким набором инструментов альтернативной и дополненной коммуникации (АДК): чаще остальных используется язык жестов, активно применяются рисунки, знаки и схемы разной степени абстрактности, интерактивные кнопки. Многие элементы АДК должны находиться в зоне видимости как сотрудников, так и подопечных, для чего используются специальные доски, обитые ворсом, на которые с помощью «липучки» крепятся знаки или кнопки.

29

Важное место в процессе обучения занимает взаимодействие на кухне. Работа с продуктами — это хороший способ научить важным навыкам самостоятельности, познакомить с возможными рисками и опасностями, с которыми подопечные могут столкнуться в квартире, объяснить правила совместности. Ситуация, описанная ниже, происходила на кухне в здании Центра и была реконструирована на основании полевых материалов автора от 3 апреля 2023 года. Само взаимодействие можно формально разделить на две части: приготовление и прием пищи.

В 10.40 на кухню в сопровождении двух психологов, Александры и Леонида (имена всех участников изменены), приходят две девочки младшего школьного возраста — Аня и Марина. Сотрудники помогают им надеть фартуки и сесть на стулья. На столе перед девочками ставится деревянный планшет, обитый ворсистой тканью, на него прикрепляется изображение блина. Девочкам говорят, что сейчас время готовить. На столе стоит чаша блендера, два plástico-

1 С более подробным анализом работы Центра и особенностями взаимодействия сотрудников и подопечных можно познакомиться в статье «Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями» [Петров 2023].

2 Детальный разбор взаимодействия на «круге» с позиции конверс-анализа можно прочитать в работах Дмитрия Колядова [Колядов 2020].

вых контейнера и кружка с молоком. В одном из контейнеров мука, в другом — сахар. Психологи помогают девочкам по очереди положить сахар и муку в чашу блендера. Затем разбивают яйца и добавляют молоко. Леонид вставляет чашу в сам прибор, и перед девочками ставится ярко-красная кнопка, подсоединенная к блендеру с помощью специального адаптера. Девочки поочередно нажимают кнопку, активируя работу блендера. Александра с Аней начинают печь блины, добавляя на поверхность блинницы тесто из чаши. Александра снимает готовые блины, складывая их рядом с блинницей в широкую тарелку. В 10.55 занятие кулинарией заканчивается.

Александра убирает со стола планшет с изображением блина.

Вместо него ставятся два маленьких планшета. Один перед Мариной (см. фото 1), другой перед Аней (см. фото 2). На первом две красные кнопки с изображением ложки и поильника, на другом изображения блина и кружки.

30

Фотография 1. Элемент альтернативной и дополненной коммуникации, используемый в Центре, представляет собой дощечку, обитую ковровым материалом, с прикрепленными на «липучку» кнопками. При нажатии на них звучит голос: «Хочу есть», «хочу пить». Фотография автора.

Photo 1: The element of augmentative and alternative communication (AAC) used in the Centre is a carpeted board with Velcro-attached buttons. When one presses them, a voice sounds: “I want to eat”, “I want to drink”. Photo by the author.

Фотография 2. АДК-инструмент, соответствующий описанию к фотографии 1. Вместо кнопок к дощечке прикреплены изображения блина и кружки. Фотография автора.

31

Photo 2. AAC-tool which description corresponds to the photo 1. Images of a pancake and a mug are attached to the board instead of buttons. Photo by the author.

На стол перед Мариной ставится тарелка. Марина быстро нажимает сразу на обе кнопки. Динамики, располагающиеся в кнопках, воспроизводят запись спокойного мужского голоса: «Хочу есть», «хочу пить».

Леонид обращается к Марине: «Нельзя сразу нажимать. Мне непонятно».

Марина несколько раз давит на обе кнопки. Затем нажимает одну с изображением ложки. Звучит голос: «Хочу есть». Леонид кладет ей в тарелку блин и отходит от стола, направляясь к чайнику с водой. Марина быстро съедает блин и опять одновременно нажимает обе кнопки. Леонид возвращается к столу, слегка наклоняется к Марине и говорит, что не понимает. Марина нажимает изображение с поильником «хочу пить».

Леонид уходит, чтобы налить сок в поильник.

Аня не хочет есть. Александра берет блин, дует на него, чтобы остудить. Потом откусывает и произносит, обращаясь к Ане: «Какой вкусный блин мы сделали!»

Аня никак не реагирует. Леонид, отдав поильник Марине, становится сбоку от Ани. Александра подносит планшет с изображением блина и кружки поближе к Ане, которая трогает то одну, то другую картинку. В тот момент, когда рука Ани «зависает» над «блином», Леонид слегка приближает ее руку к изображению. Аня пытается отклеить картинку. В конце концов она снимает «блин» и отдает Александре. Ей в тарелку кладут блин, который Аня сразу съедает.

Александра берет стакан с соком. Аня весело тянется к нему. Но Александра отставляет его в сторону. Сразу после этого она вновь подносит планшет к Ане. Леонид слегка направляет руку и помогает ухватить изображение стакана. Аня снимает его, отдает Александре и получает кружку с соком.

После того как Аня допивает сок, занятие завершается.

Описанное взаимодействие распадается на серии интеракций, формально объединенных общей рамкой приема пищи. Но еда оказывается лишь поводом для начала коммуникации. Это особенно заметно на примере Ани, которая явно заявляет о желании пить, протягивая руки к кружке с соком. Однако ей необходимо сообщить об этом более формальным способом с помощью АДК-инструментов. Впрочем, использование посредника меняет характер высказывания: теперь это уже не заявление о желании, а просьба оказать помощь. Такая трансформация значения соответствует специфическому пониманию самостоятельности, предполагающему не столько способность независимого действия, сколько навык просить помощь у другого в затруднительной ситуации. Этот навык отсылает к коммуникативным ситуациям, с которыми подопечные столкнутся вне пространства Центра или семьи. Предложенное описание позволяет высветить, как с помощью материальных артефактов формируются различные пространства взаимодействия, участники перемещаются между ними. Какие же две реальности разыгрываются в данных взаимодействиях?

Марина сразу нажимает на обе кнопки. Для Леонида это может означать как просьбу принести ей и еду, и питье одновременно, так и ошибку. Неопределенность заставляет его ожидать более ясных сигналов, предписывающих последовательность его собственных действий. По его словам, эта ситуация является примером многозначности, а цель использования АДК-инструментов состоит в ее редукции. Важно напомнить, что Леонид не должен выполнять все действия сам. Ожидая просьбы со стороны Марины, он формирует описанный выше навык «самостоятельности». Определяя порядок действий, то есть создавая правило, Марина вынуждена работать в сложно структурированном пространстве кухни: и еда, и питье находятся в недостижимой для Марины зоне. Чтобы получить их, она должна создать контакт с Леонидом. Это невидимое соединение

определяется силой звука, доносящегося из динамика, спрятанного под кнопкой. Неопределенность, связанная с одновременным нажатием кнопок, усиливается тем, что Леонид может не услышать сигнал. Поэтому, когда Леонид слышит обе просьбы одновременно, находясь в рабочей части кухни, он приближается к Марине и даже наклоняется к ней, чтобы сказать о непонимании. Тем самым Леонид устраняет один из элементов неопределенности — дистанцию, на которой действует кнопка. Это действие подчеркивает, что его неспособность выполнить просьбы Марины детерминирована не отсутствием сигнала, а самим характером сообщения. В терминологии Латура, Леонид «в-ключает» отправителя сигнала, он возвращает Марину к ситуации производства самого сообщения. Здесь важно отметить, что все действия Леонида ограничивают возможности Марины по выстраиванию сети отношений. Утрачивая способность дистанционного контроля, Марина получает сигнал о необходимости быть более внимательной, или более «вовлеченной» в процесс выбора. Процедура «в-ключения» предполагает производство «разрыва», в категориях Ло и Стратерн. Иными словами, пространство кухни исключается из взаимодействия между Мариной и Леонидом. Это ограничивает набор значений, с которыми работает девочка, что в конечном итоге позволяет ей сделать выбор.

33

Аня находится в другом фрейме взаимодействия. Она должна обменять достаточно точное изображение блина на реальный блин. В отличие от координации Марины, вынужденной работать с определенной моделью пространства, Ане проще проследить процесс обмена. Но она сталкивается с другим затруднением: ей сложно снять изображения блина и кружки. На помощь приходит Александра, приближающая доску с картинками, и Леонид. Стоя рядом с Аней, он должен опознать в ее движениях то, что можно назвать «намерением». Сейчас он играет роль того, что на языке сотрудников Центра называется «тенью». Несколько позже, по завершении кулинарии, мне довелось выступить в роли «тени» для Ани во время игр. Инструкции, которыми меня снабдили психологи, были краткими. Мне предписывалось: хранить молчание, не отвлекать от взаимодействия психолога и подопечную, помогать в тех случаях, когда ребенку не хватало физической силы, чтобы снять соответствующее ее намерениям изображение. Однако самым сложным в этом процессе было не столько помочь оторвать от планшета значок игрушки, сколько увидеть в неопределенных и на первый взгляд беспорядочных движениях Ани действие, которое можно трансформировать в однозначное сообщение.

Сама метафора тени, используемая в Центре, предполагает антропологическую интерпретацию. Функция тени — незаметно следовать за человеком, ничего не добавляя к его действиям. Вместе

с тем тень расширяет Аню, проблематизируя границы ее присутствия. Результативность обмена, в котором она участвует, зависит от границы «расширения», создаваемой присутствием «тени». Тень словно «от-ключает» Аню, что позволяет переключиться со взаимодействия с элементами АДК на взаимодействие с психологом, где и происходит разыгрывание потенциальной коммуникации «вне» центра. Иначе говоря, тень позволяет преодолеть существующий «материальный» разрыв между практиками заботы в Центре и формализованными отношениями, с которыми девочка может столкнуться вне этого пространства.

И тень, и кнопка — это пример выстраивания частичных соединений, игры с разрывами между разными версиями реальности. В ситуации взаимодействия Марины и Леонида легко наблюдается процесс «ограничения» связи. Леонид устраняет пространство, которое контролируется с помощью кнопки, показывает, что сообщение не может быть переведено в действие, так как оно слишком неопределенно и многозначно. Тем самым он стремится сделать очевидным сам процесс производства сообщения. «Тень» — более сложный сюжет. Сама коммуникация с психологами, опосредованная АДК-инструментами, должна подготовить Аню к будущим взаимодействиям вовне Центра. То есть она отсылает к внешнему пространству, отсутствующему «здесь и сейчас». Образ «тени» показывает сложность масштаба, в котором присутствует девочка: здесь сочетается очень близкое, телесное взаимодействие, но также и представление о формальных «холодных» контактах вне пространства Центра, где от нее потребуется говорить не на языке желаний, а на языке совместных действий. Тень представляет собой пример расширения вовне, границы которого однозначно не определены. В-ключение и от-ключение по-разному производят разрывы в пространствах взаимодействий, в которых каждый из объектов лишь частично принадлежит конкретной локальности.

34

Заключение

Обращаясь к материальной семиотике, Джон Ло стремится расширить набор методологических приемов анализа неопределенности в рамках акторно-сетевой теории. Его модель предполагает внимание к множественным реальностям, в которых объекты видятся как пересечения разных пространственностей. Существование объектов в разных пространствах возможно благодаря сохранению устойчивой формы, гомеоморфности. Однако такое видение ANT, а также места семиотических инструментов неизбежно вступает в конфликт с версией семиотики Бруно Латура. В текстах, посвященных исследованиям науки и технологий, он применяет инстру-

менты семиотики Альгирдаса Греймаса для описания практик ограничения полисемантической и выстраивания общего порядка. Указанное различие оказывается частью не только теоретического ландшафта, в котором разворачивается разногласие. На примере практик Центра социализации и реабилитации детей и взрослых с ментальными и физическими поражениями показан процесс создания разрывов между разными реальностями с помощью «частичных соединений», невидимых сетей, связывающих их присутствие в пространстве Центра с многообразными взаимодействиями вне его. Как коротко резюмирует Дебора Баталья, понятие частичных соединений должно помочь «антропологам смотреть на то, как они сами и другие люди регенерируют и расширяют себя» [Battaglia 1993: 189]. Ключевая роль в образовании «частичных соединений» в Центре отводится техническим артефактам, которые определяют структурные элементы пространства и фрейма взаимодействия. Работая с ними, психологи Центра могут выстраивать координацию через ограничения сети. Не менее важную роль играет фигура «тени», которая буквально оказывается на пересечении разных пространств и значений, отсылая как к близости, так и к удаленности, и воспроизводит полисеманτικότητα. Указанная полисеманτικότητα связана с тем, что «тень» оказывается парадоксальным элементом: она полностью принадлежит Центру и позволяет разыграть «внешнее», не репрезентируя его, тем самым подчеркивая разрыв между двумя этими пространствами.

35

Библиография / References

Де Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*, 27 (2): 171-232.

— De Laet M., Mol A. (2017) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Logos*, 27 (2): 171-232. — in Russ.

Колядов Д. (2020) Значение говорящего: проблема участия людей с речевыми нарушениями в коммуникативном взаимодействии. *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 12(3): 100-125.

— Kolyadov D. Speaker's meaning: the problem of participation of people with speech impairments in communicative interaction. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 12(3): 100-125. — in Russ.

Кузнецов А. (2018) Метод Латура: семиотика между литературой и наукой. *Логос*, 28(5): 85-112

— Kuznetsov A. (2018) Latour's Method: Semiotics Between Literature and Science. *Logos*, 28(5): 85-112. — in Russ.

Латур Б. (2006) Об интеробъективности. В. С. Вахштайн (ред.). Социология вещей, М.: Изд. дом «Территория будущего»: 169-198.

— Latour B. (2006) On interobjectivity [Sociology of Things], М.: «Territoria budushchego» Press: 169-198. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии. Следуя за учеными и инженерами внутри общества* (пер. К. Федоровой), СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in action. How to follow scientists and engineers through society* (translated by K. Fedorova), Saint-Petersburg: EUSP Press. — in Russ.

Латур Б. (2017) Биография одного исследования: к работе о модусах существования. *Логос*, 27(1): 217-244.

— Latour B. (2017) Biography of an inquiry: on a book about modes of existence. *Logos*, 27(1): 217-244. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, 8: 113-143.

— Latour B. (2012) The Politics of Explanation: An Alternative. *Sociology of Power*, 8: 113-143. — in Russ.

Ло Дж. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 5(1): 30-42.

— Law J. (2006). Objects and Spaces. *Sociological Review*, 5(1): 30-42. — in Russ.

Ло Дж. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука* (пер. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой), М.: Издательство института Гайдара.

— Law J. (2015) *After Method: Mess in Social Science Research*, Moscow: Gaidar Institute Press. — in Russ.

Напреенко И. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*, (1-2): 75-93.

— Napreenko I. (2013) The Semiotic Turn in STS: Bruno Latour's Theory of the Referent. *Sociology of Power*, (1-2): 75-93. — in Russ.

Петров К. А. (2023) Разделить и стереть: формирование агентности у детей и взрослых с ментальными нарушениями. *Этнографическое обозрение*, 5; 178-193.

— Petrov K. A. (2023) Share and Erase: Agency Formation among Children and Adults with Mental Disorders. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 178-193. — in Russ.

Соколовский С. В. (2016) Материальная семиотика и этнография материальной культуры. *Этнографическое обозрение*, 5: 103-115.

— Sokolovskiy S. (2016) Material Semiotics and Ethnography of Material Culture. *Etnograficheskoe obozrenie*, 5: 103-115. — in Russ.

Akrich M., Latour B. (1992) A Summary of a Convenient Vocabulary for the Semiotics of Human and Nonhuman Assemblies. Wiebe E. Bijker and John Law (eds.) *Shaping Technology/Building. Society Studies in Sociotechnical Change*, Cambridge, Massachusetts London: The MIT Press: 259-264.

Battaglia D. (1993) Partial Connections. Marilyn Strathern. *American Anthropologist, New Series*, 95(1): 189-190.

Beetz J. (2013) *Latour with Greimas — Actor-Network Theory and Semiotics*, Academia. URL: [http://academia.edu/11233971/ Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics](http://academia.edu/11233971/Latour_with_Greimas_-_Actor-Network_Theory_and_Semiotics).

- Beetz J. (2016) *Materiality and Subject in Marxism, (Post-)Structuralism, and Material Semiotics*, London: Palgrave Macmillan.
- De Laet M. and Mol A. (2000) The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology. *Social Studies of Science*, 30(2): 225-63.
- Høstaker R. (2005) Latour — Semiotics and Science Studies// *Science Studies*, Vol. 18. № 2.
- Latour B. (2005) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor network theory*. Oxford: Oxford University Press.
- Latour B. (1999) *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, Mass. & London: Harvard University Press.
- Latour B. (1990) Technology is Society Made Durable. *The Sociological Review*, 38(1): 103-131.
- Latour B. (2004b) Why Has Critique Run out of Steam? From Matters of Fact to Matters of Concern. *Critical Inquiry*, 30: 225-48.
- Law J. (2019) Material Semiotics. URL: <http://www.heterogeneities.net/publications/Law2019MaterialSemiotics.pdf>
- Law J. (2009) *Actor-network theory and material semiotics*. Bryan S. Turner (ed.) *The New Blackwell Companion to Social Theory*. Oxford: Blackwell.
- Lenoir T. (1994) Was the Last Turn The Right Turn? The Semiotic Turn and A.J. Greimas. *Configurations*, 2(1): 119-136.
- Mol A. (2012) Mind your plate! The ontonorms of Dutch dieting. *Social Studies of Science*, 43(3): 379-396.
- Star S. L. (2010) This is Not a Boundary Object: Reflections on the Origin of a Concept. *Science Technology Human*, 35(5): 601-617.
- Strathern M. (1991) *Partial Connections*, Savage, MD: Rowman & Littlefield.
- Strathern M. (1996) Cutting the Network. *The Journal of the Royal Anthropological Institute*, 3(2): 517-535.

37

Рекомендация для цитирования:

Петров К. А. (2023) Материальная семиотика как метод: от неопределенности к порядку и обратно. *Социология власти*, 35 (2): 18-37.

For citations:

Petrov K. A. (2023) Material Semiotics as a Method: From Uncertainty to Order and Back Again. *Sociology of Power*, 35 (2): 18-37.

Поступила в редакцию: 11.05.2023; принята в печать: 16.06.2023

Received: 11.05.2023; Accepted for publication: 16.06.2023

Проблема релевантности в пост-акторно-сетевой теории

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-38-61

Резюме:

Статья посвящена проблеме релевантности в пост-акторно-сетевой теории. Вслед за поворотом к материальному в социологической теории одной из ключевых задач становится определение значимости не-человеков в социальных взаимодействиях или в более широких социальных процессах. В статье критически рассматриваются различные варианты решения проблемы релевантности в акторно-сетевой теории. Лагурианское решение сфокусировано на дисциплинарной силе объектов и оставляет без внимания другие типы агентности объектов. Мы демонстрируем, что ре-концептуализация объекта в пост-акторно сетевой теории (Ло, Мол, Синглтон) открывает новые аспекты проблемы релевантности. Несмотря на то, что исследователям удастся решить проблему изоляционизма сети, возникает новая проблема, связанная с идентификацией границ объекта. Поскольку в пост-акторно сетевой теории объект концептуализируется как множественный и осуществляемый в практиках, вопрос о релевантности материального объекта смещается к вопросу о релевантных практиках, в которых осуществляются различные версии объекта. В рамках пост-АСТ разработана топологическая модель осуществлений объекта — исследователи показывают, что объект может существовать в пространстве региона, сети, потока и огня. Вследствие этого ключевой задачей аналитика становится идентификация пространств, в которых осуществляется множественный объект. Однако топологическая модель, используемая исследователями пост-АСТ, ориентирована только на пространство осуществлений объекта, оставляя без внимания темпоральное измерение осуществлений. В работе мы проблематизируем статус потоковых и огненных пространств и предлагаем рассматривать их как темпоральные, а не пространственные концепты. В конце мы намечаем перспективы для разработки темпоральной концептуализации множественных объектов.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, поворот к материальному, не-человеческие акторы, социология вещей, STS

1 Мальков Максим Дмитриевич — Магистр социологии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ. Научные интересы: акторно-сетевая теория, методология социологических исследований, исследования образования. E-mail: mdmalkov@universitas.ru

Maksim D. Malkov¹

MSEES, Moscow, Russia

The Problem of Relevance in Post-Actor-Network Theory

Abstract:

The article is devoted to the problem of relevance in post-actor network theory. In the context of the turn to the material in sociological theory, one of the key tasks is to determine the relevance of non-humans in social interactions or in broader social processes. This article critically examines various solutions to the problem of relevance in actor-network theory. Latourian solution focuses on the disciplinary power of objects and leaves out other types of object agency. We demonstrate that the re-conceptualization of the object in post-actor-network theory (Law, Mol, Singleton) opens up new aspects of the relevance problem. Although researchers manage to solve the so-called problem of network isolationism, a new problem arises related to the identification of object boundaries. Since post-actor network theory conceptualizes the object as multiple and enacted in practices, the question of relevance of the material object shifts to the question of relevant practices in which different versions of the object are enacted. Within the framework of post-ANT, a topological model of object enactments has been developed — researchers show that an object can exist in region, network, fluid and fire space. As a consequence, the key task of the analyst becomes the identification of the multiple spaces within which the object is enacted. However, the topological model used by post-ANT researchers focuses only on the spaces of the object, leaving out the temporal dimension of enactments. In this paper, we problematize the status of fluid and fire spaces and suggest that they should be considered as temporal rather than spatial concepts. We conclude by outlining prospects for developing a temporal conceptualization of multiple objects.

39

Keywords: actor-network theory, material turn, non-human actors, sociology of things, STS

Всмотритесь в детали любого места и это немедленно превратит его во множество мест.

Аннмари Мол

- 1 Malkov Maksim Dmitrievich — Master's degree in Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES), guest lecturer at the National Research University Higher School of Economics (HSE). Research interests: actor-network theory, methodology of sociological research, educational research. E-mail: mdmalkov@universitas.ru

Введение

Не-человеческие акторы долгое время игнорировались в социологической теории. Если социология — это наука о социальном, а социальное — продукт человеческой деятельности, то роль всех не-человеков, будь то стены, микробы или наркотические вещества, всегда второстепенна. Как указывает Б. Латур, материальные объекты понимались в социологии как «материальная инфраструктура» или фетиши (марксизм), как «зеркала», отражающие практики людей (бурдьевиистская критическая социология) или как «задник сцены» — в отличие от людей, объекты не получали главных ролей в театре взаимодействий (Гоффман) [Латур 2014: 120]¹.

Можно выделить как минимум несколько критериев, которые обеспечивали эксклюзивность человеческих акторов, как в микро-, так и в макросоциологии: это обладание сознанием (и самосознанием), интенциональность, рефлексивность и владение языком [Segalo 2009]. Одним из самых известных направлений, которое ставит под сомнение уникальность человеческих акторов, является акторно-сетевая теория (далее — АСТ).

40

Акторно-сетевая теория заселила социологию микробами, лежащими полицейскими, дверными доводчиками, насосами, португальскими галеонами и множеством других материальных объектов. Материальные объекты стали рассматриваться как полноценные акторы, в том случае, если они вносят различие в сети [Латур 2014: 58-59]². Но как определить, является ли тот или иной материальный объект значимым актором?

Несмотря на то что материальные объекты могут выполнять множество разных функций [Sayes 2014], в латурианской версии АСТ определение релевантности объектов решается апелляцией к тем предписаниям (prescriptions), которые актуализировал объект по отношению к другим акторам [Hastaker 2005]. В известном примере Латура лежащий полицейский переводит сообщение «снижьте скорость машины, чтобы не сбить детей у школы» на «снижьте ско-

1 Критикуя «критическую» социологию, Латур отмечает, что понимание в ней некоторых объектов как фетишей (требующих разоблачения) сочетается с пониманием некоторых объектов как фактов (которые позволяют давать каузальные объяснения). Такая амбивалентная позиция позволяет критическому социологу наделять, зачастую произвольно, определенные объекты или целые дисциплины статусом факта и вскрывать идеологический/иллюзорный/фетишистский статус других объектов или дисциплин [Latour 2004].

2 Если актант в сети производит различие, то он является посредником, если актант не преобразует значение или силу, то он является проводником [Латур 2014: 58-59].

рость, чтобы не повредить свою машину» — в этой ситуации материальный объект выполняет функции полицейских, инженеров и политиков, делегировавших ему определенную программу действий [Latour 1994]. Если лежащий полицейский заставляет водителя затормозить перед школой — значит, этот объект является релевантным актором.

Еще одним решением проблемы релевантности у Латура является принцип «действия на расстоянии». Латурианская концептуализация прежде всего схватывает те материальные объекты, которые увеличивают асимметрию между акторами — например, карты, которые позволяли колониальным странам контролировать удаленные от них территории [Латур 2013: 347]. Таким образом, материальный объект в латурианской концептуализации является релевантным, если он заставляет человека что-то сделать или успешно действует на расстоянии.

Однако ранняя латурианская версия АСТ сталкивается с рядом проблем, которые на тот момент не удастся решить существующими концептуальными ресурсами. Несмотря на условность периодизации, принято считать, что критика Латура в 90-е [Schaffer 1991; Star 1990; Strathern 1996] явилась толчком к разработке новых версий акторно-сетевой теории, которые мы будем называть пост-акторно-сетевыми теориями (пост-АСТ). Ли и Браун упрекают теоретиков АСТ в том, что они пытаются *«разработать систему мышления, способную колонизировать все области, инкорпорировать, упорядочить и унифицировать все сущее»* [Lee, Brown 1994: 778] и при этом рассматривают отношения всех сущностей через оптику власти и доминирования¹. В сборнике «Социология монстров» уже намечаются траектории, по которым будет развиваться АСТ, — внимание к исключенным и дискриминированным сетями стандартизации акторам [Star, 1991: 37] и разработка нового словаря для изучения множественных и гетерогенных социотехнических сборок.

Сеть всегда имеет изнанку, кого-то исключает или не замечает — мы можем объяснить, почему сеть стала успешной и стабильной, а можем обратить внимание на Иное, для кого/чего сеть является источником хаоса и беспорядка, а не связности и устойчивости. Увлечение поиском стабилизаций привело к тому, что сам термин «сеть» стал рассматриваться как гомогенизирующий все сущности и нечувствительный к пространственным измерениям отношений между актантами. Термин «перевод», активно использующийся

¹ В «Ирредукциях» Латура все актанты стремятся укрепить свою власть и влияние, а быть реальным — это буквально «сопротивляться испытанию» [Латур 2015].

в АСТ, тоже подвергся критике, поскольку он *«ничего не говорит нам о том, как именно устанавливаются связи»* [Law 1999: 7]. Концентрация исключительно на сильных и влиятельных акторах и дисциплинарных объектах [Erofeeva 2019], нечувствительность к гендерным и постколониальным исследованиям, игнорирование потенциальной агентности объектов [Nøstaker 2005], неопределенность границ сети — все эти проблемы не могли быть решены с использованием концептуальных схем Латура¹.

Если латурианские сети создавали устойчивую и стабильную сущность, которая могла бы быть иной, но вследствие серий переводов зафиксировалась и превратилась в непроблематизируемый для людей черный ящик (то есть в нечто, объективный статус чего не оспаривается), то в пост-АСТ (Дж. Ло, А. Мол, В. Синглтон) стабилизация — это лишь один из вариантов координации различных версий объекта, который является множественным и осуществляется в практиках [Мол 2017: 34]. В оптике пост-АСТ большее внимание уделяется процессам, чем сущностям; изменениям, а не стабилизациям — не вопросам о том, как возможен социальный порядок, а вопросам о том, какие существуют *модусы упорядочивания* объектов [Law 1993]. Концептуализация объекта как множественного и осуществляемого в практиках [Мол 2017] приводит к тому, что объект начинает пониматься как процессуальный и динамичный — что смещает исследовательский фокус на пространственный и темпоральный аспекты осуществлений (какое пространство осуществления объекта релевантно и как оно темпорально выстраивается).

В пост-АСТ ключевым становится вопрос не кто или что действует, а *где и когда*, поскольку механизмы координации зависят именно от этих параметров. Однако топологическая модель, разработанная в пост-АСТ, частично отвечает на первый вопрос (пространственный), но упускает из фокуса темпоральный аспект проблемы. В работе мы проблематизируем статус концептов «огня» и «потока», которые используются в пост-АСТ для решения проблемы изоляционизма сети. Мы показываем, что эти концепты обладают темпоральными характеристиками, и намечаем перспективы для разработки темпоральной концептуализации множественного объекта.

1 Сам Латур и вовсе предлагает отказаться от названия «акторно-сетевая теория», поскольку оно плодит множество некорректных интерпретаций — затем он, правда, в очередной раз изменит позицию и будет отстаивать в названии теории «всё, включая дефис» [Латур 2017; Латур 2014: 22].

Ре-концептуализация объекта в пост-АСТ

Что такое объект в пост-АСТ? Мол использует понятия «сущность», «актор», «объект» и «вещь» как синонимы — ключевым является не «состав» сущности, а то, каким образом она осуществляется в практиках [Mol 2010: 260]. Это означает, что различие между человеками и не-человеками становится избыточным — если для Латура еще важно повторять, что материальные вещи могут *«допускать, позволять, предоставлять, способствовать, разрешать, предлагать, влиять, мешать, делать возможным, препятствовать и т. д.»* [Латур 2014: 102], то в пост-АСТ это положение работает как аксиоматическое допущение, поскольку осуществляться может что и кто угодно. В пост-АСТ на первый план выходит вопрос: как определить, какая *практика* релевантна для осуществления объекта?

Рассмотрим несколько траекторий осуществления атеросклероза из исследования Мол. В первую очередь происходит диагностика. Однако ее способы различаются — каждый вид диагностики включает в себя различный набор акторов и практик [Мол 2017]:

1. Разговор пациента с хирургом → Боль в ногах
2. Измерение давления аппаратом → Пониженное давление в лодыжке
3. Дуплексное сканирование → Увеличение скорости кровотока в лодыжке
4. Ангиография → Утолщение стенки сосуда в лодыжке

43

Если в первом случае релевантными являются слова пациента, который сообщает о своей боли, то в трех других случаях для диагностики привлекаются различные аппараты или техники, которые позволяют идентифицировать болезнь. Практики обнаружения атеросклероза в каждом из вариантов будут различаться и приводить к разным стратегиям лечения — в случае разговора с хирургом пациенту будут рекомендоваться продолжительные прогулки, а ангиография, в свою очередь, является инвазивной и опасной процедурой, которая в некоторых случаях может привести к смерти пациента.

Как отмечает Мол, версии атеросклероза координируются различными способами. Между версиями объектов происходят калибровки, которые зачастую создают образ единой и консистентной болезни, однако на практике это оказывается не так. К примеру, если результаты дуплекса и ангиографии не совпадают, то предпочтение отдается ангиографии, а дуплексное сканирование считается нерелевантным [Там же: 124-126]. Несмотря на то что для самой практики по получению снимка дуплекс релевантен (с помощью него снимок и делается), на более широком уровне дуплекс становится нерелевантным для осуществления болезни, поскольку

результаты дуплексной процедуры калибруются в соответствии с ангиографией.

Более того, поскольку объектом может быть любая сущность, фокус исследования смещается с анализа роли материальных объектов к анализу *пространств* осуществления и *последовательности* осуществлений объектов. Причина осуществлений атеросклероза «здесь и сейчас» напрямую зависит от предыдущих осуществлений, которые могут происходить в другое время и в другом месте. Это, в свою очередь, означает, что мы не можем задаваться вопросом о релевантности практики «здесь и сейчас», не включая ее в более широкий контекст предыдущих (или будущих) практик. Даже если мы стремимся определить релевантность материального объекта в ситуации взаимодействия, мы не можем ограничиться только анализом социального взаимодействия, поскольку редукция сети неизбежно приводит к игнорированию процессов, которые были конститутивными для ситуаций здесь и сейчас [Латур 2007]. Как социальные взаимодействия нельзя объяснить, не обращаясь к другому месту и времени, так и макропроцессы нельзя объяснить, не обращаясь к траекториям, по которым акторы, стоящие на черных ящиках, на них забрались [Callon, Latour 1981: 285-286].

44

Топологическая модель осуществления объектов в пост-АСТ

Одно из решений, которое предлагается в пост-АСТ, — это новая концептуализация пространства, в котором осуществляется объект.

Пространство всегда играло важную роль в АСТ. Если науки претендовали на поиск универсальных истин, то АСТ-исследователи «опустили науку на землю» [Law, Mol 2001: 610], а говоря точнее — в лаборатории и другие места по производству знания. «Факт» всегда является частью конкретной социоматериальной сборки, и для того, чтобы факт стал «универсальным», должна быть проделана большая работа по его перемещению. Однако это перемещение происходит только в том случае, если для него подготовлены все условия, т. е. прежде всего пространства, где научный «факт» можно будет воспроизвести. Если транспортировка налажена, то законы Ньютона будут работать во множестве разных мест; если же где-то произошел сбой, факт может потерять свою убедительность и «универсальность» [Латур 2015].

Исследования АСТ (и STS) позволили не просто локализовать «европейско-американскую» науку и поместить ее в конкретный материальный сеттинг, но и показать, что объекты зависят от пространств, в которых эти объекты «обнаруживаются», воспроизводятся и в некоторых случаях перестают быть собой. Чтобы поддер-

живать универсальность факта, необходима сеть — проще говоря, инфраструктура, в (и посредством) которой объект сохраняет свой гомеоморфизм. Во многом успех сети обеспечивался материальными элементами, которые позволяли с успехом повторять раз за разом эксперимент, опыт и т. д. Хотя совершенно не обязательно анализировать в таком ключе только научные практики — очередь в магазин воспроизводится раз за разом во многом благодаря пространству и его объектам, которые подсказывают, что именно тут необходимо составить очередь [Caronia, Soogen 2014: 7]. Чем больше материальных (или нематериальных) объектов будет сигнализировать об очереди, с тем большим успехом очередь будет выстроена типичным образом.

При этом концептуальная схема Латура предполагает, что акторы стремятся увеличить количество союзников и стабилизироваться [Латур 2013], чего не происходит у Мол. Можно ли говорить о том, что атеросклероз или зимбабвийский насос — стабильные и устойчивые объекты? Этот вопрос перестает быть центральным, поскольку стабильность осуществлений не обязательно исключает их изменчивость — на первый план выходят процессы координации и отношений между объектами¹.

45

Таким образом, вместо изоляции и стабильности в латурианских сетях в пост-АСТ большее внимание уделяется множественности и изменчивости. Однако решение проблемы изоляционизма [Star 1991; Lee, Brown 1994] приводит к новой проблеме: поскольку объект множественен и со-производится наравне с пространствами [Ло 2006], которым он принадлежит, *«в пределе может оказаться, что все связано со всем»* [Астахов 2017: 104], а объект расплывается до бесконечности.

1 Исследование В. Синглтон, посвященное британской программе по скринингу шейки матки, демонстрирует, что не во всех сетях стабильность обеспечивается согласованностью. Она отмечает, что медики и эксперты рекомендовали женщинам проходить инвазивную процедуру по диагностике заболевания, хотя внутри больницы не было консенсуса по поводу ее эффективности. Сеть посылала два противоречащих друг другу сигнала: «процедура неточна» + «процедура необходима», однако именно это и позволяло программе по скринингу сохранять устойчивость, которая обеспечивалась двусмысленностью сообщений. Это означает, что стабильность и изменчивость — не отношения противоречия. Объекты могут быть стабильны в своих изменениях (например, в случае зимбабвийского насоса). Однако стабильность может обеспечиваться различными способами — например, созданием непротиворечивого и непроблематизируемого образа или же, наоборот, созданием амбивалентного образа, который не допускает однозначной трактовки.

Джон Ло и Аннмари Мол пытаются решить эту проблему с помощью введения новых пространственных концептов: *«объекты представляют собой пересечения характеристик неизменности формы в разных топологиях»* [Ло 2006: 35] — в пространстве региона, сети, потока и огня [Law, Mol 2001].

Объекты могут перемещаться в евклидовом (то есть региональном) пространстве, но оставаться неизменными в пространстве сети, то есть в пространстве отношений с другими объектами, распределенными в пространстве и времени.

Что значит существовать в пространстве региона? Это означает, что между объектами можно провести границы, локализовав объект или группу объектов в конкретном месте. Анемия в Нидерландах и анемия в Африке — это буквально существование разных объектов в разных географических регионах. Что же позволяет нам провести региональные границы? Мол и Ло отмечают, что процент болеющих анемией в Нидерландах и в Африке сильно различается, что демонстрирует статистика заболеваний. Для проведения региональных границ нужны, к примеру, цифры — но откуда берутся эти цифры? Это результат работы сети по измерению гемоглобина — в нее входят специальные аппараты, тесты, компетентные работники и т. д. Эта сеть создает цифры, «отражающие» региональные различия. Пространство регионов, таким образом, есть результат работы сети по созданию границ. *«Мы можем представить себе акторно-сетевую теорию как машину для ведения войны против евклидовости: как способ показать, среди прочего, что регионы образованы сетями. Например, что национальные государства создаются телефонными системами, бумажной работой и географическими точками триангуляции»* [Law 1999: 7].

Но в случае с анемией все сложнее — Мол и Ло утверждают, что различные устройства для измерения гемоглобина в Африке зачастую работают не так, как в Нидерландах: *«Оказывается, измерение уровня гемоглобина не является неизменным. По мере того как его устройства и техники перемещаются от центра к периферии, их истинность становится все менее “надежной”»* [Mol, Law 1994: 652]. Они делают вывод, что анемия в двух местах не является консистентной и стабильной, это не одна сеть, но и не две различных сети — они имеют дело с текучим или потоковым пространством, где трансформации происходят непрерывно [Ibid.: 658]. Если в пространстве регионов существуют четкие границы, то пространство потоков характеризуется отсутствием закрепленных границ. В пространстве потоков объект всегда должен изменяться — его гомеоморфизм будет сохраняться только при постоянных изменениях.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой. Как мы указывали выше, Ло утверждает, что объект всегда существует сразу в нескольких

пространствах — и между этими пространствами выстраиваются различные отношения. Каким образом объект может пребывать сразу во всех пространствах? Может ли объект быть частью потокового пространства, где он может быть изъят из отношений без последствий, и одновременно частью сетевого пространства, где его изъятие влечет за собой сильную трансформацию? Или же анемия в Африке является частью потокового пространства, а анемия в Нидерландах — частью сетевого? Однако африканская анемия является региональной, то есть созданной сетью — это значит, что текучее пространство находится *внутри* региона. Таким образом, сеть создает два региона, в одном из которых объекты структурируются и упорядочиваются центрами калькуляции и пунктами обязательного прохождения [Каллон 2017], а в другом — хаотично переконфигурируются.

Существует еще одно пространство осуществления объектов — пространство огня. Концепт огненного объекта вводится для противопоставления текучему — в отличие от текучего объекта, огненный характерен более резкими трансформациями и скачками¹. Если зимбабвийский насос постепенно трансформируется от поселения к поселению, то регистры осуществления алкогольной болезни печени куда более динамичны [Law, Singleton 2005: 346].

47

Очевидно, что объект не может существовать во всех пространствах сразу. Более того, если любой объект существует в пространстве сети (и следовательно, региона), то с появлением пространства потоков и огня мы оказываемся перед развилкой: либо объект су-

1 Важно отметить, что огненное пространство и сам концепт огня может интерпретироваться и как аспект теории метода Ло. Шевченко предлагает различать теорию метода и теорию объекта Ло, поскольку между потоковым и огненным пространством происходит конфликт: в потоковом пространстве «*темпоральность обладает онтологическим статусом, по сути являясь условием возможности образования и функционирования сетей и вычленения исследователем объектов изучения*», а в огненном «*она есть лишь историчность, то есть, способ измерения времени*» [Шевченко 2019: 59]. Он утверждает, что «огненное пространство никак не соотносится с другими формами пространственности — оно представляет собой лишь методологическую опцию, а не онтологическую функцию, как это есть во всех других формах пространственности» [Там же: 61]. По мнению Шевченко, в работе «После метода» Ло разрабатывает на основе огненной модели метафизику присутствия и отходит от топологической схемы. Однако в более поздней статье «Object lessons» Ло и Синглтон ставят огненное пространство в один ряд с другими формами Иного, что демонстрирует амбивалентный статус огненной модели. Мы будем придерживаться более поздней версии, в которой огненное пространство отличается от потокового своей темпоральностью, то есть более резкими трансформациями.

ществует в сети и не может в то же время находиться в пространстве потока/огня, либо пространства потока и огня — это вовсе не пространства.

Четыре конфигурации мобильности

В одной из работ Мол и Ло приводят пример своего текста, который существует не сразу же в четырех пространствах, а *последовательно осуществляется* в них. Когда они пишут текст статьи, этот текст является неизменяемой неподвижностью (*immutably immobile*). Текст существует только в их компьютерах. Когда текст публикуется и распространяется, он становится региональным, поскольку перемещается и может быть прочтен кем-то еще. Когда я читаю его на английском (то есть ровно таким, каким он был написан), текст является неизменяемой мобильностью (*immutable mobile*), поскольку он был перенесен в другое место без изменений с помощью *сети* (предположим, что ее как минимум составляют интернет и вся социоматериальная архитектура по его поддержке, сайт Джона Ло, наши ноутбуки, электричество, и т. д.)¹. Однако если текст был переведен и опубликован в «Социологии власти», а редактор отцензурировал несколько примеров Ло, которые показались ему неуместными (все ситуации вымышлены), то текст был и перемещен, и в какой-то степени изменен, он стал текучим — это уже изменяемая мобильность (*mutable mobile*).

Становясь текучим, объект не перестает находиться в пространстве сети. Более того, текучесть становится результатом *работы* другой сети, в которую входили российские переводчики, журналы и т. д.

Такая интерпретация противоречит рассмотренным выше тезисам Ло и Мол, где они утверждают, что пространство потоков является иным по отношению к пространству сети. Более того, возникает вопрос — текст стал текучим объектом или оказался в текучем пространстве?

1 Заметим, что региональным он становится именно по причине того, что включается в сеть, где академические тексты способны циркулировать и трансформироваться по мере совершения переводов (в том числе и в буквальном смысле этого слова). Однако даже первоначальная версия текста, «неизменяемая неподвижность» является эффектом работы сети и находится в регионе. Текст может быть включен в новую сеть только в том случае, если другая сеть создала условия для возникновения объекта. Иначе говоря, одни сети являются условиями возможности объекта, объект сам является отдельной сетью, и затем он включается в ряд других сетей.

Как мы видим, перемещение объекта всегда угрожает его целостности — только в случае идеально работающей сети объект может стать «неизменяемой мобильностью». От чего зависит текучесть — от материальных свойств объекта или от сети отношений, в которую он включен? Или же текучесть — это свойство пространства? В исследовании, посвященном зимбабвийскому насосу, Мол и Лаэт утверждают, что текучесть объекта обеспечивается не материальными характеристиками, а множеством внешних факторов, которые осуществляют разные версии насоса. Индикаторы здоровья и оценки качества воды реализуют один вид насоса, сообщества людей в разных общинах — другой [Лаэт, Мол 2017: 185-190]

С другой стороны, исследовательницы подчеркивают роль самой технологии насоса, которая позволяет заменять многие детали без потери гомеоморфизма — свойства насоса способствуют тому, что различные акторы могут переопределять его границы и создавать свои версии насоса. Возникает предположение, что адаптивная технология насоса и его нахождение в слабоструктурированном сетью пространстве позволяет ему быть текучим.

Из исследования анемии мы делаем вывод, что анемия в Нидерландах и анемия в Африке отличаются именно из-за пространства сети: мы можем сказать, что сеть гораздо сильнее структурирует практики осуществления анемии в Нидерландах, но не способна создать пункты обязательного прохождения в Африке, что приводит к региональным различиям.

Таким образом, потоковое пространство возникает *внутри* региона, границу которого производила сеть. Когда сеть не может в равной степени охватить различные пространства и создать пункты обязательного прохождения, формируются регионы, где объекты подвержены большей изменчивости.

Возвращаясь к примеру с текстом, авторы утверждают, что в нем есть множество вещей и людей, которые в то же время в нем отсутствуют — традиции STS, на которые опираются аргументы авторов, английский язык, который «раскрывает и закрепляет свои империалистические успехи», коллеги авторов, которые могли натолкнуть их на новые метафоры, и т. д. — текст изменяется, но эти «отсутствующие» элементы остаются неподвижными, поэтому он изменчиво неподвижен (*mutable immobile*) и находится в огненном пространстве [Law, Mol 2001: 10-11].

Пространство огня, как и пространство потоков, может иметь две интерпретации. С одной стороны, каждый объект имеет свой хинтерланд, свое «явленное отсутствие» [Ло, 2015: 293] — поэтому текст из приведенного выше примера находится в огненном пространстве *с самого начала*, то есть еще когда является «неизменяемой неподвижностью». С другой стороны, в случае эмпирического

кейса с алкогольной болезнью печени, огонь используется как концепт, демонстрирующий динамику осуществления болезни, которая, в отличие от постепенного осуществления потокового объекта (такого, как насос), гораздо более стремительна. В последнем случае огненное пространство, по аналогии с потоковым, также находится *внутри* региона сети.

Мы считаем, что попытка снизить значимость концепта сети в пост-АСТ является неудовлетворительной. Если любой объект может быть рассмотрен как сеть, которая вложена (в той или иной степени) в другие сети, то введение потоковых и огненных пространств не позволяет увернуться от сетевой концептуализации.

Более того, и в пространстве потоков, и в пространстве огня эксплицитно подчеркивается значимость *темпорального* измерения. Менее очевидна значимость темпоральности в соотношении пространства сети и региона, однако мы считаем, что и в этих пространствах темпоральное измерение играет важную роль. Если португальский галеон из исследования Ло терпит крушение, то он теряет свою форму в пространстве региона, но в сетевом пространстве потеря гомеоморфизма произойдет не сразу, поскольку для идентификации изменений должно пройти время. Поскольку корабль, сам будучи сетью (команда, паруса, пушки, каюты), вложен в другие сети (португальская имперская система, рынки), то при крушении корабль-сеть будет совпадать с региональным кораблем и потеряет свою форму мгновенно, но корабль как элемент более крупной сети будет терять форму с отсрочкой. Обломки корабля уже почти затонули, но корабль по-прежнему котируется в сети как функционирующий: на него делаются расчеты, его опасаются противники, знающие о его потенциальном приближении, и т. д.

Если же все происходит наоборот, и в первую очередь объект теряет форму в сетевом пространстве (например, подписан указ о том, что один из московских вузов лишают аккредитации), то в физическом пространстве он теряет форму только в тот момент, когда указ опубликован, то есть опять с отсрочкой. При этом во втором случае вуз-сеть не теряет формы (до какого-то момента) — там по-прежнему есть стены, люди, книги и компьютеры.

Далее мы можем представить достаточно большое количество ситуаций, где конфигурации сеть/регион разыгрываются множеством способов. Объект теряет форму в одной сети, не теряя форму в регионе (корабль захватили пираты), но пока не становится частью другой, пиратской, сети (опять отсрочка). Объект теряет форму в регионе, но в сети все равно котируется как существующий — предположим, происходит государственная манипуляция с уничтоженным военным объектом, потерю которого нельзя обнародовать, а значит, необходимо осуществлять сеть так, словно он там есть.

Список можно продолжать — однако ключевая идея заключается в том, что распределенность между пространствами уже темпорализирует объект, показывает его процессуальность.

Перспективы темпоральной концептуализации объекта

Мы показали, что сеть не теряет своей значимости в «пространствах» потока и огня. В отличие от латурианской версии сети, в нашей интерпретации некоторые сети могут производить внутри себя регионы, которые могут быть не связаны друг с другом ничем, кроме самого факта нахождения в сети. В то же время внутри сети могут существовать и связанные, скоординированные регионы — в примере с атеросклерозом версии объекта приводятся в соответствие, они не просто сосуществуют внутри больницы Z, а выстраиваются в иерархии или калибруются по «золотому стандарту» (в исследовании Мол — это ангиография).

Это означает, что потоковые и огненные «пространства» являются динамикой или ритмом осуществлений — ключевым различием потоков и огня, по Ло и Синглтон, является скорость и предсказуемость осуществлений объекта [Law, Singleton 2005: 347]. Однако из их анализа не следует, что иные динамики не могут быть обнаружены. Между потоком и огнем мы обнаруживаем градиент, различные ритмы осуществления объектов (рис. 1).

51

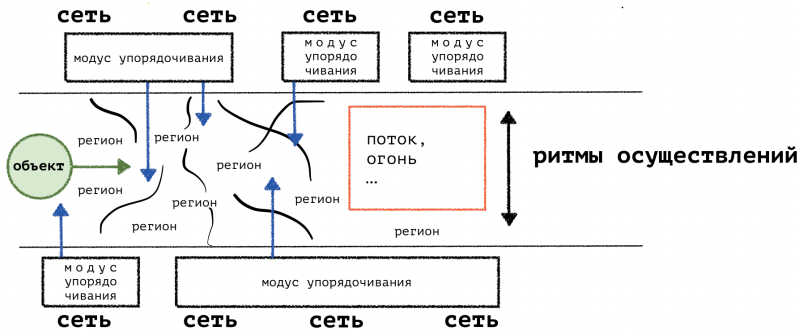

Рис. 1¹. Огонь и поток как темпоральные концепты.

Fig. 1. Fire and fluid as temporal concepts.

- 1 Поток и огонь — не новые типы пространств, которые являются иными по отношению к сети. Они являются (одними из множества) ритмов осуществления объектов. При этом концепты потока и огня могут схватывать ограниченное число ритмов (например, совершенно не ясно, как Ло и Синглтон определяют скорость/прерывистость осуществлений объектов).

В одном из интервью Мол объясняет, что она развивает свою теорию множественности объекта по аналогии с латурианским исследованием лабораторий, однако ее эмпирические данные демонстрируют, что клинические версии объектов развиваются по другой логике. Так, в лабораторных условиях проводится серия экспериментов, которая должна прийти к конечной *репрезентации* [Mol 2021]. Иначе говоря, мы можем рассматривать работу по созданию микроба как ритм (рис. 2), имеющий начало и конец. Несмотря на то что конечная репрезентация-черный ящик может быть подвергнута сомнению и переконструирована, она обладает относительной устойчивостью и временной конечностью.

52

Рис. 2. Логика лабораторных осуществлений объекта.

Fig. 2. Object enactment in the laboratory.

В клинике ритм объекта разворачивается иначе: в больницах, наоборот, существует множество репрезентаций (снимки, диагнозы врачей, данные МРТ или интерпретации анализов и др.), но они в итоге должны прийти к инвазивной практике, вмешательству в тело пациента. Здесь мы могли бы сказать, что клинические практики имеют такой же конечный ритм, как лабораторные, просто завершаются не итоговой репрезентацией, а операцией или выздоровлением пациента. Однако исследования Мол показывают, что, в отличие от лабораторного «открытия», болезнь и тело не имеют конечной точки осуществления, они продолжают осуществляться в других практиках и имеют различные горизонты. Например, конечной точкой осуществления тела может являться смерть¹, а болезнь, в свою очередь, может «закончиться» в практике выписыва-

1 Хотя этот тезис проблематичен, поскольку смерть не означает потери агентности мертвого тела — как показывают исследования, даже после смерти тело психологически, эмоционально и физиологически воздействует на других акторов и может играть важную роль в обучении [Вигг 2023]. В наших терминах, у тела меняется ритм осуществления, однако оно не перестает быть агентным.

ния из больницы, «излечения» пациента или изменения протоколов идентификации болезни.

Иначе осуществляются другие болезни, такие как диабет первой степени — эта болезнь неизлечима и практики осуществления болезни и ее «лечения» ведут не к тому, что пациент должен окончательно избавиться от недуга, а к тому, чтобы пациент смог создать себе комфортные условия жизни вместе с заболеванием [Mol 2008]. Сравнивая в своем исследовании две логики взаимодействия с болезнями (логику выбора, где в центре находится индивидуалистическая установка и все решения атрибутируются больному, и логику заботы, где ответственность распределена между множеством акторов), Мол показывает, что в логике выбора предполагается наличие нейтральных фактов, анализ и калькуляция которых приводит к тому, что индивидуальный актер-больной принимает свое решение и затем осуществляет в соответствии с ним действие. Затем это действие может быть оценено как полезное и нужное или вредное и бесполезное [Ibid.: 54-55]. Этот паттерн (факт-оценка-решение-действие) повторяется, и каждое новое действие является продолжением предыдущего. В свою очередь, в логике заботы время постоянно мерцает: каждое новое событие может менять траекторию осуществления болезни, а проблемы решаются ситуативно и без опоры на универсальные модели решения. Ярким примером является практика по укалыванию пальца с целью анализа крови — в логике заботы кровь следует брать не с самого кончика пальца, а сбоку, поскольку в случае ослепления (а это может в будущем случиться при диабете) кончики пальцев будут нужны для ориентации в пространстве. В эту практику изначально закладывается возможность различных траекторий осуществления болезни и тело подготавливается для того, чтобы сделать жизнь максимально комфортной в будущем [Ibid.: 27]. Таким образом, исследования Мол демонстрируют ритмы осуществлений объектов, которые не имеют четкого окончания.

53

Политический/нормативный аспект проблемы релевантности

У проблемы релевантности в пост-АСТ есть еще одно измерение — политическое, связанное с ролью аналитика при описании социоматериальных сборок [Strathern 1996]. Например, в исследовании португальской экспансии перед Ло возникает два вопроса: в какой момент следует остановить анализ, завершить прослеживание сети и какие элементы необходимо *включить* в сеть (т. е. какие сущности будут релевантны для осуществления сети). Как отмечают Блумфилд и Вурдубакис, при описании гетерогенной сети акторов Ло

имплицитно задействует ресурсы современной модернистской науки и «выделяет в качестве релевантных “актантов” тех, которые были бы узнаваемы скорее для современного социального теоретика, чем для португальского мореплавателя XV века» [Bloomfield, Vurdubakis 1999: 631].

Так, технологии и машины являются, по мнению Ло, релевантными для описания сети, в то время как ангелы, феи или любые другие существа, которые могли вмешиваться, направлять или определять действия мореплавателей, исключаются из анализа. Вопрос о списке релевантных акторов остается открытым, поскольку критерии отбора не определены на концептуальном уровне — возникает ситуация, когда релевантными для сети элементами может стать что угодно¹.

Более того, как замечает Баттон, из исследования Ло стирается сама *работа* по созданию ассоциации акторов, создающих и поддерживающих португальские галеоны: «Ассоциация становится процессом, а не отчетом о трудовой деятельности по строительству галеона» [Ibid.: 24]. Деревянные балки, мореплаватели и парусина не постепенно собираются и объединяются в португальский галеон под воздействием неведомой силы, а скорее, координируются в соответствии с определенными паттернами, свойственными каждой группе акторов. Из этого можно вывести два следствия. Во-первых, аналитически симметричный словарь для описания как «природных», так и «социальных» акторов, принятый в АСТ, не отменяет разницу в агентности различных акторов. Во-вторых, ассоциации, в которые собираются акторы, не являются отражением процессов, которые просто разворачиваются во времени и пространстве без целей и причин — они демонстрируют работу или координацию, зависящую от различных типов агентности акторов, включенных в гетерогенную сеть.

Как мы отметили ранее, Ло включает в описание сети тех акторов, которые считаются релевантными в историческом контексте аналитика (то есть самого Ло), а не анализируемого периода. Это возвращает нас к вопросу о том, что проблема релевантности может быть проинтерпретирована как политическая, а не эпистемологическая проблема. Как пишет Мол, внимание к множественности осуществлений объекта — это исследовательский акт, который может быть сделан или нет [Мол 2017: 35].

1 Баттон замечает, что список релевантных элементов можно расширять бесконечно, например, включая в него воздух, которым необходимо дышать мореплавателям, или воду, без которой галеон не смог бы плыть [Button 1993].

С одной стороны, этот акт является аналитическим решением, которое можно развивать с помощью концептуальных схем, что оставляет нас в рамках эпистемологии. С другой стороны, это аналитическое решение имеет нормативный характер, поскольку призвано учитывать инаковость и исключенность (как человеческих акторов, так и версий болезни или технологии).

Аналитик изменяет сеть своим вмешательством, пытаясь пошатнуть доминирующий порядок вещей или оспорить непроблематизируемые установки. Учитывая критику Латуром метарефлексивности в описаниях — *«Текст о том, как Малиновский пишет о балийцах, не более и не менее рефлексивен, чем текст Малиновского о балийцах, и не более и не менее рефлексивен, чем то, что говорят сами балийцы»* [Латур 2012: 132], необходима разработка такого решения (политической) проблемы релевантности, которое не было бы волюнтаристским и учитывало связь аналитика с рассматриваемой им/ей сетью, поскольку это прямо влияет на определение релевантности объектов.

Например, в зависимости от того, на какой сети/части сети будет сделан акцент аналитиком, релевантность одного и то же объекта может изменяться: *«для Генриха Мореплавателя система португальской экспансии содержит такие элементы, как суда и их капитаны. Смещение фокуса внимания с Генриха на капитана высвечивает сеть из моряков, строевого леса и видимого берега — сеть, обладающую собственной силой, которая, если поместить ее внутрь системы португальской экспансии, действует как единое целое. Если судно и его капитан не исполняли роли, предписанные им сетью экспансии, тогда составляющие их элементы могли, конечно же, становиться индивидуально релевантными в Лиссабоне и встраиваться в сеть экспансии Генриха»* [Ло 2018: 195].

55

Помимо этого, нормативный аспект проблемы релевантности в пост-АСТ проявляется в том, что Мол игнорирует исторические причины возникновения конкретного диагноза атеросклероза и социально-исторические процессы, которые институционализировали в больнице специфические способы различать разные версии болезни. Использование «атеросклероза» не только как темы, но и как ресурса для исследования, приводит к тому, что ее концептуальная схема идентификации релевантных практик/объектов для исследования маскируется под маской «простого этнографического описания практик» [Weinberg 2021: 379].

Несмотря на то что исследователи пост-АСТ открыто признают нормативный характер своих исследований, это не решает проблему определения предпочтительных онтологий. К примеру, в исследовании зимбабвийского насоса Мол и Лаэт считают текучесть объекта позитивной характеристикой, децентрирующей создателя объекта и позволяющей объекту осуществляться по-раз-

ному в зависимости от локального контекста. При этом они не проблематизируют концепт текучести — текучесть насоса может рассматриваться как позитивное явление, чего нельзя сказать, к примеру, о текучести алкогольной болезни печени [Лаэт, Мол 2017; Law, Singleton 2005]. В статье мы не концентрировались на политическом аспекте проблемы релевантности — этот вопрос требует отдельной проработки¹.

Заключение

Мы рассмотрели несколько решений проблемы релевантности, возникающих в АСТ. Латурианская концептуализация схватывает прежде всего дисциплинарные объекты, предписывающие людям определенные действия, в то время как в пост-АСТ вопрос о релевантности материального объекта перестает быть ключевым, поскольку анализ смещается к идентификации релевантных *практик*, в которых осуществляются как материальные, так и нематериальные объекты.

56 При этом релевантность практики зависит от *пространства и времени* осуществления. К примеру, Мол указывает, что клинический атеросклероз, который осуществляется в кабинете врача, исключает атеросклероз, который осуществляется при поперечном срезе артерии в анатомическом кабинете [Мол 2017: 70]. Это означает, что ключевым аспектом координации объекта является *последовательность осуществлений* — в зависимости от того, где сначала появляется атеросклероз, зависит то, как он будет осуществляться в другом пространстве.

Мы рассмотрели топологическую модель концептуализации объекта в пост-АСТ и пришли к нескольким выводам. Во-первых, объект не может существовать сразу во всех пространствах: сетевое пространство исключает потоковое и огненное, а последние два

1 Г. Харман в своей работе «Имматериализм» критикует Ло и Мол за противоречие в их позициях: с одной стороны, они оба заявляют о политической и нормативной ангажированности и стремлении смещать исследования в сторону более привлекательных, на их взгляд, политических и социальных реальностей, с другой стороны, они постулируют отказ от наличия «научной истины» и возможности доступа к ней у ученых [Харман 2018: 34]. Как в таком случае отбираются более справедливые/приемлемые версии реальности, создаваемые в актах их научного вмешательства? Если внимание к множественности — это политический акт, какие импликации следуют из него? Может ли (и должен ли) аналитик высказывать в своих работах нормативные суждения, если он/она придерживается определенных эмансипационных ценностей? [Radder 1992; Radder 1998; Singleton 1996]

взаимоисключают друг друга. Во-вторых, концепт сети, который активно критикуют в пост-АСТ, по-прежнему играет важнейшую роль в их концептуализациях, поскольку концепты огня и потока ничего не говорят об отношениях объектов, акцентируя внимание на динамике их осуществлений. Мы делаем вывод, что «поток» и «огонь» являются темпоральными, а не пространственными концептами и отражают различные ритмы осуществления множественных объектов.

Дальнейшие разработки решений проблемы релевантности могут фокусироваться на создании темпоральной концептуализации множественного объекта [Sørgensen 2007]. Поскольку объект является множественным и осуществляется в различных пространствах, а задачей аналитика становится обнаружение релевантных для осуществления объекта практик, можно предположить, что значимость практики будет зависеть от конфигурации пространства и динамики осуществления объекта, однако концептуальная разработка этого решения требует отдельного исследования.

Библиография / References

57

Астахов С. С. (2017) *Проблема контингентности в акторно-сетевой теории*: диссертация кандидата философских наук : 09.00.01. Москва.

— Astakhov S. S. (2017) *The problem of contingency in actor-network theory*: dissertation of a candidate of philosophical sciences: 09.00.01. Moscow. — in Russ.

Брайант Л. Р. (2019) *Демократия объектов*, Пермь: Гиле Пресс.

— Bryant L. R. (2019) *Democracy of Objects*, Perm: Gile Press. — in Russ.

Латур Б., Вахштайн В., Смирнов А. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*. 2(6): 79–98.

— Latour B., Vakhshayn V., Smirnov A. (2007) On interobjectivity. *Russian Sociological Review*. 2007. 2(6): 79–98. — in Russ.

Латур Б. (2012) Политика объяснения: альтернатива. *Социология власти*, 8: 113–143.

— Latour B. The Politics of Explanation: An Alternative. *Sociology of Power*, 8: 113–143. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества*, СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

— Latour B. (2013) *Science in Action: Following Scientists and Engineers within Society*, St. Petersburg: European University Publishing House in St. Petersburg. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

— Latour B. (2014) *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory*, M.: Publishing House of the Higher School of Economics. — in Russ.

Латур Б. (2015) *Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого»*, М.: Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования.

— Latour B. (2015) *Pasteur: War and the world of microbes, with the application of the “Irreducible”*, M.: Autonomous non-profit educational organization of higher education. — in Russ.

Латур Б. (2017) АСТ: вопрос об отзыве. *Логос*, 27(1): 201-216.

— Latour B. (2017) AST: the question of recall. *Logos*, 27(1): 201-216. — in Russ.

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*. 27(2): 171-232.

— Laet M., Mol A. Zimbabwean bush pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. 27(2): 171-232. — in Russ.

Ло Д., Вахштайн В. (2006) Объекты и пространства. *Социологическое обозрение*, 1: 30-42.

— Lo D., Vakhshayn V. (2006) Objects and spaces. *Russian Sociological Review*, 1: 30-42. — in Russ.

Ло Д. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*, М.: Фонд «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара».

— Lo D. (2015) *After the method: disorder and social science*, M.: Foundation “Institute of Economic Policy named after. E. T. Gaidar». — in Russ.

Ло Д. (2018) Технология и гетерогенная инженерия: случай португальской экспансии. *Логос*. 28(5): 169-202.

— Lo D. (2018) Technology and heterogeneous engineering: the case of Portuguese expansion. *Logos*, 28(5): 169-202. — in Russ.

Лаэт М., Мол А. (2017) Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии. *Логос*. 27(2): 171-232.

— Laet M., Mol A. (2017) Zimbabwean bush pump: mechanics of fluid technology. *Logos*. 27(2): 171-232. — in Russ.

Мол А. (2017) *Множественное тело: Онтология в медицинской практике*, Пермь: Гиле Пресс.

— Mol A. (2017) *Multiple body: Ontology in medical practice*, Perm: Gile Press, 2017. — in Russ.

Напреенко И. В. (2013) Семиотический поворот в STS: теория референта Бруно Латура. *Социология власти*, 1-2: 75-98.

— Napreenko I. V. (2013) Semiotic turn in STS: Bruno Latour’s theory of referent. *Sociology of power*, 1-2: 75-98. — in Russ.

Харман Г. (2018) *Имматериализм. Объекты и социальная теория*, М.: Изд-во Ин-та Гайдара.

— Harman G. (2018) *Immaterialism. Objects and social theory*, M.: Gaidar Institute Publishing House. — in Russ.

Харман Г. (2017) Сети и ассамбляжи: возрождение вещей у Латура и Деланда. *Логос*, 27(3): 1-34.

- Harman G. (2017) Networks and assemblages: the revival of things in Latour and Deland. *Logos*, 27(3): 1-34. — in Russ.
- Шевченко В. С. (2019) Конфликт моделей инаковости в акторно-сетевой теории Джона Ло. *Социология власти*, 2: 45-67.
- Shevchenko V. S. (2019) Conflict of models of otherness in the actor-network theory of John Law. *Sociology of power*, 2: 45-67. — in Russ.
- Bloomfield B. P., Vurdubakis T. (1999) The outer limits: monsters, actor networks and the writing of displacement. *Organization*, 4(6): 625-647.
- Burr J., Fox N. (2023) The more-than-human micropolitics of the dissection assemblage: what can a “dead” body do? *Body & Society*. Online first.
- Button G. (1993) *Technology in working order: Studies of work, interaction, and technology*, Routledge.
- Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the big Leviathan: how actors macro-structure reality and how sociologists help them to do so. *Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro-and macro-sociologies*, (1).
- Caronia L., Cooren F. (2014) Decentering our analytical position: The dialogicity of things. *Discourse & Communication*, 8(1).
- Caronia L., Mortari L. (2015) The agency of things: how spaces and artefacts organize the moral order of an intensive care unit. *Social Semiotics*, 4 (25): 401-422.
- Cerulo K. A. (2009) Nonhumans in social interaction. *Annual Review of Sociology*, (35): 531-552.
- Cooren F. (2020) Beyond entanglement: (Socio-)materiality and organization studies. *Organization Theory*, 3(1).
- Demant J. (2009) When alcohol acts: An actor-network approach to teenagers, alcohol and parties. *Body & Society*. T. 15. № 1. C. 25-46
- Erofeeva M. (2019) On multiple agencies: when do things matter? *Information, Communication & Society*. 5(22): 590-604.
- Gomart E., Hennion A. (1999) A sociology of attachment: music amateurs, drug users. *The sociological review*. S1(47): 220-247.
- Høstaker R. (2005) Latour-semiotics and science studies. *Science & Technology Studies*. 2(18): 5-25.
- Jarzabkowski P., Pinch T. (2013) Sociomateriality is “the New Black”: accomplishing repurposing, reinscripting and repairing in context. *M@n@gement*, 5: 579-592.
- Latour B. (1994) On technical mediation. *Common knowledge*. 2 (3): 29-64.
- Latour B. (1997) Trains of thought: the fifth dimension of time and its fabrication. *Common knowledge*, 4.
- Latour B. (2004) Why has critique run out of steam? From matters of fact to matters of concern. *Critical inquiry*, 2: 225-248.
- Law J. (1993) *Organising Modernity: Social Ordering and Social Theory*. John Wiley & Sons.
- Law J. (1999) After ANT: complexity, naming and topology. *The sociological review*. 47(S1).

Law J., Mol A. (2001) Situating technoscience: an inquiry into spatialities. *Environment and planning D: society and space*, 5: 609–621.

Law J., Mol A. (1994) Regions, networks and fluids: anaemia and social topology. *Social studies of science*, 24(4): 641–671.

Law J., Singleton V. (2005) Object lessons. *Organization*, 12(3).

Lee N., Brown S. (1994) Otherness and the actor network: the undiscovered continent. *American Behavioral Scientist*, 6: 772–790.

Mol A. (2008) *The logic of care: Health and the problem of patient choice*. Routledge.

Mol A. (2010) Actor-network theory: Sensitive terms and enduring tensions. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, 1(50): 253–269.

Mol A. Film 3. Studying differences in medicine and conducting fieldwork in a hospital. YouTube, uploaded by Les Possédés et leurs mondes. 7 sept, 2021, ссылка на видео: <https://www.youtube.com/watch?v=x0SPWxG7qMo>

Nathues E., Vuuren M. van, Cooren F. (2021) Speaking about vision, talking in the name of so much more: A methodological framework for ventriloquial analyses in organization studies. *Organization studies*, 9(42): 1457–1476.

Nicolini D. (2009) Zooming in and out: Studying practices by switching theoretical lenses and trailing connections. *Organization studies*, 12(30): 1391–1418.

60 Pentzold C., Bischof A. (2019) Making affordances real: socio-material prefiguration, performed agency, and coordinated activities in human-robot communication. *Social Media+Society*, 3(5).

Radder H. (1992) Normative reflexions on constructivist approaches to science and technology. *Social Studies of Science*, 1(22): 141–173.

Radder H. (1998) The politics of STS. *Social studies of science*, 2: 325–331.

Sayes E. (2014) Actor-Network Theory and methodology: Just what does it mean to say that nonhumans have agency? *Social studies of science*. 1: 134–149.

Schaffer S., Latour B. (1991) The eighteenth brumaire of Bruno Latour. *Studies in history and philosophy of science*. 1: 175–192.

Schmidt R. (2019) Materiality, meaning, social practices: Remarks on new materialism. *Discussing new materialism: Methodological implications for the study of materialities*: 135–149.

Singleton V. (1996) Feminism, sociology of scientific knowledge and postmodernism: politics, theory and me. *Social studies of science*, 2: 445–468.

Sørensen E. et al. (2007) The time of materiality. *Forum Qualitative Sozialforschung/ Forum: Qualitative Social Research*, 8(1).

Star S. L. (1990) Power, technology and the phenomenology of conventions: on being allergic to onions. *The Sociological Review*, 1_suppl (38): 26–56.

Strathern M. (1996) Cutting the network. *Journal of the Royal Anthropological Institute*: 517–535.

Weinberg D. (2021) Diagnosis as topic and as resource: Reflections on the epistemology and ontology of disease in medical sociology. *Symbolic Interaction*, 2: 367–391.

Рекомендация для цитирования:

Мальков М. Д. (2023) Проблема релевантности в пост-акторно-сетевой теории. *Социология власти*, 35 (2): 38-61.

For citations:

Malkov M. D. (2023) The Problem of Relevance in Post-Actor-Network Theory. *Sociology of Power*, 35 (2): 38-61.

Поступила в редакцию: 04.05.2023; принята в печать: 27.05.2023

Received: 04.05.2023; Accepted for publication: 27.05.2023

Ассоциация «Я/магнит»: как люди с магнитными имплантами описывают свой новый опыт

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-62-85

Резюме:

На основе самоотчётов людей с магнитными имплантами в пальцах, я ищу ответ на два сопряжённых вопроса: «Как технологически модифицированные люди обозначают свой новый опыт?» и «Как именно мы, не-модифицированные читатели, способны помыслить этот опыт»? Ответ на первый вопрос я начинаю с рассмотрения биосемиотики: в ней исследуется укоренённость перцептивных знаков в морфологии организма. С одной стороны, магнит действительно становится частью телесной схемы человека, с другой — в отличие от большинства живых организмов, человек может произвольно варьировать знаки. Теоретическая экспликация отношения между знаками, человеческим телом и технологиями приводит меня к феноменологии восприятия М. Мерло-Понти, на основе работ которого Д. Айди провел феноменологический анализ 4 режимов технологической медиаций внутри корреляции «Я-Мир». Его схема была расширена П.-П. Вербиком, который добавил в этот список медиацию типа «киборг». Во второй части статьи я применяю словарь материальной семиотики для анализа ассоциации «Я/магнит». Я разделяю цитаты МИ-агентов на несколько этапов существования рассматриваемой ассоциации: возникновение; взаимодействие с постоянными магнитами; взаимодействие с электромагнитными устройствами; обучение через других; актуальные неожиданные ассоциации; смыслообразование; новые риски разрушения ассоциаций; нормализация. В заключение я отвечаю на второй исходный вопрос о нашей (читателей) способности помыслить опыт жизни с магнитным имплантом. Я обращаюсь к подходу «перцептивных знаковых систем» Л. Барсалоу, с помощью которого соотношу синестезию МИ-агентов и семиозис, преобразующий поле смысла для немодифицированного человека.

1 Быков Евгений Михайлович — независимый исследователь, Тбилиси; внештатный докторант НИУ ВШЭ. Научные интересы: нейрофеноменология, Umwelt-анализ, трансгуманизм, постгуманизм, акторно-сетевая теория, философская антропология, энактивизм, расширенное познание, NBIC-конвергенция технологий. E-mail: ebykov.here@gmail.com

Ключевые слова: технологическая модификация, магнитные импланты, семиозис, материальная семиотика, биосемиотика, феноменология технологий, интенциональность киборга, Айди.

Evgenii M. Bykov¹

Independent researcher, Tbilisi, Georgia

“I/Magnet” Association: How Do People with Magnet Implants Signify Their New Experience

Abstract:

Based on self-reports of people with magnet implants, I investigate a pair of correlational questions: “How do technologically modified humans signify their new experience?” and “How do we, non-modified readers, become able to conceive it?”. In answering the first question I start with biosemiotics. It considers signs being embedded in the morphology of an organism. On the one side, a magnet becomes a part of a human morphology and bodily schema; on the other — unlike most living organisms, humans can vary signs arbitrarily. I switch the theoretical exposition of the relation between signs, the human body, and technology to Merleau-Ponty’s phenomenology of perception, based on whose work Ihde conducted a phenomenological analysis of 4 regimes of technological mediations within the “I — World” correlation. His scheme was extended by Verbeek, who adds “cyborg relation” to the list. In the second part of the paper, I apply a vocabulary of material semiotics to the analysis of the “I/magnet” association. I separate quotes of MI-agents into several stages of existence of the association in question: emergence; interactions with constant magnets; interactions with electromagnetic devices; learning through others; actual non-expected associations; sense-formation; new risks of disruption of associations; normalization. I conclude with an attempt to answer 2nd initial question, about our (readers) conceivability by appealing to Barsalou’s “perceptual symbol systems” approach, with the help of which I correlate synesthesia of MI-agents and semiosis — which transforms the field of meaning for a non-modified person.

63

Keywords: technological modification, magnet implants, semiosis, biosemiotics, material semiotics, phenomenology of technology, cyborg intentionality, Ihde

1 Evgenii M. Bykov — Independent researcher, Tbilisi; external doctoral candidate at HSE University. Research interests: neurophenomenology, Umwelt-analysis, transhumanism, posthumanism, Actor-Network Theory, philosophical anthropology, enactivism, extended cognition, NBIC convergence of technologies. E-mail: ebykov.here@gmail.com

Part I: Sign formation, technology and a living body

I would like to start by asking a pair of correlational questions: “How do technologically modified humans signify their new experience?” — and “How do we, non-modified readers, become able to conceive it?” From the perspective of transhumanism, I am interested in the class of modifications that go beyond psychophysiological limitations defining a human (see discussion and examples in [Gray, Figueroa-Sarriera and Mentor 2021]). I find the most promising topic to be “radical technomodifications”, which are thought of as a process of transforming humans into posthuman entities. Unfortunately, all examples of the latter remain highly speculative nowadays; for that reason, at first, I have decided to focus on an empirically observable set of modifications, mostly done by volunteers and DIY-biohackers — implantation of a magnet in their bodies, mainly fingers. Besides other factors, my intention to start the investigation of magnet implants (MI) in this paper is due to their structural simplicity: if the chosen method of description works for reports of MI-agents, it might be extrapolated on other, more complex, and nuanced cases.

64

Magnetoreception is not a problem in and of itself: self-reports of people with magnets are what they are. The problem is: how can we conceive the phenomenal specificity of a cyborg, in Haraway terms?

On the one hand, we have a vocabulary of phenomenology — however, it would rather reabsorb the activity of technological elements in the descriptions into a human-centered horizon of meanings (since even theoretical concepts of electromagnetism are intersubjectively developed).

On the other hand, we have a vocabulary of material semiotics, which is sensitive to the activity of hybrid human-machine entities and heterogeneous assemblages, associations in a broader sense — however, it was not invented for capturing phenomenal experience as such, otherwise, it would risk bringing back human/non-human division by prioritizing pole of subjectivity (on which the bearer of experience is supposedly localized).

This paper is a theoretical work with empirical illustrations, whose aim is to establish a bridge between material semiotics and the phenomenology of technology and, especially, to show how material semiotics could be applied to the domain of experience, which hasn't been its primary target¹. By analyzing self-reports of I/magnet associations,

1 I would like to mention a resonating paper on anthropology of technological bodymodifications by J. Kadlecova [2020]. She investigates the subculture of body-hacking and the complexities in the relationship between humans and the artificial body parts they install in themselves, also by referring to the works

I attempt to make visible a pattern of a *dynamic entanglement* between human and non-human entities constituting one's body and its action-perception world.

While we are discussing experience here, it can't be lived through due to double discontinuity — between (1) phenomenal givenness for MI-agents and their self-descriptions, and between (2) their self-descriptions and *our* bodily experience. That put special emphasis on the problem of signification as a result of sign formation: how do new structures of meaning arise through new patterns of a magnet activity? We will observe that (1) is happening not via the invention of novel words and phrases but through contextual repurposing of already existing ones. Discontinuity (2) is a more nuanced one since it requires a certain reflexive turn: we will carry it out in the Conclusion part.

Introduction to Biosemiotics

We begin our journey in the search of semiosis from the perspective of another related domain — biosemiotics (the field of knowledge about signs and communication in living systems), since it roots the origin of meaning in the biology of an organism, its bodily structure.

65

Biosemiotics formed in the middle of the 20th century, supported by other emerging disciplines such as ethology and zoosemiotics [Emmeche and Kull, 2011]. Its formation raised a problem of revision of established relations between a *sign*, a *meaning*, and a *referent*. The main difference with signification in human language in biosemiotics is that the sign-meaning relationship is thought of as embedded into the morphology of an organism. At the price of non-arbitrary signification plants and animals gain a very stable and survival-relevant view of their environment.

For example, a snake recognizes the shapes of warm-blooded mammals in grass via infrared vision. Depending on their sizes, it distinguishes between instances of danger and prey. Small infrared glowing bodies are prey for a snake, this is their meaning in a snake's perception-action world: though it can't be changed at the snake's will, on the other side, a snake needs not to think twice about a proper action once the infrared moving entity appears nearby.

This logic of embeddedness would be true for a plethora of living organisms with magnetoreception: molluscs, sharks, stingrays, migrating birds, some plants (pea), insects (fruit fly, honey bee), etc.

of J. Law and B. Latour on material semiotics. I give a more explicit discussion about the role of the material semiotics in descriptions of a technological modification at the beginning of Part II.

Their ability to detect and respond to Earth's magnetic field enables them to navigate in space more efficiently, even though they can't vary their perceptive patterns and adapt to noise in the form of radio frequencies produced by humans.

Worth to mention: since the 2010s when I first got intrigued by the topic of MI [Bykov, 2017], magnetoreception has been discovered in humans as well. It is supposed to be involuntary, as in most animals, and is realized on a molecular level resulting in changes in alpha-waves of the brain [Wang *et al.*, 2019]. Various mechanisms have been proposed to explain these phenomena, one of which involves the quantum effects of cryptochrome protein in the eye; recent empirical research approves the existence of magnetoreception in humans [Chae *et al.*, 2022]. Besides being positively surprised by this sudden paradigm shift of a view of our natural senses, I still see the problem of the conceivability of technomodified experience raised in the beginning relevant, since the perception of magnetic fields in cited papers is subconscious and cannot be reflectively thematized.

66 However, since rare-earth magnets are not biologically pre-installed for Homo Sapiens, we have an inevitable complexification of our perception-action world with cultural patterns and/or scientific theories¹. What separates case with MI from its innate counterparts in animals is the planned & non-adaptational character of MI-augmentation: hundreds of people agreed to cut their fingers to be merged with artificially created objects mainly out of *curiosity*², not for survival in its ecological niche or another pragmatic purpose.

Phenomenology of the body and “cyborg intentionality”

One way to deal with the problem of the signification of magnetoreception requires an appeal to the resources of phenomenology since a lot of experience-sensitive concepts have been developed within this approach. After the establishment of the phenomenological methodology as a whole by E. Husserl, the first extended analysis of perception and the role of a living body in it has been conducted by M. Merleau-Ponty:

- 1 In a paper “Umwelt extended” [Kadlecova and Krbec, 2020] authors formulate their critical arguments of representationalism in anthropology and explore the Umwelt-analysis (models of experience of living organisms, created by J. von Uexkull) to enlarge the explicative repertoire of social sciences. I believe the reference to Uexkull here is extremely profound, since the *bodily* alteration is our starting point; nevertheless, its applicability is limited by broader biosemiotical considerations.
- 2 According to Table C-6 from [Harris, 2015], where respondents have been asked about their motivation.

he formed the ground for further discussions in the “Phenomenology of Perception”. In particular, he was very precise in his descriptions of changes in bodily experiences due to interaction with various devices. Besides the most well-known one (the role of a cane for a blind person), there are at least two other examples in his main work: a typewriter

When the typist performs the necessary movements on the typewriter, these movements are governed by an intention, but the intention does not posit the keys as objective locations. It is literally true that the subject who learns to type incorporates the key-bank space into his bodily space [Merleau-Ponty, 2002: 167]

and an organ (musical instrument)

He sits on the seat, works the pedals, pulls out the stops, gets the measure of the instrument with his body, incorporates within himself the relevant directions and dimensions, settles into the organ as one settles into a house. He does not learn objective spatial positions for each stop and pedal, nor does he commit them to ‘memory’. [ibid, 168]

67

Notice that a process of “incorporation” (*in-corporation*) is mentioned in both cases. It depends on the *material* from which the device is made — organ tubes made from wood and from steel would produce different sounds, — and their *structural composition* — a typewriter would be operated differently, be it a mechanical typewriter or a keyboard of a laptop. Therefore, we might assume that during the process of *in-corporation* at least some properties of these devices directly affect newly emerged skill-related sensations. And, since human bodies have been connected with thousands of devices throughout our cultural history, perspectives of taking these “connections” into phenomenological account open up widely.

Nevertheless, Merleau-Ponty doesn’t continue the exploration of these perspectives. From his viewpoint, technologies are substantial but non-essential aspect of a human being. They are interchangeable and short-timed in comparison with the duration of our lives. And, since the existence of a living body primarily constitutes our existence, Merleau-Ponty is mainly focused on analyzing the life-long interconnectedness of sensations rather than on their technologically induced derivatives.

For example, according to him,

“I do not translate the ‘data of touch’ into the language of seeing’ or *vice versa* — I do not bring together one by one the parts of my body; this translation and this unification are performed once and for all within me: they are my body, itself. [ibid, 173]

But in the case of technological modification of a body, exactly the opposite happens. Patients with anti-epileptic nervous stimulation devices, as nurses wearing exoskeletons [Katila and Turja, 2021] find themselves in a condition of temporary “bodily uncertainty”. Newly obtained parts of their bodies are brought into question, needing translation and reflexive shifts, for they hadn’t been known in any previous experiences.

Even though the topic of technological modification of a body hasn’t been covered extensively by Merleau-Ponty himself, his writings have been elaborated later by two phenomenologists of technology, D. Ihde and P.-P. Verbeek. The latter came the closest to the phenomenological description of a cyborg than anyone else, while the former moved from solely phenomenological method and was looking for productive interbreeding between it and the actor-network theory, as well as material engagement theory (see [Ihde and Malafouris, 2019]).

Ihde has been interested in the phenomenon of a multistability when the same perceptual data can result in different phenomenal givenness (as in the Necker cube or face/vase illusion). He made a step further and apply this intuition of multistability to technological artifacts in our lifeworld: technology in itself does not constitute the actual way in which it will be used and how they alter the “I — World” correlation (see his book “Technology and Lifeworld” [1990]).

There are 4 main regimes of technologically mediated “I — World” correlation distinguished by D. Ihde:

<i>Embodiment</i>	(I — Technology) → World	Technologies can be embodied by their users, establishing a relationship between humans and their world. <i>Example:</i> When looking through a pair of glasses, the glasses are not noticed explicitly but are “incorporated”; they become extensions of the human body.
<i>Alterity</i>	I → Technology (–World)	Technologies can be the terminus of our experience — when human beings interact with them and leave the world in the background of this interaction. <i>Examples:</i> human-robot interactions, getting money from an ATM, or operating a machine.
<i>Hermeneutic</i>	I → (Technology — World)	Technologies provide representations of reality, which need interpretation to constitute a “perception”. <i>Example:</i> fMRI scans, scale of a thermometer.

<i>Background</i>	I (-Technology – World)	Technologies are not experienced directly but rather create a context for our perceptions. <i>Examples:</i> night city electricity, automatic switching on and off of the refrigerator, Internet of Things in general.
-------------------	-------------------------	---

The scheme needs only one addition to be brought back directly into the discussion of magnet implants, and this addition has been made by P.-P. Verbeek — he argues in favour of including *cyborg relation* of technological mediation in our picture:

Cyborg (I /Technology) → World

According to Verbeek,

The intentionality involved in the embodiment relation is not entirely human either [like being directed at each other through a mobile phone, or hear through a hearing aid] ... But in these embodiment relations, a distinction can still be made between the human and the technological “share” in the mediated experience, while this is not possible in cyborg relations, where humans and technology form a new experiencing entity. [Verbeek, 2008: 391]

69

We might go even further and state that, since “a new experiencing entity” is formed,

(I /Technology) = I' => World'

Or, in phenomenological terms, this relation brings to life a transformed fundamental correlation: the world as given to a cyborg would be a somehow different one. But *how* different, exactly? Merleau-Ponty, Ihde, and Verbeek provided us with the general structure for understanding, and yet we don't have a proper vocabulary to describe the activity of a magnet implant without reducing it to the Maxwell laws. At the very pinnacle of the phenomenology of technology, we become ready to put to the test a framework of material semiotics.

In the same vein, Verbeek continues to specify yet another type of technological mediation —

Composite intentionality I → (Technology → World)

when human intentionality is directed to the world through the way in which technology is directed to the world [Verbeek 2008: 393]. In our case, the implant is so structurally simple that “technological intentionality”

is reduced to “material intentionality”, that is, to the intrinsic activity of the magnet itself. And exactly here is the point where material semiotics could function as a bridge, in order not to conflate phenomenological vocabulary of intentionality with the description of magnets’ “orientedness toward the world”. As an actor, a magnet is inherently interested in others of its kind, distributed in our environment. The term “interest” is understood here in a sense of a non-human agency; it doesn’t imply the subjectivity of a magnet or hidden panpsychism — rather, the language of “interest” emphasize the trace of actions that a magnet creates by merely existing in the world. This ‘symmetrical vocabulary’ has been widely adopted by “middle period” ANT (1980-1990s) and can be seen in use in classical paper [Callon 1984] describing the case of (failed) domestication of scallops and fishermen by marine scientists.

In the last section of Chapter III of “Reassembling the Social” Latour made a somehow hidden but, in my opinion, very influential footnote #67:

In spite of many efforts, especially in Don Ihde and Evan Selinger (2003), *Chasing Technoscience. Matrix for Materiality*, to reconcile ANT and phenomenology, the gaps between the two lines of interest remain too wide because of the excessive stress given by phenomenologists to the human sources of agency. ... This does not mean that we should deprive ourselves of the rich descriptive vocabulary of phenomenology, simply that we have to extend it to ‘non-intentional’ entities. [2005: 61]

70

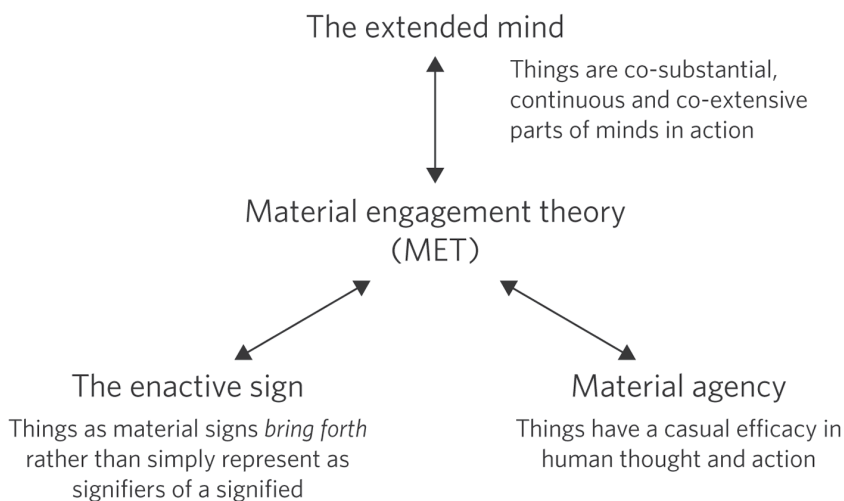
It is remarkable that standing apart from phenomenological tradition across most of his publications, Latour refers to Ihde as one of the rarest authors who invested his efforts in an attempt to merge it with ANT. The ending sentence, however, seemingly promising, is also a deceiving one: phenomenological vocabulary can’t be “simply” extended to ‘non-intentional’ entities since the former has been constructed *specifically* to prevent such extension from happening. It doesn’t mean, on the contrary, that *any* form of mutual enrichment is prohibited: rather, as we might add using Latour’s own phrasing, such extension would be inevitably (and conceptually) costly and sparse in comparison with overall phenomenological repertoire. I think that material semiotics — in the case of technomodification — and phenomenology of technology share some structural similarities regarding the objects of their interest, and this could be illustrated with the help of 3rd theoretical intermediary.

Part II: “I/magnet” association as seen by material semiotics

Ihde’s own position concerning phenomenology was quite often called ‘postphenomenological’ by peers since his reshaping of problematization

within the field sometimes lead him outside the field. He himself didn't accept the naming, however, he explicitly agreed with certain structural weaknesses of phenomenology — the one of which was its inability to incorporate non-human sources of agency. Recently Ihde discussed this and some other issues with Malafouris, author of “material engagement theory”. What does “material engagement” mean? When looking under the surface of the title, we shouldn't be surprised to see a certain commonality, a fleur of resemblance:

The distinctive feature of the material engagement approach is the commitment to a view of thinking as a process that is distributed, enacted and situated, as well as assembled, from a variety of non-localisable mental resources spanning the boundaries of the individual brain and body. Material engagement theory as an explanatory path is based on three interrelated working hypotheses, which can be summarised as follows ...

71

[Malafouris 2019: 196]

Putting aside his primary reference to the domain of cognitive sciences, we might see that 2 of 3 of his hypotheses — namely, Material agency and The enactive sign — have been already implemented by material semiotics, which lay at the core of ANT. And each of these two hypotheses is vividly exemplified by the case of magnet implants:

1. It shares strong similarities with biosemiotics in the way that the enactive aspect of signification is *embedded* into a magnet (i.e., it doesn't merely indicate “there's an active electromagnet nearby”, it starts to vibrate or even pushes one's finger in that direction).
2. Once the implantation has happened, a magnet occupies certain areas of action-perception *anticipation space of possibilities* of its human bearer (see quotes).

I have to mention that I’m not specifically interested in the work of Malafouris here, however, his scheme makes it easier to delineate which particular components of material semiotics would guide my theoretical endeavor. If we are reframing our understanding of the case in this manner, we have to reformulate our initial interest from Part I: it’s not the topic of a general structure of experience we should depart from to make its particular model — rather, we shall follow an *I/magnet association* through different stages of its existence. Once the quotes of MI-agents are arranged accordingly, model of experience in question would emerge in the end.

The table below illustrates how different topics (around which MI-responses are centered) are correlated with these stages of existence:

1	<i>The emergence</i> of an association	“I” associating a “magnet”
2	<i>Interaction with</i>	
2.1	the <i>same actor</i> as the newly associated one (I/ magnet — magnets)	Other constant magnets and magnetic metals
2.2	<i>different actors</i> belonging to the <i>same domain</i> (I/ magnet — electromagnets)	Objects with changing magnetic field — electromagnets (EM-devices and their EM-fields)
2.3	other I/magnet associations (actual and projective)	Learning through comparisons with other MI-agents
2.4	unexpected and phenomenally new actors in the world	Actual non-anticipated interactions
3	Deepening of I/magnet <i>integration</i>	From perceptions to sense-formation
4	<i>Disintegration of:</i>	New kinds of risks due to disruption of associations
4.1	<i>Other material associations</i> because of I/magnet activity	— Disruption in associations of external devices
4.2	<i>I/magnet association itself</i> (with 3 subtypes)	—Break of “I/magnet” association itself:
5	<i>Phenomenal disappearance</i> of an I/ magnet association	Normalization/ Fading away

1. “I” associating a “magnet”

When do we begin to talk about the association as formed — when does it *emerge*? Immediately after the surgical operation? On the part of a magnet, nothing has changed besides a slight decrease in its field due to skin and cover layers. On the part of a human, though, a spike of self-awareness about magnetic sensations is extremely important as a sign that association does actually exist.

For some reason, I woke up one morning and I felt a magnetic pull from my AirPods. I've felt it before but this was different. It wasn't like before where my brain consciously knew that it was a magnet moving in my finger, but it felt like an indescribable new sense. I didn't realize it until a few seconds after, but that was the moment it “clicked” in my brain¹. [II: 2]

Shift from “I” to “I/magnet” usually doesn't happen from participating in a drastically new activity, for it would require MI-agent to act as an integrated whole already. It is more something like a flare, a burst of novelty through mundane patterns:

The first time I realized my implant was reacting to an EM field was a power drill. Normally the drill vents air out the sides so I thought it was just exhaust on my finger but I quickly realized my finger was not near the exhaust and the “windy” sensation was coming from the inside of my finger. [II: 5]

73

Quite in line with a quote from Merleau-Ponty, incorporation of a magnet into a human body means that an additional reflexive arc is no longer needed for “I/magnet” association:

The first time I used it to sense magnetic fields without even thinking about it, because it just felt so natural to sense magnetism. It was honestly a life changing moment. [II: 3]

2.1 Other constant magnets and magnetic metals

The initial unfolding of an “I/magnet” association toward the world (World') can be done in a form of a simple extrapolation: how would *other constant magnets* interact with the magnet inside a finger? I focus on this subtype of actors at first because the implantation itself has selected them among others — and they became very discernable:

1 Grammar and punctuation of all quoted passages are preserved from their original sources.

it feels like a smooth pressure. Imagine running your hand slowly through lukewarm water, and brushing your finger across the top of a large invisible marshmallow. [I: Dillow 2004]

Now we can extend the repertoire and add some other entities with constant properties, like metals:

I can also differentiate between magnetic and non-magnetic materials, and even determine the thickness of sheet steel based on how much pressure I feel from the implant when I touch my finger to the steel. [III: C-8]

A polarity, the very specific property of a magnet as such, becomes sensitively revealed for MI-agent:

I implanted 2 magnets in the side of my hand one with the north out one with the south out. They ... holds their polarity in place. So yes I can feel poles. I can feel a push on my front magnet and a pull on the back on and I know that is north and vice versa. [II: 4]

74

Even though “I/magnet” association doesn’t necessarily start its perceptual journey exactly with constant magnets, they provide good scaffoldings for us to model more complex sensations.

2.2 Objects with changing magnetic field — electromagnets (EM-devices and their EM-fields)

The category of constant magnets pales in contrast with the abundance of the ones whose field changes over time — electromagnets.

Metal and magnets you feel a pull until you get too close and start to feel a painful pinch (same with powerful EM fields, which feel like a painful pinch/push x times a second). [III: C-8]

Most of our electronic devices are built in a way that generates surrounding electromagnetic fields. So, it won’t be an exaggeration to say that, once accustomed to discerning MI-sensation, “I/magnet” association faces a tsunami, an avalanche of new entities, as well as of old ones perceived anew:

Things like power cord transformers, microwaves, and laptop fans became interactive in a whole new way. Each object has its own unique field, with different strength and “texture.” I started holding my finger over almost everything that I could, getting a feeling for each object’s invisible reach. [I: Berg 2012]

Driven by MI-agents desire for new sensations, the list continues so extensively that I decided to name mainly the objects they interact with:

- xray at dentists
- cooker
- pencil sharpener
- some plugs
- magnet in laptop's screen
- clocking in scanner at work
- transformers [also halogen ones]
- electric hair clippers
- hard drives (I feel them spin)
- electric motors (i.e. in a desk-fan),
- laptop power converters feel almost pleasant
- motion detector unit of automated pissoirs.
- when a cashier scans a product and breaks the RFID tag on it; it feels like a sharp burst of field. [III: C-8]

Once the new experiencing entity is filled with novelty, it almost inevitably starts to juxtapose sensations to make more sense of them. In a manner of a magnetic gourmet, MI-agent emphasizes nuances and subtle differences of selected EM-fields:

My favorite feeling comes from an automotive battery charger I own. High amperage DC voltage has a very “chunky” feeling, almost like being mildly electrocuted, as opposed to the field from an electric motor, which feels more “fuzzy”, like a warm, fast-moving wind across the skin. [ibid]

75

2.3 Learning through comparisons with Other MI-agents

Nevertheless, the formation of “I/magnet” as an experiencing agent doesn’t take place in isolation. It doesn’t resemble a Condillac statue — quite the opposite: it was filled with projections of Others at the very beginning when it was a single “I”. Only by sharing expectations with the audience and learning to expect something based on the stories of others you form a relatively coherent anticipation of a magnetic experience yet to be felt¹.

I feel microwave ovens and ventilators, but no luck with laptop power packs so far. after talking to other people with magnetic implants, I think I am a little less sensitive to magnetic fields than most of them, but I’m not sure. [III: C-8]

Once the “I/magnet” association is formed, it also transforms one’s Theory of Mind — embodied empathy starts to extend its limits,

¹ All quotes from Biohacker Forum in the paper should be considered this way too.

What I also found was as I watched videos on YouTube relating to magnets (such as Brainiac75), I was unconsciously “feeling” what the YouTuber would feel when handling a magnet in the same way you can “feel” watching someone get kicked in the groin. [II: 2]

— as well as, on the contrary, it also draws borders between MI-agents and magnetically non-sensitive people. However, there still is an unexpected way to share at least some of the bodily perceptions:

magnetic fields ... [of] welding machines causes enough movement for other people who happens to be touching my hand at that time to feel it as well. [II: 1]

2.4 Actual non-anticipated interactions

One of the most remarkable aspects of the concept of an ‘actor’ from ANT’s version’s material semiotics is its *actual* uniqueness, revealed in the form of *unpredictable interactions* it undergoes [Latour 2005: 143]. I collected a few quotes here in order to pause in awe — each of them demonstrates a way of using magnets that simply goes beyond the initial expectation on a part of a human agent, because the magnet as an actor, is thrown in a flow of real-life events, exposes its new situational properties.

For example, it may turn into a hidden oasis of half-sexual pleasure too:

My most favorite sensation is when I use opposite poles of a magnet to make my implant flip over. That’s a totally bizarre and almost erotic sensation ... I’ve considered asking Steve to give me some magnetic genital beads or designing some custom magnetic jewelry for my apadravya so I can experiment with the use of electromagnets for erotic stimulation¹. [III: C-8]

After magnetoreception becomes a coherently functioning sense, MI-agent can develop a related *skill* on its basis:

[I work on computers] My clients computer would not boot, and they diagnosed a dead hard drive and stated they didn’t even think it was spinning. By hovering my hand over the laptop, I was able to feel the laptop spinning, and spinning at what I believed to be a normal speed. That allowed me to skip some of the troubleshooting process and diagnose/fix the issue quicker. [ibid]

1 Perception of the same event can vary drastically though: “The magnet flips position fairly often and it’s become a bit of a tic to push it back down” [III: C-7]

I personally feel impressed by the story of Berg's discovery. One of its most striking aspects is that the source of the magnetic signal hasn't been checked — all we have is a subtle yet intriguing chain of "I/magnet" conclusions:

The best part of having the magnet implant was discovering invisible magnetic fields when I wasn't actually looking. The first experience I had with this was walking through the intersection of Broadway and Bleecker in Manhattan. I passed through this intersection a few times before realizing that my finger would tingle at a certain spot. After paying a bit more attention, I realized that I was feeling something underground. At first, I assumed it was a subway car, but later came to the conclusion that it was most likely the subway power generator, or the giant fan that was cooling these generators. After noticing these underground waves at Broadway and Bleecker, I began feeling them all over Manhattan. [I: Berg 2012]

3. From perceptions to sense-formation

Finally, in-corporation reaches a phase when "I/magnet" can theorize about its emerged sense as a whole; integration between the elements has only deepened after all the interactions.

77

Most objects feel like a vibration or a buzz emanating from my finger tip. These vibrations can vary in frequency and amplitude [III: C-8]

As was exceptionally vividly shown by M. Farina [2013: 651-652] in his paper "Neither Touch nor Vision", even though sensing through Sensory Substitution Devices (SSD) is modulated through already existing sensory modalities¹, SSD induces synesthesia in a subject. I think it could be better understood with the help of the idea of a *multidimensional manifold of experience*. Synesthesia signifies the process of plasticity which takes place at the very root of a manifold, where senses are not distinguished from one another, where they still exist in some sort of pluripotency. That is, in part, why respondents tend to compare MI-induced sense with some other they already have:

I can detect different frequencies in the magnetic fields. ... The sensation is rather intuitive, and exploring a magnetic field is not unlike trying to identify an object with your eyes closed. [I: Dillow 2004]

The way it becomes a separate sense. I often describe it as the feeling is the same thing to *touch* as *taste* is to *smell* (kinda related but also separate) [II: 3]

1 In his case — the substitution of vision through audial channels with a VOICE device for visually disabled people.

It feels like tingling buzz, except as your finger moves through space, it is mapped to a three dimensional sense. ... With a lot of fields going at once the effect can be compared to music [III: C-8]

The concepts involved in the answers become the most abstract in comparison with all the other sections we have observed so far. That is done so because MI-agent tries to focus on the aspects of the experience in question which would be discernable in every MI-related experience:

My sensitivity has increased which allows me to not only feel the wave, but feel the “shape” of the wave. Microwaves give off a chaotic wave, but things like computer fans give off a nice dome/donut shape. It is very hard for me to explain what it feels like. The sensation is similar to a “buzzing” like when one of your extremities falls asleep, but I get more information such as intensity, “shape”, and direction of the wave. [ibid]

4. New kinds of risks due to disruption of associations

78 In previous sections, we have witnessed only the “constructive gains” of “I/magnet” association; these gains come with principally new dangers of an association being disintegrated. However, before disintegration itself comes the pain which indicates this new risk:

[magnet] was apparently placed too much over the bone, so would get painful whenever there was pressure on the fingertip. Since I like to lift heavy weights, it became very annoying- I would have to keep that finger uninvolved from dumbbells/barbells/plates as much as possible [II: 3]

For similar reasons, having a magnet in your finger would partially prevent you from:

- starting bouldering as a hobby
- opening jars
- playing bass guitar
- catching a baseball (in a mitt) [III: C-7]

Problems might appear both on the pole of “I/magnet” association itself, and on the pole of association it interacts with: I’ll briefly illustrate both of them.

4.1 — *Disruption in associations of external devices*

It has to be said that MI-community members had anticipated most of the potential troubles with having a magnetic body part interacting with most electronic devices. Nevertheless, some everyday objects with

a specific composition turned out to be too magnetically responsive:

The only inconvenience I have had so far is demagnetizing a “player card” at a casino [III: C-7]

I can’t carry hotel keycards in my right pocket, because I occasionally demagnetize them [I: Robertson 2014].

Disruption doesn’t mean full disintegration — it might also lead to non-desirable functionality:

the only negative impact of the magnet is that my phone uses a magnetic sensor to identify when it’s docked so if I touch a specific area on the back of the phone it will wake up and think it’s on a dock [III: C-7]

4.2 — *Break of “I/magnet” association itself:*

The disintegration of “I/magnet” could fall into 1 of 3 main scenarios:

- [Magnet becomes **discharged**]

79

Even constant magnets are not truly constant. Over time an object becomes demagnetized as a whole when its basic elements become magnetically decoherent, and MI-agents are sensitive to this slow decline.

Around a year ago, a distinctive “bump” of magnetic repellant on my MacBook keyboard started shrinking, until it was little more than a weak vibration. ... Today, magnetic sensation has gone from a basic feeling to something I’m surprised to feel on rare occasions [I: Robertson 2017]

- [Magnet is **torn apart**]

One of the most often advised “what to avoid” in MI-community are fMRI scanners — they represent one of the most brutal and forceful methods of removal of a magnet.

maybe 3 to 5 feet away and my magnet started acting up. Flipping about and pulling on the skin; I even tried to proceed by holding it down, but I felt a pinching and burning sensation and the MRI was stopped [III: C-9]

- [Bodily **interface of a finger** (the ‘/’ in “I/magnet”) is endangered]

After researching Biohacking Forum branch on MI, I can estimate that approximately $\sim \frac{1}{3}$ — $\frac{1}{4}$ of all posts there were discussing measures of protection and necessary action one should take to heal the tiny piece of

skin which covers the newly obtained magnet. This was one of the main topics in [Harris 2015] questionnaire too:

About two weeks after implanting the magnet I found it was probably too close to the surface of my skin for any long-term use, so I removed it before it had fully healed. [III: C-7]

5. Normalization/Fading away

Far before the magnet would lose its magnetic properties, though, *normalization* happens. I separate it from the stage of disintegration in the same logic in which surgical injection of a magnet is not the moment when an association is formed. *Normalization* exemplifies, so to say, ‘action-perception homeostasis’ of an implant with a modified person:

Before I implanted, I never thought it would become a normal sensation. I always thought it would be a “special” feeling that would always consciously register. I was wrong. ... I’ll even find myself subconsciously investigating magnetic fields while bored (like the locations of all the magnetic fields on my laptop) without much of a conscious decision. [II: 2]

80

In a sense, a magnet in “I/magnet” association encapsulates certain temporal projections of its use. So, an important part of the “fading away” process is the absence of its involvement in the lifeworld of MI-agent:

It’s just not an integral part of my life the way the magnet is. ... I knew beforehand that its value would be determined by how well other things support it. ... It’s also a strange reminder that someday, small parts of me will be obsolete. [I: Robertson 2014]

Conclusions

My attempt to separate self-reports of people with magnet implants into groups based on different stages of existence of “I/magnet” associations should not be considered universally applicable — or, to be precise, mentioned phases are unequal in their universality: the latter substantially depends on the characteristics of a modifying technology. For example, if we switch to the case of people with artificial heart implants, we won’t specify as many subgroups of interactions with external associations as in the case with magnets since heart implants interact a lot with an assemblage of organs and inner body systems to function properly. If, once again, we switch to the case of invasive neurointerfaces, we would need to subdivide different scenarios of disintegration: they could stop being a part of an association because

of program errors, material damage, or neurodegeneration in the contact area, etc. It might be useful to think of stage-differentiation as a navigation tool that helps structure self-reports of MI-agents: seemingly ontological, this differentiation serves epistemological purposes of reaching a conceivability of magnetoreception.

Stage 1 and the difference between stages 4 and 5 are probably the most typical among others: they point out that association emerges and, conversely, fragments not in the very same moment when technological devices are injected into (removed from) the human body. As shown in “Fading away”, you can even live with the charged magnet in a finger without consciously noticing it. Stage 2 is also typical, but only on a general level implied by the notion of an *actant* — whatever I/X’ association would be, it would inevitably *interact* in a new manner with other entities in the world, forming its essence in the process. It could be one of its kind, state-of-art technological endeavor (in which case there would be no Others to compare with, diminishing stage 2.3), or it could be a part of an ever-growing community, as in the case with cochlear implants nowadays. I also insist on the importance of being sensitive to non-expected associations (stage 2.4) since one of the core intuitions of the ANT version of material semiotics is that none of the actants is fully predictable in its actual interaction with its surroundings. Nor engineers, nor scientists, nor technomodificants themselves couldn’t anticipate the overall trajectory an emerged association would follow. I don’t want to trivialize this intuition, but we should follow the path of surprises for it is the way to not allow our theoretical assumption to replace discoveries made by informants. In the case of magnets, stage 3 (integration) emphasized a more nuanced magnetoreception, however, if the technology in question would be less centered on perception, integration between elements of an association might take another form.

81

Once again: when I appeal to the resources of material semiotics in this paper, I see them not as a theoretically purified set of conceptual problems but rather as a polyvalent toolbox which might be useful for other disciplines. In the case of magnet implants in particular, material semiotics helps to organize self-reports in a way that would expose the phenomenal perspective of an “I/magnet” association, a ‘new experiencing entity’ in Verbeek’s terms. Comparison of Malafouris’ material engagement theory with material semiotics highlights theoretical assumptions of the latter which it shares with the phenomenology of technology, so “stages of existence of an association” could be in principle productively redescribed using the language of ‘cyborg intentionality’. I think the anthropology of technology in general, as shown in [Kadlecova 2020], would benefit from adopting certain symmetry in descriptions of technological modifications of a body.

At the end of this paper, I'd like to turn back to the 2nd initial question from the beginning. Let's take a self-reflexive turn, a closer look at how these descriptions function upon us, non-modified readers.

Even though we are still insensitive to magnetoreception, the composition of words of MI-agents affected us. Without perceiving them qualitatively, we nevertheless made these descriptions comprehensible and created models of related experiences. Maybe, some of us even got a hardly explicable, peculiar feeling while reading. How is that possible? I appeal to the "perceptual symbol systems" theory here, developed by L. Barsalou [1999]. According to his view on concept formation, there is no clear distinction between initial sensorial modalities and their amodal products in the form of concepts (as some functionalist theories insist). Rather, he introduces the idea of a "perceptual symbol" — an intermediate pattern, in which associated sensorial components are, roughly speaking, folded inside:

As memories of the same component become organized around a common frame, they implement a simulator that produces limitless simulations of the component ... Once established, these simulators implement a basic conceptual system that represents types, supports categorization, and produces categorical inferences [Barsalou 1999: 577]

82

While MI-agents experience synesthesia (which enables modal categorial re-synthesis to create new sensorial framing), we undergo a *semiosis*, the emergence of a new meaning. All of us are somehow experienced in playing with magnets and are acquired at least a basic vocabulary of electromagnetism. Semiosis takes place when a combination of meaningless words (like '*feel the "shape" of the wave*') becomes meaningful. The ability of perceptual symbol systems to produce categorical inferences allows us to merge our own bodily experiences with descriptions of magnetoreception, thus forming a "virtual embodiment" — a seemingly paradoxical but conceivable set of possible experiences.

Material semiotics helps to organize reports of "I/magnet" associations in a way that exposes different dimensions of a manifold of MI-related experiences. I would like to conclude that, in principle, we might go even further and construct a writing-based exercise for reaching the conceivability of other, more complex, and hybrid associations yet to come.

References:

Быков Е. М. (2017) Umwelt-анализ киборга: от биосемиотики к актантной семиотике и обратно. Идеи и идеалы. 3 (33): 144-157.

- Bykov E. M. (2071) Umwelt-analysis of a cyborg: from biosemiotics to actant semiotics and back. *Ideas and Ideals*. 3 (33): 144-157. — in Russ.
- Barsalou L. W. (1999) Perceptual symbol systems. *Behavioral and Brain Sciences*. 22(4): 577-609; discussion: 610-660.
- Callon M. (1984). Some Elements of a Sociology of Translation: Domestication of the Scallops and the Fishermen of St Brieuc Bay. *The Sociological Review*, 32(1_suppl): 196-233
- Chae K. S., Kim S. C., Kwon H. J. et al. (2022) Human magnetic sense is mediated by a light and magnetic field resonance-dependent mechanism. *Nature Scientific Reports* 12, 8997.
- Emmeche C., Kull K. (eds.) (2011). *Towards a Semiotic Biology: Life is the Action of Signs*. London: Imperial College Press.
- Farina M. (2013). Neither touch nor vision: sensory substitution as artificial synaesthesia? *Biology and Philosophy* 28 (4):639-655.
- Gray C. H., Figueroa-Sarriera H. J., Mentor S. (eds.) (2021); *Modified: living as a cyborg*. New York: Routledge.
- Harrison I. (2015) Sensory enhancement, a pilot perceptual study of subdermal magnetic implants. PhD thesis, University of Reading.
- Ihde D. (1990). *Technology and the Lifeworld: From Garden to Earth*. Indiana University Press.
- Ihde D., Malafouris L. (2019). Homo faber revisited: Postphenomenology and material engagement theory. *Philosophy and Technology* 32 (2): 195-214.
- Kadlecova J. (2020) Body-hacking: On the Relationship between People and Material Entities in the Practice of Technological Bodymodifications. *Historicka Sociologie*. 1: 49-63.
- Kadlecová J., Krbec J. (2020) Umwelt Extended: Toward New Approaches in the Study of the Technologically Modified Body. *Journal of Posthuman Studies*. 4 (2): 178-194.
- Katila J., Turja T. (2021) Capturing the nurse's kinesthetic experience of wearing an exoskeleton: the benefits of using intercorporeal perspective to video analysis. *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*. 4 (3): 1-26
- Latour B. (2005). *Reassembling the Social: An Introduction to Actor Network Theory*. New York: Oxford University Press.
- Malafouris, L. (2019). Understanding the effects of materiality on mental health. *BJPsych Bulletin*. 43(5): 195-200.
- Merleau-Ponty M. (2002) *Phenomenology of Perception*. London, New York: Routledge.
- Verbeek P.-P. (2008). Cyborg intentionality: rethinking the phenomenology of human- technology relations. *Phenomenology and the cognitive sciences*, 7(3): 387-395.
- Wang C. X., Hilburn I. A., Wu D.-A., Mizuhara Y., Cousté C. P., Abrahams J. N. H., Bernstein S. E., Matani A., Shimojo S., Kirschvink J. L. (2019) Transduction of

the Geomagnetic Field as Evidenced from alpha-Band Activity in the Human Brain// eNeuro March, 6(2): 1-23

Self-reports of MI-agents¹:

Section I: Full-sized articles

Dillow C. (2004) Electrical engineer can feel magnetic fields through magnets implanted in his fingertips (Dialogue with Shannon Larratt). <https://news.bme.com/2004/02/06/the-gift-of-magnetic-vision-the-publishers-ring/>

Berg D. (2012) I have a magnet implant in my finger (Reflections). <https://gizmodo.com/i-have-a-magnet-implant-in-my-finger-5895555>

Robertson A. (2014) Cyborg conversion incomplete: my life with finger implants <https://www.theverge.com/2014/7/31/5952647/cyborg-conversion-incomplete-my-life-with-finger-implants>

Robertson A. (2017) I hacked my body for a future that never came <https://www.theverge.com/2017/7/21/15999544/biohacking-finger-magnet-human-augmentation-loss>

Section II: Biohacking Forum on magnetic implants²

1. Magnetic sensation <https://forum.biohack.me/index.php?p=/discussion/2420/sensing-questions>
2. 5 unexpected interesting aspects of MI <https://forum.biohack.me/index.php?p=/discussion/2458/top-5-things-that-my-brain-did-that-surprised-me-with-my-magnet-implant>
3. Q+A poll for a long-time MI-users <https://forum.biohack.me/index.php?p=/discussion/2934/q-a-type-poll-for-long-term-magnet-users>
4. MI polarity <https://forum.biohack.me/index.php?p=/discussion/1233/polarity>
5. Peculiar feelings with MI <https://forum.biohack.me/index.php?p=/discussion/406/what-do-you-feel-most-with-your-magnet-your-top-5>

Section III: The Global View on Magnetic Implants [Harrison 2015, Appendix C, pp. XXXII–XXXVII]

Table C-7: Text Responses from those given by respondents to the question “Since having the magnet/s implanted have you had any bad experiences, recurrent pain or been hindered in day-to-day activities due to them?”

Table C-8: Text Responses from “Have you been able to ‘feel’ things like microwave ovens, computer fans or laptop power packs? If so, which is your favourite and why? What does it feel like?”

1 All links mentioned in this section have been successfully accessed. Access date: 10.05.2023

2 Quotes of MI-agents reports from this section are not only quotes from the text of the initial post (for each link) but also from texts of other respondents replying to the initial post. Main link on the Forum: <https://forum.biohack.me/index.php?p=/categories/magnet-questions>

Table C-9: Text responses from “Have your magnet/s or implants ever prevented you from receiving medical treatment, for example an MRI? If so, what was the outcome?”

Рекомендация для цитирования:

Bykov E. M. (2023) “I/Magnet” Association: How Do People with Magnet Implants Signify Their New Experience. *Социология власти*, 35 (2): 62-85.

For citations:

Bykov E. M. (2023) “I/Magnet” Association: How Do People with Magnet Implants Signify Their New Experience. *Sociology of Power*, 35 (2): 62-85.

Поступила в редакцию: 15.05.2023; принята в печать: 06.06.2023

Received: 15.05.2023; Accepted for publication: 06.06.2023

Переплетенный семиозис

Илья УТЕХИН¹

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия; Университет
Индианы, Блумингтон, США

ORCID: 0000-0002-1176-6330

Микроанализ невербальных аспектов коммуникации (из интеллектуальной истории мультимодального анализа)

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-86-118

86

Резюме:

В статье рассмотрены некоторые интеллектуальные истоки современного мультимодального анализа. Предыстория микроанализа социального взаимодействия включает семиотику невербальной коммуникации и антропологическое изучение паттернов экспрессивного и коммуникативного поведения. Это было впервые реализовано Грегори Бейтсоном и Маргарет Мид в новаторских исследованиях Балийского характера. Бейтсоновский подход к взаимодействию находился под влиянием кибернетических идей и опирался на понятие обратной связи, что привело к достижениям в области теоретического понимания коммуникации и, в частности, в изучении взаимодействия в семье в психиатрической перспективе. Междисциплинарный исследовательский проект, получивший название «Естественная история одного интервью», стал первым примером широкого междисциплинарного сотрудничества с участием антропологов, лингвистов и психиатров. Это привело к подробному анализу снятого на пленку фрагмента взаимодействия, где были сопоставлены данные о разговоре, параязыке и языке тела (кинесика). Выводы этого проекта, как и других попыток кинесического микроанализа, скорее позволили задать дополнительные вопросы о цели исследования и адекватности используемых методов, чем принесли существенные содержательные результаты. Однако вклад кинесики и, в более широком смысле, семиотики невербальной коммуникации сыграл важную роль во включении данных о внимании участников,

¹ Илья Утехин — к.и.н., ассоциированный научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге; приглашенный исследователь, Университет Индианы (Блумингтон).

отслеживаемом как направление взгляда, в анализ коммуникативного взаимодействия, как это было реализовано в работах Чарльза Гудвина.

Ключевые слова: семиотика, невербальная коммуникация, кинесика, микроанализ, социальное взаимодействие, история науки

Ilya Utekhin¹

European university at St.Petersburg, Russia; Indiana University, Bloomington, USA

Microanalysis of Nonverbal Aspects of Communication (from the Intellectual History of Multimodal Analysis)

Abstract:

The paper considers some intellectual roots of the contemporary multimodal analysis. The prehistory of microanalysis of social interaction includes semiotics of nonverbal communication and the anthropological study of patterns of expressive and communicative behavior as it was performed by Gregory Bateson and Margaret Mead in the pioneering research on Balinese character. The Batesonian approach to interaction was influenced by cybernetic ideas—particularly the notion of feedback—which led to theoretical advances on communication in general and, particularly, in the study of family interaction in a psychiatric perspective. The interdisciplinary research project that became known as “The Natural History of an Interview” was the first example of a broad interdisciplinary collaboration involving anthropologists, linguists and psychiatrists. It has brought about a detailed analysis of a filmed interaction that correlated data about talk, paralanguage, and body language (kinesics). The results of this project, as well as of the other attempts at kinesic microanalysis, allowed one to question the goals of research and the adequacy of research methods employed. However, the input from kinesics and, broader, semiotics of non-verbal communication was instrumental for including data about participants’ attention traced as gaze-direction into analysis of talk-in-interaction, as it was put in practice by Charles Goodwin.

87

Keywords: semiotics, non-verbal communication, kinesics, microanalysis, social interaction, history of science

Сегодняшнему исследователю микромеханики социального взаимодействия доступны инструменты аннотации, позволяющие разметить происходящее на видеозаписи (снятой, возможно, более чем одной камерой), раскладывая действия участников подобно оркестровой партитуре. В синхронизированных между

¹ Ilya Utekhin, associate scholar, European university at St.Petersburg; visiting scholar, Indiana University, Bloomington.

собой компонентах потока информации аналитически выделяются, наряду со словесной речью, другие аспекты — жестикуляция и жесты рук, выражение лица, изменения позы, действия с предметами — и все это, возможно, членится на компоненты и может быть соотнесено с другими потоками данных (например, с записью экрана и с логами компьютерной системы, оперирование с которой является частью взаимодействия). В этих инструментах уже заложена определенная идеология анализа. Можно утверждать, что появление этой идеологии, в свою очередь, связано с технологией: именно доступность технологических средств определила и доступность для исследователя определенных сфер реальности. Подобно тому, как телескоп и микроскоп оказались необходимы, чтобы проникнуть в тайны микромира и устройства наблюдаемой вселенной, в области наук о поведении фотография, кино и возможность покадрового просмотра заложили основы для возникновения тех исследовательских подходов, которые в совокупности привели к современному мультимодальному анализу. Идеологически и методически он стал оформляться в 1980–1990-е годы, когда даже терминологически объект исследования в работах по конверсационному анализу стали обозначать как «разговор как часть взаимодействия» (talk-in-interaction)¹.

Исходной точкой этой статьи является тот факт, что работы, в которых впервые использованы методы тщательной фиксации и транскрибирования коммуникативного взаимодействия в его речевом и невербальном аспектах, сами по себе не принесли сколько-нибудь существенных содержательных результатов — и потому остаются лишь относительно малоизвестными подробностями из истории научного знания. Более того, материалы и выводы ключевого для предыстории мультимодального анализа проекта так и не были толком опубликованы. И это отличается от обычного хода эволюции научного знания. Не вспоминают и о гораздо более влиятельных областях и направлениях, которые сегодня растворились в нашем эпистемологическом бессознательном. Так, в современных работах о социальном взаимодействии — социологических, прагматических, антропологических — мало кто ссылается не только на труды по семиотике, но и на труды по кибернетике, а ведь эти две обла-

1 Хотя на русский язык существует вариант перевода как «речь-во-взаимодействии», предложенный А. Корбутом, в терминологии лингвистики речь противопоставлена языку как системе; речь — это продукт работы языковой способности, *speech*. По умолчанию, речь монологична. *Talk* это именно «разговор» (или, в лучшем случае, говорение, то есть «диалогическая устная речь»).

сти в 1950–1970-е годы внесли значительный вклад в общественные и гуманитарные дисциплины.

Те сюжеты, о которых ниже пойдет речь, касаются первых попыток включить в анализ и представить в форме транскрипции невербальные аспекты социального взаимодействия.

Эти попытки ставят несколько важных вопросов о целях соответствующих трудоемких процедур и о статусе получаемых на выходе выводов и закономерностей.

История изучения языка и социального взаимодействия (Language and Social Interaction) как отдельной области исследования в американской науке представлена в коллективной монографии [Leeds-Hurwitz 2010], с подразделением на научные школы и указанием на линии интеллектуального наследования. Лидз-Хервиц обозначает интересующие нас события как «микроэтнографию», отчасти пересекающуюся с ранним этапом развития этнографии коммуникации [Gumperz, Hymes 1964], и определяет три составляющие этого процесса: 1) Институт зарубежной службы (Institute of Foreign Service), где зародилась такая область исследования и практического искусства, как межкультурная коммуникация, и где антропологи сформулировали подходы к проксемике (исследованию использования пространства) и кинесике («языку тела»); 2) проект «Естественная история одного интервью» Центра передовых исследований в области наук о поведении, в рамках которого кинесика и паралингвистика применялись в ходе детального анализа киносъемки, синхронизированной с аудиозаписью; и 3) так называемая «группа Пало-Альто»¹, которая при участии антрополога Грегори Бейтсона впервые сформулировала отчетливый интеракционный взгляд на коммуникацию [Leeds-Hurwitz 2010: 6, 13-19].

Как представляется, в картину предыстории микроанализа взаимодействия с использованием визуальных методов следовало бы добавить еще два компонента: пионерские работы Грегори Бейтсона и Маргарет Мид, опирающиеся на визуальные методы анализа коммуникации, и семиотику невербальной коммуникации, по отношению к которой кинесика оказывается своеобразным подмножеством. Следует отметить, что сама по себе невербальная коммуникация привлекала внимание антропологов и психологов

1 В группу Пало-Альто входили, во-первых, те исследователи, которые работали в проекте Бейтсона «Значение парадоксов абстракции в коммуникации» на базе ветеранского госпиталя в Менло-парке. Среди сотрудников этого проекта были соавторы Бейтсона по основополагающей статье «К теории шизофрении» [Bateson, Jackson, Haley, Weakland 1956] и заодно будущие основатели новых форм семейной психотерапии Дональд Джексон, Джей Хейли и Джон Уиклэнд.

еще до того, как сложилась интеракционная парадигма изучения социального взаимодействия, истоки которой обнаруживаются в ранних попытках найти общую почву для эмпирических исследований при участии лингвистов, антропологов, социологов, психологов и психиатров, под влиянием идей из области кибернетики, семиотики и этнологии. Эмпирические методы в изучении невербальной коммуникации с необходимостью предполагали работу с визуальными материалами — фото- и киносъемкой. Заметим, что у культурной и социальной антропологии, несмотря на то что фото- и кинооборудование довольно давно и широко использовалось в полевой работе, отчасти и до сих пор непростые отношения с изображениями. Как отмечала Маргарет Мид в своем эссе об антропологии как преимущественно словесной дисциплине [Mead 1995], парадоксальным образом в фотографии слишком много информации, которая нуждается в экспликации. Тем не менее использование кино- и фотосъемки как часть наблюдения позволяет открыть для антропологии новую область исследования — коммуникативное взаимодействие — и обосновать такие выводы о, например, Балийском характере [Bateson, Mead 1942], к которым иначе невозможно было бы прийти.

90

Ниже мы остановимся преимущественно на проекте «Естественная история одного интервью» и представлениях о коммуникации, которые в этот проект привнес Г. Бейтсон, а в качестве контекста укажем на некоторые особенности того, что из себя представляла семиотика невербальной коммуникации в 1960–1970-е годы в США. «Естественная история одного интервью» занимает выдающееся место в истории науки, а вопросы, о которых этот проект заставляет задуматься, остаются актуальными и сегодня, в том числе для понимания идей конверсационного и мультимодального анализа.

Психиатрия, кибернетика, антропология

Определяющее влияние на идеи о коммуникации участников группы Пало-Альто оказали кибернетика, общая теория систем и теория логических типов¹. Материалом для исследователей служили взаимодействия в семье, а они отличаются от взаимодействий в других малых группах. Именно отталкиваясь от внутрисемейной коммуникации был сформулирован тезис, согласно которому, находясь в одном пространстве, участники вступают в коммуникацию

1 См. краткое изложение основных идей «интеракционного» взгляда в статье Wilder 1979, более подробно в книгах Бейтсон 2000 (1972) и Вацлавик, Бивин, Джексон 2000 (1967).

независимо от того, производят ли они какие-то специальные действия, — соответственно, не коммуницировать невозможно, а молчание (и, шире, отсутствие сигналов) оказывается частью взаимодействия.

Участники коммуникации в перспективе этого подхода — это не некие заранее заданные до события коммуникации субъекты со своими свойствами и скрытыми в голове побуждениями, сформированными травмирующими событиями их далекого прошлого, которых они сами не осознают (как это диктовал бы психоаналитический взгляд); скорее, участники в тех или иных ролях возникают как производные от разыгрываемых ими паттернов коммуникации. Исследователи прежде всего обращают внимание на взаимодействия и ведут себя как бихевиористы, не пытаясь ссылаться на то, что там у участников в голове. Отсюда возникает представление о том, что независимо от причин сложившихся отношений, которые выражаются в повторяющихся формах наблюдаемой коммуникации, можно воздействовать на эти коммуникативные рутины в ходе процесса терапии, посредством манипуляции рамками, управляющими пониманием сообщений.

Это возможно потому, что взаимодействия не только передают некое содержание, но одновременно на другом уровне они выражают отношение между участниками — посредством сообщений, которые указывают, как следует интерпретировать содержание. Эти сообщения метауровня выражаются не столько словами, сколько невербальными средствами «языка тела» и несловесными параметрами вокализации — средствами «аналоговой коммуникации», которые передают социальные и аффективные значения. Вацлавик и коллеги противопоставляют телесные средства словесным как опирающимся на единицы с точным абстрагирующим значением («цифровая коммуникация») [Watzlawick, Beavin, Jackson 1967: 61-66]. Соотношение между уровнями универсально для коммуникации, его можно наблюдать и у животных (ср. укус и сообщение метауровня «это игра»), но у человека наряду с телесными несловесными средствами выражения имеется словесная речь.

Сообщение и сообщение о сообщении могут быть так связаны друг с другом, что они образуют неразрешимый парадокс вроде «Я хочу, чтобы ты говорил мне, что ты меня любишь, и делал это потому, что сам ты этого хочешь, а не потому, что я тебя прошу об этом» [Wilder 1979: 175]. В определенных обстоятельствах такая ситуация может приводить к своеобразной коммуникативной ловушке, определяемой Бейтсоном как двойное связывание [Bateson, Jackson, Haley, Weakland 1956; Bateson 1972: 153-203]. Систематически воспроизводимые формы патологической коммуникации способствуют проявлению шизофрении, а шизофрения обуславливает

сложности, которые человек испытывает с оперированием посланиями метауровня.

Внимание Бейтсона к паттернам коммуникации проявилось в его полевой работе в Новой Гвинее и на Бали совместно с Маргарет Мид, результаты которой опубликованы в его монографии «Навен» [Bateson 1958 (1936)] и в фотографическом анализе Балийского характера [Mead, Bateson 1942]. И еще до проекта в Менло-парке Бейтсон выступил соавтором книги «Коммуникация: социальная матрица психиатрии» [Ruesch, Bateson 1951].

Интеракционный подход к коммуникации возникает под влиянием кибернетики — в частности, в связи с опорой на понятие обратной связи в саморегулирующихся системах.

Популяризации идей кибернетики способствовали семинары, организованные фондом Мэйси, которые начиная с 1942 года были важнейшей междисциплинарной площадкой и в которых принимали участие Грегори Бейтсон, Клод Шеннон, Норберт Винер, Джон фон Нейман, Маргарет Мид, Курт Левин, Милтон Эриксон. В другом цикле конференций, который был посвящен групповым процессам, наряду с Бейтсоном участвовали Рэй Бедвистел, психолог Эрик Эриксон, социолог Ирвин Гофман, этологи Конрад Лоренц и Нико Тинберген, а также психиатр Фрида Фромм-Рейхман.

Фромм-Рейхман в 1955 году организовала в Центре наук о поведении (Center for Advanced Study in the Behavioral Sciences) в Пало-Альто междисциплинарную группу, которая работала над проектом, получившим название «Естественная история одного интервью» (далее — ЕИИ). В эту группу вошли еще один психиатр Генри Брозин, антрополог по образованию и основатель кинесики — семиотической дисциплины, посвященной знаковому потенциалу движений человеческого тела — Рэй Бедвистел, антрополог Грегори Бейтсон и лингвист Норман Макоун. Фрида Фромм-Рейхман работала над методикой психоаналитического лечения шизофреников, это она ввела в употребление термин «шизофреногенная мать» [Fromm-Reichmann 1948].

Антропология в лице Грегори Бейтсона и Эдварда Холла является, очевидно, одним из дисциплинарных полей, где уже оформился интерес к сфере невербальной коммуникации и, шире, социально-го взаимодействия. Для ранних опытов мультимодального микроанализа коммуникативного поведения антропология оказывается среди источников вдохновения наряду с лингвистикой, социолингвистикой и науками о поведении, представленными психиатрией и этологией (наукой о поведении животных).

Эдвард Холл участвовал в работе созданного в 1946 году в системе Государственного департамента США Института зарубежной службы (Foreign Service Institute), предназначенного для повыше-

ния квалификации служащих, работающих в других странах¹. В этом институте нашлось место для антропологов и лингвистов, потому что предполагалось, что студенты освоят не только язык, но и культурно-специфичные формы коммуникации в самом широком смысле. Ранние теоретические построения Холла о культуре и коммуникации местами прямо соотносят устройство культуры и языка [Hall, Trager 1953: 49]. В своих обобщающих публикациях, рассчитанных на широкую публику [Hall 1959, 1966, 1976, 1983], Холл в доступной форме излагает основы кибернетически-коммуникативного подхода к культуре и обращается к темам, которые имеют прямое отношение к проблемам межкультурной коммуникации, как теоретическим, так и вполне практическим. Это идеи проксемики [Hall 1966] и хронемии [Hall 1959, 1983], а также представления о различии ситуаций по степени эксплицитности смысла (высококонтекстуализованные и низкоконтекстуализованные режимы взаимодействия, к которым в определенных сферах тяготеют те или иные общества [Hall 1976]). По сути дела, в пределах коммуникативного подхода к культуре и социальному взаимодействию Холл воплощает своими трудами исследование широко понимаемых невербальных средств коммуникации.

93

Семиотика и кинесика

Семиотика как дисциплина о знаках и знаковых взаимодействиях в середине XX века преимущественно сосредотачивала внимание на системах знаков, на «языках», и потому сегодня видится соседней ветвью на эволюционном древе науки по отношению к конверс-анализу с его радикально прагматическим подходом, в фокусе которого — использование языка и других ресурсов в некоторых конкретных обстоятельствах. Эти две ветви некоторое время мирно уживались под одной обложкой.

К предыстории же мультимодального анализа относится семиотика невербальной коммуникации. Кинесика, исследование жестов, жестовых систем и языков, паралингвистика — все это было частью мейнстрима семиотических конференций 1960–1970-х гг. и публиковалось в журнале *Semiotica* под редакцией Томаса Себеока. Этот журнал на протяжении многих лет являлся инструментом междисциплинарного взаимодействия, воплощая собой период

1 В Институте зарубежной службы сотрудничали ключевые участники проекта ЕИИ — Рэй Бедвистел, Чарльз Хоккет и Норман Макоун; Фрида Фромм-Рейхман тоже была опосредованно связана в Институте [Leeds-Hurwitz 1990].

бурного развития семиотики как языка описания. Несколько важных текстов по конверс-анализу опубликованы именно здесь, в том числе знаменитая статья Щеглоффа и Сакса “Opening up Closings” [Schegloff, Sacks 1972].

В первом выпуске журнала *Semiotica* (1969) была опубликована основополагающая для области невербальной семиотики статья Пола Экмана и Уоллеса Фризена, предложившая трактовку явлений из широкой области невербальной коммуникации (далее — НВК) в кибернетически-коммуникативной перспективе, в частности, в терминах кодирования и декодирования. Эта статья подвела итог целого этапа исследований: в ней использованы результаты проекта о кросс-культурном изучении выражений лица и проекта, послужившего основой книги Экмана про ложь [Ekman 1985] и других публикаций, касающихся невербальных сигналов, позволяющих заподозрить лжеца. Статья послужила важной ступенькой для будущих работ с невербальной коммуникацией в психологической, этологической и когнитивной перспективе. Набор сюжетов, к которым эта статья обращается, а также предлагаемые методы иллюстрируют и семиотически-коммуникативный подход к НВК, и направления, в которых многие исследователи двигались в дальнейшем. Предложенная классификация движений¹, а также типов кодирования действий, попадающих в число потенциально коммуникативных, опираются на функциональные и семантические критерии.

Стоит заметить, что само по себе выделение некоей научной области — например, «невербальной коммуникации» — посредством конференций и публикаций, а также институционализации в создании лабораторий, институтов и специализированных журналов отражает специфическое понимание реальности и соответствующую классификацию явлений и представляет собой исторически и культурно-конкретное явление. Сегодня трудно себе представить конференцию по НВК с представительным составом участников: слишком широк возможный спектр вопросов и слишком в разных областях работают специалисты, которых интересуют отдельные прикладные аспекты — от дизайна интерфейсов до истории кино; сегодня они не испытывают нужды в общем языке. А вот на конференции 1962 года в Блумингтоне [Sebeok, Hayes, Bateson 1964] паралингвистика и кинесика обсуждались мощной междисциплинарной компанией, где участники представляли такие области, как

1 В нее вошли не только жесты и жестикуляция, но и действия с предметами и собственным телом, которые не носят коммуникативного характера, т.н. адапторы. См. уточненную версию классификации невербальных проявлений, сопровождающих разговор, в статье [Ekman 1999].

антропология, психиатрия, лингвистика, психология и преподавание языка¹.

Семиотика в целом представляет собой исключительно разнородное сочетание исследовательских интересов, связанных между собой лишь опосредованно через попытку использовать общий набор категорий для описания. Семиотика НБК тоже обращается к весьма обширному конгломерату явлений с нечеткими границами. Для того чтобы сложить их в одну корзину в рамках коммуникативного взгляда на культуру и поведение, нужно усилие теоретического воображения. Скажем, основанная на эмпирических данных статья о том, как не сталкиваются и расходятся между собой пешеходы [Collett, Marsh 1974], — тоже, вообще говоря, про невербальную коммуникацию, потому что даже идущие встречными курсами прохожие обходятся без слов, но как бы они без коммуникации согласовали свои действия?²

При этом семиотика в принципе стремилась к созданию всеобъемлющих теорий, и заголовки типа “A unified theory of...” (вместо многоточия можно подставить искусство, коммуникацию, язык и поведение, жизнь) никого не удивляли вплоть до последних десятилетий XX века. Концепция, где в семиотической плоскости рассматривалась бы коммуникация у человека и у животных, представлялась довольно обычным уровнем общности, но ведь и кибернетика предлагала функциональные модели, которые описывали и организм, и природные системы, и общество, показывая, что закономерности, которые выведены для саморегулирующейся физиологической системы, отражают важные свойства и социальных, и технических, и экономических систем, и что эти свойства можно выразить математически.

Теории дедуктивного характера могли строиться на применении и развитии идей классиков, потому что идеи основоположников семиотики Чарльза Пирса и Фердинанда де Соссюра обладали, казалось, неисчерпаемым эвристическим потенциалом и позволяли формулировать новые методы анализа. Такова, например, книга, которую лингвист Кеннет Пайк выпустил задолго до институционализации семиотики в 1949 году: *Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior* [Pike 1949]. Она повлияла

1 Ср. едкую рецензию Дж. Трейгера в антропологическом журнале на транскрипт этой конференции [Trager 1966]: записать и издать разговоры умных людей на слишком расплывчатую тему, хотя бы эти разговоры и не вели к приращению знания, — бесприкрытый метод получить «научную» публикацию.

2 Статья была включена Адамом Кендоном в сборник статей по НБК, опубликованных в журнале *Semiotica* [Kendon 1981].

на многие поколения исследователей далеко за пределами собственно лингвистики, в том числе и на подходы антропологов и, в частности, на подходы Рэя Бедвистела и его лингвистов-коллег по проекту ЕИИ.

Вообще же, одно из практических определений того, что такое семиотика, состоит в том, что семиотика — это применение лингвистических методов описания и анализа к нелингвистическим объектам. Хотя это определение и оставляет за рамками довольно большие области того, что обычно считается семиотикой, оно позволяет охватить по крайней мере одну из существенных особенностей значительной части поля семиотических исследований.

Другая часть наследует линии, которая уделяет основное внимание классификации знаковых явлений. Чарльз Пирс в своих построениях, в сущности, пытался охватить все процессы в мире, которые хоть в какой-то мере предполагают опосредование, интерпретацию и избирательный ответ. Значительная часть публикаций в *Semiotica* интересующего нас периода включает в себя попытки классификации и типологии явлений (где и жестам порой находится свое место); рядом с ними — конкретные исследования, скажем, жестов в классическом индийском танце, эссе в гофмановском духе о значении жеста прикосновения рукой к шляпе в межличностной коммуникации, эссе о рукопожатии и статья о жесте показывания языка у человека и у других приматов [Ikegami 1971; MacCannell 1973; Schiffrin 1974; Smith, Chase, Liebllich 1974].

Приматы тут появляются не случайно, как и в целом коммуникация у животных: Томас Себеок ввел в употребление термин «зоо-семиотика» для обозначения коммуникации в животном мире, и работы этологов оказались продуктивным источником для семиотических построений. Дело в том, что вопросы происхождения коммуникативных средств в эволюции (филогенезе) и в онтогенезе и обсуждение в этом свете механизмов ритуализации явилось одним из важных элементов околосемиотического интеллектуального ландшафта 1960-х (ср. организованная Джулианом Хаксли конференция по ритуализации, собравшая наряду с этологами психологов и антропологов [Nuxley 1966]).

Антрополог Рэй Бедвистел использовал лингвистические понятия для описания положений тела и телесных движений, и выделенное им в качестве отдельной области изучение коммуникативного потенциала тела и телесного движения у человека в первой половине 1960-х оказалось предметом научной моды и грантового финансирования и рассматривалось как семиотическая субдисциплина (см. о кинесике и ее контексте [David 2001]). Из антропологических и социологических интересов органично вытекала задача определения кинесических репертуаров, характерных для разных

групп, подобных в каком-то отношении диалектам языка. Публикации Бедвистела богаты меткими наблюдениями в этой области, а в разговоре о теоретических аспектах кинесики он часто упоминает о контексте, разных культурных и холистических аспектах функционирования телесного движения в коммуникации. Но теории как таковой у него нет, а как только дело доходит до анализа материала, оказывается, что мы видим прежде всего доскональное описание формы наблюдаемого поведения при помощи транскрипции, прочитать которую могут только убежденные фанатики этой дисциплины, прошедшие курс специального обучения. Современного читателя может удивить тот факт, что в рамках ЕИИ Бедвистел использует в своей системе транскрипции телесных состояний и действий буквы и символы, но не делает прорисовок¹.

В первой методически ориентированной брошюре по кинесике [Birdwhistell 1952] для затранскрибированных фрагментов даны словесные описания, которые куда нагляднее, чем собственно транскрипция, и смысл описания достаточен для понимания. Но что делать с затранскрибированным материалом дальше, в этом руководстве не написано, и примеров анализа там нет, если не считать анализом самые интересные во всей книге три странички (69-71) с описанием разных манер походки — без какой-либо опоры на транскрипцию. Здесь кратко и в духе Дэвида Эфрона [Efron 1972 (1941)]² показано, каковы различия между походками, которые иногда можно приписать определенным группам, и такого рода наблюдения и выводы оказываются органичным результатом кинесического подхода и представляют интерес для антрополога. Когда Бедвистел преподавал в Торонто, он впечатлял студентов, в том числе Ирвина Гофмана, тем, как он имитировал разные манеры поход-

97

- 1 Не только в ЕИИ. В руководстве по кинесике [Birdwhistell 1952] их нет вовсе, а во всем сборнике «Кинесика и контекст» [Birdwhistell 1990 (1969)] прорисовки используются только в одной заметке, о которой ниже пойдет речь — там представлен анализ эпизода с подгузником.
- 2 Дэвид Эфрон — автор пионерской работы, где он на основании наблюдения, зарисовок с натуры и анализа специально отснятых киноматериалов (всего на них зафиксирована жестикуляция 750 человек), пользуясь покадровым просмотром и прорисовками на миллиметровке, сравнивает жестикуляцию нью-йоркских евреев и нью-йоркских итальянцев. В книге Эфрона предложена классификация жестов и явлений жестикуляции, которая задала целый ряд основных различий и терминов, которые используются и сегодня, — в частности, подразделение жестов на те, что сопровождают высказывание, и те, которые могут иметь независимое от речи значение, с более подробной классификацией внутри этих разрядов [Efron 1972 (1941): 94-99]. Как отдельный аспект описания Эфрон выделяет жестовое взаимодействие между участниками разговора.

ки и держания сигареты, присущие разным социальным группам, что открывало возможность анализировать эти телесные практики как разновидность социального ритуала [Winkin 1988: 232 — цит. по Kendon, Sigman 1996: 235-236]. Однако из досконально затранскрибированного материала в немногочисленных публикациях Бедвистела смысл анализа сам по себе не возникает, а те довольно скромные наблюдения, которые там формулируются в качестве выводов, не вытекают собственно из материала и его транскрибирования как формы анализа.

Опубликованная в «Кинесике и контексте» заметка с микроанализом двухсекундного эпизода [Birdwhistell 1970: 10-23] содержит изложение доклада 1959 года, где Бедвистел опирается на материалы съемок взаимодействия с участием матери троих детей, семья которой была взята в качестве примера проблемной и потенциально «шизофреногенной». Бедвистел рассматривает взаимодействие матери и младенца в ходе переодевания подгузника, обращая внимание на то, как мать сначала подталкивает руку младенца в одну сторону, от тела, а потом удерживает ее и прижимает. Бедвистел истолковывает это как неоднозначное сообщение — одновременно как команду не опускать руку вниз и как запрет отодвигать ее вверх; такая противоречивая инструкция видится ему как «двойное связывание» по Бейтсону.

98

Это рассуждение вроде бы лежит вполне в русле объяснений Бейтсона и Мид, которые они предлагают для своих балийских материалов. В фильме “Childhood Rivalry in Bali and New Guinea” (1953), выпущенном Маргарет Мид, есть несколько эпизодов, где мать намеренно вызывает гнев ребенка, не обращает внимания на вспышки его гнева, провоцирует ревность, взяв на руки младенца другой женщины, а потом в воспитательных целях передает этого чужого младенца поддержать своему ревнивому ребенку. Речь идет о том, как во взаимодействии матери и ребенка формируется характерный для балийцев контроль за выражением эмоций: заходится ли ребенок в ярости или бросается к матери на шею с объятиями, он получит в ответ ровное, внешне безразличное отношение.

Отдаленное сходство с анализом Бедвистела имеется, но для нас важнее отличие: у Мид в фильме, как любой зритель может убедиться, ревнивый ребенок плачет и явно выражает свой гнев. У Бедвистела не только мать не манипулирует рукой младенца намеренно (возможно, как Бедвистел замечает, она пытается оградить его от укола булавкой, которой закрепляет подгузник), но и ребенок ничего не выражает — а если и выражает, то мы об этом ничего не знаем. Мы не можем сказать даже, заметил ли вообще младенец эти действия матери со своей рукой: противоречивые послания, которые интерпретируются как «двойное связывание», целиком

и полностью вчитываются в ситуацию Бедвистелом, и его интерпретацию невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть.

Возможность покадрового просмотра в принципе создает соблазн увидеть больше содержания, чем есть в материале. Сет Уоттер в своем эссе про интеллектуальную историю использования киносъемки в микроанализе поведения называет это соблазном «герменевтической гипертрофии»: микроанализ как герменевтическая процедура отталкивается от представления о том, что у телесных движений в поле межличностного общения имеется значение, а гипертрофия оказывается результатом применения кино как технологии, которая позволяет ставить на паузу и многократно прокручивать на разной скорости. Посредством таких манипуляций из материала выуживаются данные, но это незаметно сливается с созданием новых форм, которых не было в реальности, изначально зафиксированной на пленке [Watter 2017: 38].

Естественная история одного интервью

Подробности о проекте «Естественная история одного интервью», его истории, интеллектуальном контексте и эпистемологической позиции см. в публикациях [Leeds-Hurwitz 1987; Leeds-Hurwitz, Kendon 2021; Engelke 2021; Watter 2017]). Само название, как указывает Бейтсон, связано с подходом, в соответствии с которым сбор материала в минимальной степени направлялся теорией. Подход этот опирается на наблюдение в естественных условиях — в противоположность лабораторному эксперименту [McQuown 1971: Bateson, 6]. Интервью — это разговор Бейтсона с молодой женщиной по имени Дорис в присутствии ее четырехлетнего ребенка, заснятое на пленку в рамках другого проекта, где интерес исследователей был сосредоточен на сбоях в коммуникации родителей и детей в таких семьях, где это осознавалось как проблема психиатрического характера. Дорис и ее муж согласились участвовать в съемках, потому что Дорис посетила лекцию Бейтсона с демонстрацией киноматериалов о коммуникации в семьях, при этом интерес Бейтсона был вызван тем, что семья испытывала коммуникативные сложности и была вынуждена обратиться за психиатрической помощью.

Изначально цель инициатора проекта Фриды Фромм-Рейхман состояла в том, чтобы формы поведения и коммуникации психиатрических пациентов соотнести с диагнозами и клинической картиной, и чтобы, опираясь на съемки, формализовать то, что психиатры чувствуют интуитивно. Поскольку Бейтсона интересовали не столько индивиды, сколько паттерны коммуникации, и патологию он видел во взаимодействиях между людьми, от участников

по отдельности вроде бы должны были перейти к рассмотрению форм их взаимодействия.

Существует итоговая публикация о проекте, которая представляет собой руководство по проведению исследований и примеры анализа, а не в обычном смысле отчет по проекту. Она была подготовлена к изданию в 1968 году, но оказалась слишком велика для бумажной публикации и была выпущена лишь на микрофильмах [McQuown 1971] и сегодня доступна в виде pdf-файла объемом в 982 страницы. Есть и отдельные публикации по материалам этого проекта и других аналогичных, касающиеся прежде всего методики исследования. Основное место в трудах проекта, как и во многих других публикациях по кинесике, уделяется методике, ее основаниям, системе транскрипции, тогда как собственно анализу — не первичному анализу в форме транскрибирования, а тому, что связывает паттерны, найденные в материале, с полученными выводами — отведено совсем немного текста.

Паралингвистика в анализе коммуникации

100

Один из ключевых участников проекта и редактор финального документа лингвист Норман Макоун выпустил в журнале *Psychiatry* небольшую статью, оперативно донесшую до профессионального психиатрического сообщества иллюстрацию метода работы, использовавшегося в ЕИИ [McQuown 1957]. Статья обращается к анализу одного психотерапевтического интервью в перспективе паралингвистики¹.

Иллюстрация 1 [McQuown 1957: 82] содержит примеры паралингвистических явлений, взятых из транскрипции, которые должны проиллюстрировать характеристики психоаналитика и пациента. Про психоаналитика результат выглядит следующим образом [Ibid, 81]:

«Аналитик на фоне особенностей, появляющихся при нормальном социальном общении (1)², в разговоре сдержан, даже формален, точен в своей речи, мягок (2), утвердителен в высказываниях (3, 4), и в целом разговаривает естественно, без признаков смущения (unself-conscious). На терапевтическом сеансе он заставляет себя

1 Джордж Трейгер [Trager 1958: 1961] ввел в оборот как отдельную область исследования изучение «параязыка», того нелингвистического ореола высказываний, который влияет на их значение в речи (отсюда и термин «паралингвистика», то есть описание значимых аспектов вокализации, не носящих языкового характера).

2 Для того чтобы сформулировать специфику наблюдаемого явления, наблюдения нужно с чем-то сравнивать, определить точку отсчета, норму.

выглядеть бодрым (5) и сочувствующим (6, 7, 8), и даже имеет тенденцию приглушать (9, 10, 11, 12) свою обычную уверенную утвердительную манеру (13), чтобы пациент чувствовал себя комфортнее. Его самоограничение в общении доходит до игривой (14) дружелюбности (15). Его собственное нетерпение лишь изредка (16) дает о себе знать. Его трубка и связанные с ней оральные продукты (17) являются чрезвычайно эффективным средством для сдерживания других форм его орального поведения».

(1) "With" pronounced with <i>th</i> as in <i>thy</i> rather than <i>th</i> as in <i>thigh</i> [unself-consciousness and superior status] 1 item	$/w.i.ð/$
(2) A vocal gesture [relaxed and permissive] 1 item	HESITATION
(3) Statement intonation [warm] 2 items	3 1
(4) A vocal gesture [affirmative] 1 item	THROAT CLEARING
(5) "Horrendous," pronounced with <i>j</i> [hearty] 15 items	$/h.ɔ̣.r.é.n.j.ʔ.s/$
(6) Mid-level intonation with nonfinal intonational juncture [comforting] 1 item	2 ↑
(7) High-level intonation with nonfinal intonational juncture [cheery] 1 item	3 →
(8) Rasp [sympathetic] 1 item	ʔ.....ʔ
(9) "O.K." with a final diphthong whose second element is <i>ee-ish</i> in quality rather than <i>ay-ish</i> [soothing] 5 items	$\left[\begin{array}{c} \text{I} \\ \bullet \text{O} \bullet \text{k} \text{e} \text{:} \\ \text{h} \end{array} \right]$
(10) Mid-level intonation sequence with nonfinal intonational juncture [not strongly affirmative] 3 items	2 2 →
(11) The vowel of <i>haw</i> rather than <i>hah</i> in the final syllable of "ah-hanh" [deprecatory] 2 items	$\left[\begin{array}{c} \text{I} \\ \text{a}^+ \bullet \text{ə} \text{v} \text{v} \bullet \\ \text{h} \end{array} \right]$
(12) Choice of word "forcefulness" rather than "effectiveness," which is required by the context [considerate] 1 item	

101

Илл. 1. Пример описания материала в работе [McQuown 1957].

Fig. 1. An example of a description of the material in [McQuown 1957].

Оставим на совести психоаналитиков их оральное поведение, даже если в этом случае трубка — это, как видится психоаналити-

чески-ориентированному исследователю, не трубка, или не только трубка. Глядя из сегодняшнего дня, нельзя не поймать себя на мысли о том, что подобные интерпретации грозят скомпрометировать все остальные выводы. Безусловным достижением здесь является выделение конкретных показателей в анализируемом материале, за которые зацеплены интерпретации. Откуда эти интерпретации взяты? При многократном просмотре и транскрибировании¹ исследователи смогли составить свое представление о профилях участников и выявить показатели, которые сформировали у них такое впечатление. Ни один из показателей сам по себе, вне контекста этого интервью и сформулированной в качестве фона нормы этого конкретного говорящего, не работал бы: скажем, если человек крикает, чтобы прочистить горло (пункт 4 в приведенном примере), это само по себе не свидетельствует о том, что у него — уверенная, утвердительная манера говорения. Но мы видим, что в рамках интервью «обычные» характеристики речи человека претерпевают подстройку под конкретный жанр и его задачи, и в этом свете можно попытаться приписать значение наблюдаемым подробностям. То есть исследователь как бы уже знает или интуитивно чувствует какие-то черты испытуемых и задается вопросом о том, что в затранскрибированном материале эти черты выражает.

Выводы относительно профилей участников, как их увидел исследователь, таковы, что не вполне понятно, стоило ли тратить столько квалифицированного труда, чтобы их сделать, — если в качестве выводов рассматривать характеристики говорящих. Если же мы рассматриваем в качестве результата связь этих конкретных показателей с этими конкретными — локальными, привязанными к контексту взаимодействия — характеристиками участников, выводы выглядят чуть менее тривиальными, но не содержат чего-либо контринтуитивного и ничего не сообщают о том, на каком основании проведена эта связь.

Обратимся к собственным материалам проекта ЕИИ. Редактировавший их лингвист Норман Макоун формулировал проблемы, связанные с паралингвистическим компонентом исследования. В задачу лингвистов (Ч. Хокета, Макоуна и Дж. Трейгера) входило применительно к каждому говорящему показать такие характеристики голоса и говорения, которые отличаются от того, что ожидается от человека такого возраста, такой социальной группы, такого состояния здоровья и т. п. Человек начал говорить и задал некую установку ожиданий относительно своего голоса и говорения в ка-

1 На 30 минут фильма ушло 160 часов работы, притом что не все интервью затранскрибировано, и это еще весьма продуктивно в сравнении с ЕИИ.

честве фона, но вот он вдруг в своем поведении совершает в сфере параязыка что-то, что на фоне предыдущего становится заметно и считается как признак чего-то значимого.

Неизбежно возникает уже упомянутый вопрос о том, как описывать норму. Это не стало бы проблемой, если бы были, например, описаны и на уровне отдельных подробностей, и как целостные системы разные географические и социальные диалекты английского. Однако, как отмечает Макоун во Введении, такого описания тогда не существовало, поэтому непонятно, к чему отнести те или иные особенности: этот человек вообще *так* говорит или он только в данном случае так говорит? [McQuown 1971: 3-4].

Этот вопрос, очевидно, касается не только паралингвистики, но и кинесики: без точки отсчета интерпретация оказывается проблематичной, если только нет условного словаря поз или жестов, соотносящего их с разными, например, психиатрическими диагнозами, или универсальной трактовки состояний лица как выражения эмоций (в духе построений Пола Экмана). Да и если бы такой условный словарь существовал, он не сильно помог бы анализу в конкретном кейсе, где речь идет о ситуативных контекстуальных значениях, а не вообще о семантике единиц в некоторой гипотетической системе. Значение слова «дурак» в словаре никак не объясняет того факта, что в некоторых конкретных обстоятельствах это слово может использоваться для признания в любви.

103

Впрочем, описание диалектов по отношению не только к языку, но и к параязыку, и к «диалектам» языка тела виделось участникам проекта реализуемой задачей будущего.

Грегори Бейтсон о коммуникации

Первая глава итогового документа представляет собой текст Бейтсона о коммуникации. Бейтсон отмечает, что среди теоретических истоков его подхода — представления о бессознательном, истолкованные кибернетически: поскольку динамическая система с иерархией уровней не может держать все в фокусе контроля, значительная часть того, что играет роль в коммуникации, носит неосознанный характер, то есть не отправляется намеренно и не воспринимается осознанно. При этом некоторая часть этой неосознанной порции элементов коммуникации не осознается из-за того, что подавляется во фрейдовском смысле. Соответственно, потенциально любая подробность внешних проявлений может оказаться значимой и может отсылать к этой подавленной части [(McQuown 1971: Bateson 8-9)], а тип интерпретаций, которые Бейтсон здесь упоминает в качестве примера, лежит в русле фрейдовской концепции («если неосознанно теребит платье, то это указы-

вает на сексуальный интерес или на его пуританское подавление»). Впрочем, Бейтсона интересует другое.

В исследовании ЕИИ речь идет о разговоре, в котором принимает участие женщина, обратившаяся за помощью к психиатру, потому что самостоятельно они с мужем не справляются с ребенком и с коммуникацией внутри семьи. Иными словами, у Бейтсона заранее имелось представление о том, что у этих людей в семье паттерны коммуникации носят патологический характер, что может как-то отражаться и в разговоре с Бейтсоном. Бейтсон вообще стремится увидеть не подробности поведения индивида, а такие паттерны коммуникации, которые нельзя проследить в пределах рассмотрения действий лишь одного участника диалога.

Бессознательные коммуникативные процессы включают в себя проекцию (когда один участник ожидает от другого таких действий, которые он сам совершил бы на его месте) и подстройку коммуникативных действий одним участником под действия другого, точнее, под то, как он понимает, как закодированы коммуникативные сигналы другого [McQuown 1971: Bateson 11; подробные рассуждения о кодировании информации в поведении см.: Ruesch, Bateson 1951: гл. 7]. Как отмечалось, при этом существенны не только эксплицитные сигналы, но и остающееся на фоне отсутствие определенных возможных сигналов — молчание может быть значимо не в меньшей степени, чем сказанные слова. Также возникает вопрос о членении потока события на действия («пунктуация»): на разных уровнях осознания и разными участниками один и тот же поток может члениться по-разному [Ibid.: 14] — речь идет о том, что некое действие может истолковываться как ответ на предыдущее действие партнера (вроде «ты меня обидел, и я так реагирую»), а может читаться как независимое от предыдущей цепочки действие («он мне нахамил ни с того ни с сего»). Этот тезис имеет большое значение для анализа внутрисемейной коммуникации и для семейной терапии.

Иллюстрируя взаимодействие, Бейтсон приводит любопытный пример: пациент-шизофреник рассказывает фантастическую историю, представляя ее как констатацию факта. Но будет ли эта история констатацией факта, зависит от ответа собеседника. Скажем, если собеседник начинает говорить, что это чепуха, потому что этого не может быть, то это значит, что повествование было воспринято буквально — и поэтому его можно рассматривать на предмет соответствия или несоответствия реальности, не ставя под вопрос буквальный характер высказывания.

И тут Бейтсон формулирует в дистиллированном виде основополагающее соображение, которое стоит за всей интеракционной парадигмой анализа коммуникации, и тем самым делает шаг впе-

ред не только по отношению к модели передачи кодированного сообщения, но и к прагматической модели выведения коммуникативных намерений¹: «Ответ, который мы получаем, сообщает нам о состоянии слушателя после получения нашего сигнала. Может оказаться, что он неправильно понял наше сообщение — в большей или меньшей степени. Но того состояния нашего взаимодействия, которое имело место в момент, когда мы отправляли это сообщение, уже больше не существует», то есть нельзя просто повторить сообщение — это будет уже другое сообщение. «Теперь мы уже коммуницируем с человеком, отношение которого к нам отличается от того, что было секунду назад. Теперь мы должны говорить в рамках этого нового установившегося отношения» [Ibid.: 21].

Самым интересным процессом здесь оказывается установление локальных конвенций взаимопонимания: любой ответ на рассказанную пациентом фантастическую историю предлагает некое имплицитное утверждение относительно того, чем эта история является. Если собеседник обращается с вопросом относительно одной из подробностей этой истории, то это означает, что он принял ее в целом в качестве основания для дальнейших сообщений². Эти соглашения относительно оснований интерпретации чаще всего не вербализованы и не вполне осознаваемы, и могут проявляться в паралингвистических и иных невербальных подробностях [Ibid.: 22]. Поэтому их можно попытаться увидеть посредством микроанализа взаимодействия.

105

Отметим, что теория уровней послания, где верхний метакоммуникативный фреймирует содержание нижнего, приводит Бейтсона к формулировке представления о «двойном связывании» как таком коммуникативном паттерне, который содержит противоречащие послания, которые в силу обстоятельств не могут быть истолкованы по отдельности; такие паттерны, по мысли Бейтсона, порождают патологические формы коммуникации, в конечном счете способствующие появлению шизофрении. Ближе к концу статьи «К теории шизофрении» [Bateson, Jackson, Haley, Weakland 1956] описывается, как психиатр Фрида Фромм-Рейхман намеренно использует такую семантическую ловушку для того, чтобы вступить в контакт с пациенткой-шизофреником, которая от контакта отказывается.

1 О моделях коммуникации, основывающихся на кодированной передаче сообщения и на выведении намерений говорящего, см., например: Sperber, Wilson 1995: Ch. 1.

2 Через несколько десятилетий Г. Кларк сформулирует представление о согласовании общего фона (grounding) и о «концептуальных пактах», следуя той же логике рассуждения [Clark, Brennan 1991, 1996].

В том случае, если между участниками коммуникации возникает рассогласование в представлениях о локальных имплицитных предпосылках интерпретации сообщений, коррекция таких расхождений требует обратиться к метауровню, то есть к коммуникации не о предмете разговора, а об этих предпосылках и правилах. Такая коммуникация имеет место постоянно (в частности, функция каждого следующего сообщения состоит в том, чтобы сигнализировать о понимании предыдущего), однако она неосознаваема так же, как мы не осознаем, в какой момент разговора мы кладем ногу на ногу, затягиваемся сигаретой, моргаем или поднимаем брови. Бейтсон предполагает, что эти неосознаваемые проявления могут отсылать к интерпретации сообщений, то есть быть проявлениями метакоммуникации, выстраивающей отношения между участниками и локальные состояния их коммуникации, а также свидетельствовать о том, как с учетом вклада партнера, словесного и несловесного, участник динамически меняет самоощущение и собственный транслируемый образ [Ibid.: 26].

106

Таким образом, Бейтсон стремится подойти к определению патологической коммуникации, отделяя это понятие от проявлений психопатологии и опираясь на изучение отношений между людьми и их ситуативного выстраивания, в частности, на основании микроанализа потока данных, составляющих коммуникацию.

Бейтсон имел богатый опыт работы с киносъемкой для анализа экспрессивного поведения и взаимодействия. Совместное с Маргарет Мид исследование Балийского характера целиком построено на фотографических материалах [Bateson, Mead 1942]. Один из сделанных им незадолго до проекта ЕИИ иллюстративных фильмов по материалам съемок в семьях называется «Коммуникация и взаимодействие в трех семьях»¹ (1951). В фильме Бейтсона, снятом двумя ручными камерами, детей купают, одевают, кормят, причем в отличие от более ранних съемок Бейтсона (например, Балийских) тут операторы показывают, как их герои реагируют на присутствие людей с камерой. Съемки производились без звука, мы видим только невербальную часть событий, а в закадровом комментарии звучат вопросы типа «что эта улыбка матери сообщает ребенку о взаимодействии, чему она его учит?», «когда мать вот так придерживает ребенка коленями, одевая его», «когда, причесывая ребенка, мать выдает ему еще одну расческу, что это сообщает о том, как устроена кооперация?». Идея Бейтсона в том, что формы коммуникации

1 Видео доступно по ссылке: https://archive.org/details/0904_Communication_and_Interaction_in_Three_Families_01_00_07_25

не только сообщают свое непосредственное сообщение, но имеют значение на разных уровнях — устанавливая и поддерживая отношения, а также задавая ожидания и обучая тому, как устроено общение. Местами фильм выглядит как скромная домашняя хроника. В отсутствие ответов на упомянутые вопросы — видимо, Бейтсон давал их на лекциях, где этот фильм демонстрировался, — становится не совсем понятно, ради чего мы должны это смотреть, если только не считать это произведением киноавангарда, в котором закадровый комментарий вроде «Миссис Хоффман готовит ребенка ко сну» сопровождает то, как на экране миссис Хоффман готовит ребенка ко сну, вполне в духе московского концептуализма Ильи Кабакова или Льва Рубинштейна. Впрочем, комментарий «Семья Питерс — англосаксонского происхождения» означает, что увиденное нами должно как-то характеризовать упомянутую группу и, возможно, отличать ее от других.

Интересно сравнить это с фильмами, созданными Маргарет Мид из их с Бейтсоном съемок, например, «Купание ребенка в трех обществах» (1951) или с фильмом про первые пять дней жизни новогвинейского ребенка¹. Там закадровый комментарий от Мид гораздо богаче и без него, особенно в фильме про первые пять дней, непонятно, что происходит на экране, но в комментарии есть и элементарные причинные объяснения, а иногда и объяснения, зачем они это делают именно так. Из чего мы делаем вывод, что у них так принято, не только у этого конкретного ребенка в семье, а вообще в племени ятмулов.

107

Анализ материалов в «Естественной истории одного интервью»

В проекте ЕИИ Бейтсон не участвует в микроанализе поведения. Кроме теоретического раздела о коммуникации (гл. 2) им написан небольшой раздел об участниках ситуации и обстоятельствах киносъемки, а транскрипции — фонетическая, паралингвистическая и кинесическая — написаны специалистами в соответствующих областях. Автором раздела о кинесике и кинесического анализа восемнадцатисекундного фрагмента того, что происходит на пленке, был Рэй Бедвистел. В качестве примера — иллюстрация 2, из раздела, где описывается адаптированная для машинописи транскрипция из разряда явлений микрокинесики (NHI 1971 Birdwhistell 3-26):

1 First Five Days in the Life of a New Guinea Baby (1951).

Kinesic Macro-recording Key (Cont'd)

<u>Mouth</u>	
Symbol	Interpretation
LL	Mouth
L/L	lips compressed
LoL	lips overlax
L-L	lips parted
-LL-	flat minimal smile
-L-L-	lip-parted smile
-tL-L-	smile, upper teeth showing
-L-Lt-	smile, lower teeth showing
LLL	open mouthed laugh
xLLx	mouth drawn down
pL	protruding upper lip
Lp	protruding lower lip
pLp	pursed lips
oL	sucked in upper lip
Lo	sucked in lower lip
(oLL:=) oLLo (?)	both lips sucked in
8LL	tongue protrudes right
LL8	tongue protrudes left
l8L	tongue protrudes anterior
8LL8	tongue licks lips
<u>Chin</u>	
U	chin
xUx	thrust forward
xU	chin thrust right
Ux	chin thrust left
-U-	chin tight
oUo	chin drop
<u>Neck</u>	
nk	neck
onko	neck overlax
-nk-	neck tense
nk&	swallowing
&nk	Adam's apple jerk

Илл. 2. Фрагмент списка транскрипционных обозначений.

Транскрипционные обозначения для описания положений рта, подбородка и шеи.

Fig. 2. Fragment of the list of transcription symbols. Transcription notations to describe the positions of the mouth, chin and neck.

К тому же фрагменту киносъемки, который подробно затранскрибирован в итоговом документе¹, Бедвистел потом обращается еще раз в более поздней публикации (1990 (1969): 226-227): Дорис и Грегори сидят на диване перед низким столиком, у каждого глиняная кружка домашнего пива. Дорис переводит взгляд с Грегори на свою кружку и потом на спички в руке у Грегори, при этом она левой рукой подносит ко рту сигарету и одновременно ставит свою

1 Материалы доступны в медиаархиве Чикагского университета (<https://dma.uchicago.edu/search?query=Gregory+Bateson>)

кружку на стол. Грегори продолжает начатое высказывание о ребенке: «Он очень разумный для четырех с половиной лет. Вот хотя бы этот рисунок, который он принес, это очень продвинуто для четырех с половиной лет». Произнося это, он отламывает спичку и чиркает ее, чтобы зажечь об упаковку, и правой рукой протягивает зажженную спичку Дорис, давая ей прикурить. Чтобы прикурить, Дорис согласовывает свои движения с Грегори, подстраиваясь под протянутую руку, и отвечает: «Я полагаю, что все матери думают, что их дети сообразительны, но я не испытываю беспокойства по поводу интеллектуальных способностей этого ребенка». В этом высказывании Дорис делает две едва заметные паузы между «интеллектуальными» и «способностями» и между «способностями» и «этого ребенка», и одновременно правой рукой подтягивает ремешок своей босоножки, после чего опускает руку на диван. Грегори подхватывает с нахлестом, начиная со «способностей»: «Нет, но этот — очень сообразительный», а его рука совершает в воздухе треугольное движение, чтобы погасить спичку, которую он затем опускает в пепельницу.

Бедвистел обращает внимание на танцеобразный, согласованный друг с другом характер движений участников: дать прикурить в этом отношении является примером взаимосогласованной деятельности, такой же, как танец вдвоем или занятия любовью, как об этом говорил Гофман, подчеркивая сфокусированность этого взаимодействия. Скрытую танцеобразную согласованность находит Бедвистел и в, казалось бы, не относящихся к общей задаче движениях участников (Грегори гасит спичку, Дорис кладет руку на диван), но это то небольшое, что может быть отнесено к собственно взаимодействию, а не к описанию особенностей поведения ко-го-то одного из участников.

Последний раздел документа (гл. 9) содержит соотнесение вместе разных аспектов анализа и попытку сделать выводы. Характерно, что он озаглавлен «Предварительный анализ избранных фрагментов интервью». Результат, который там представлен, получен на основании анализа более долгого эпизода, чем эта подробно затранскрибированная 18-секундная сцена. Результат сводится в отношении Дорис к тому, что она слишком ригидно держит тело: малоподвижна шея, и таз не поворачивается, но при этом она активно взмахивает руками. Ребенок иногда подбегает и что-то ей отдает, а она как бы воплощает своей неподвижностью самую недоступность. Непонятно, стоило ли это наблюдение таких усилий, тем более что все то же самое можно было сказать, по-видимому, и без тщательного транскрибирования. Заметим, что такая интерпретация оказывается возможна, только если учесть, что приписывание значений опирается на гораздо более широкий круг данных, чем собственно пред-

ставленные во фрагменте. Сет Уоттер указывает, что исследователи знали многое и о семье Дорис, и о том, как проходила ее психотерапия, видели другие съемки проблемных семей, а главное, отталкивались от теорий Фриды Фромм-Рейхман и Бейтсона относительно роли матери в появлении шизофрении у ребенка.

1 2 7 2 5

Илл. 3. Прорисовка одного из кадров. Дорис и Грегори. Из финального документа проекта ЕИИ 1971 года, кадр 12725.

Fig. 3. Drawing of one of the frames. Doris and Gregory. From the final document of the 1971 project, frame 12725.

Оператор Дэвид Майерс снимает сцену общения Грегори и Дорис как кинодокументалист-наблюдатель, фиксируя последовательности взаимодействия участников целиком — и целиком показывая их тела, но при этом он следит за тем, что происходит в кадре, переводит камеру на подбегающего ко взрослым ребенка (Ibid.: 113). То есть он сам создает селективный текст, который не отвечает воображаемым стандартам документа для микроисследования коммуникации и этим отличается от того, что сняла бы бездушная камера сама — например, камера наблюдения, фиксирующая все подряд.

В отличие от фильмов Бейтсона, функция съемок в проекте ЕИИ должна была быть иной: требовался не иллюстративный характер, а материал для тщательного анализа. Как проницательно замечает Хеннинг Энгельке, несмотря на то что микроанализ составлял суть

метода и подход «естественной истории» предполагал прочтение невербальных сигналов в их контексте, исследователи весьма избирательно относились к тому, что было представлено в съемках [Engelke 2021: 111].

Внимание и эмная перспектива

Неизбежно встает вопрос о зернистости описания, о необходимой и достаточной степени детализации, которая связана с решаемыми задачами. В случае транскрипции, разработанной Гейл Джефферсон и применяемой в работах по СА [Jefferson 2004], транскрипция отражает те характеристики говорения и речевого взаимодействия, которые однажды оказывались важными для анализа, несли смысл. Так, например, эллипсис и неполное произношение отражается, но транскрипция не спускается на уровень фонетики со всем богатством фонетических признаков — по той простой причине, что эти подробности не оказывались нужны в анализе взаимодействия в логике СА. Если кому-то требовалось добавить в транскрипцию отражение тех или иных паралингвистических или иных невербальных явлений, скажем, направления взгляда, то транскрипцию можно модифицировать, чтобы включить именно этот аспект взаимодействия, который отражает интерес исследователя. Это включение имеет место исходя из конкретной исследовательской необходимости.

111

Поскольку нельзя выразить все в фигуре, которая существует только на некотором фоне, часть разнообразия реальности всегда остается фоновой, ее невозможно эксплицировать. Это касается и смысла, эксплицируемого в высказываниях (ср. известную заметку Щеглоффа о степени подробности отсылки к элементам реальности в разговоре [Schegloff 2000]). На вопрос «ты где?» мы ответим с разной степенью конкретности и подробности и вообще по-разному, в зависимости от того, с какой целью нас, как мы это себе представляем, спрашивают. Это же рассуждение применимо и к вопросу о степени подробности транскрибирования и анализа: микроанализ способен утонуть в бесконечном разнообразии подробностей¹, и ориентиром и спасательным кругом служит тот вопрос, который мы задаем материалу, собственно, цель анализа.

1 В предисловии к своей итоговой книге «Кинесика и контекст», которая представляет собой скорее сборник эссе на кинесические темы, нежели систематическую монографию, Бедвистел отмечает как достижение, что благодаря усовершенствованным методикам на описание одной секунды фильма теперь тратится только один час работы вместо ста, как это было изначально [Birdwhistell 1990: xii].

Подход, в соответствии с которым мы фиксируем по возможности все подряд, поскольку не знаем, что пригодится, проблематичен сразу в нескольких отношениях. Подавляющая часть никогда не пригодилась и не могла пригодиться, и неслучайно Макоун подробно обосновывает, что нужна некая нулевая ступень, от которой отсчитывать. Фиксация всего подряд — это иллюзия. Почему бы не снимать параллельно у всех участников данные о кровяном давлении, кожных потенциалах, а также энцефалограмму? Тогда данные были бы богаче, мы бы могли отследить эмоции... мало ли еще чего. Вызванные потенциалы коры головного мозга связать в единые комплексы с тем, что происходит снаружи. Проблема в том, что все эти потоки синхронизированных между собой данных нуждаются в объяснении, они сами по себе ничего не говорят. И даже паттерны их сочетания между собой. Объяснение возникает как ответ на конкретный вопрос; теория сама по себе не вырастает из материала, сколь бы подробно он ни был зафиксирован в той или иной системе репрезентации.

112

Бедвистел уже в ранних публикациях находил точные формулировки, на которые в дальнейшем можно было опереться. Например, «Ни одна единица движения [тела человека] не обладает значением сама по себе. Значение возникает в контексте. Высказывания информанта о своем движении должны рассматриваться как данные, а не как объяснения» [Bedwhistell 1952: 10]. Но фактически к анализу Бедвистел подходил со структурно-лингвистической и бихевиористской стороны. Между тем структурный анализ формы сам по себе не позволяет нам выйти на уровень социальных значений (социальной кинесики, как ее называет Бедвистел), и контекст такой анализ выносит за скобки: структура это про систему, про язык, а контекст — про речь и про конкретную ситуацию. Бренда Фарнел в своей оценке работ Бедвистела ставит в один ряд с кинесикой Бедвистела хореометрику Алана Ломакса — кросс-культурное изучение танцевальных движений. Ломакс вынес за скобки социальный контекст и вместе с ним все то, что придает танцу культурный смысл, произвольным образом выбрав фрагменты движений и попытавшись придать научность процедуре с помощью статистики. Но там, где речь идет о погруженных в контекст человеческих действиях, формальный анализ тех движений, в которых проявляются действия, представляет собой обесмысливающую наукообразную процедуру [Farnell 2003]. Да и вообще само по себе подробное транскрибирование представляет собой процедуру ничуть не в большей мере научную, чем было бы, скажем, измерение физических параметров телесного движения в миллиметрах, градусах и миллиметрах в секунду, а громкости голоса — в децибелах, и изображение этих данных в графиках и таблицах.

Там, где речь идет о людях, которые вступают в отношения друг с другом, опорой для осмысления данных может стать прежде всего деятельность этих самых людей по осмыслению действий друг друга. Проблема кинесического микроанализа (и проекта ЕИИ в частности) заключалась в том, что предмет интереса психиатров и Бейтсона не был операционализирован и соотнесен с уровнем зернистости описания, а осмысление материала не опиралось на перспективу участников (эмный взгляд), используя лишь направляемый теориями взгляд внеположенного по отношению к ситуации взаимодействия исследователя (этная перспектива)¹. Парадигма исследования социального взаимодействия, в которой работает этнометодология и СА, принципиально основывается на наблюдении и описании осмысливающих и тем самым создающих реальность действий участников, а не на приписывании участникам каких-то идей или неосознаваемых намерений, которые исследователям диктует их теория, как это имело место во всех примерах выводов из анализа в проекте ЕИИ, процитированных выше.

Уже в материалах упомянутой выше конференции 1962 года Гофман отмечает, что следовало бы разделять область интереса к невербальной коммуникации на те случаи, где имеет место сфокусированное взаимодействие и где взаимно поддерживаются фокусы внимания, и те, где взаимодействие не сфокусировано и люди просто подстраивают свое поведение, имея в виду присутствие других людей, независимо от того, поддерживают ли они разговор или участвуют в совместной деятельности [Sebeok, Hayes, Bateson 1964: 233]. Это предложение Гофмана не только отсылает к книге, которая тогда готовилась к изданию (*Behavior in Public Places: Notes on the Social Organization of Gatherings* [Goffman 1963]), но и содержит в себе зерно того направления в рамках исследования взаимодействия, которое со временем приведет к формированию целой парадигмы исследований, анализирующих фокус совместного внимания в ходе взаимодействия и процедуры управления вниманием².

113

1 Термины *etic* и *emic* введены Кеннетом Пайком и получили широкое распространение в антропологии [Haggis 1976].

2 Ср. об «управлении состояниями совместного внимания» в реплике Гофмана в другой дискуссии: «Очень часто речевые маркеры используются, чтобы начать или закончить эти состояния соучастия, но и много неречевых маркеров. Я надеялся здесь узнать о каких-то из них. Вместо этого вы рассуждаете о философских материях, про все то, что в принципе способно модифицировать значение высказывания. Я хотел бы услышать о жестах и разных поведенческих способах, потому что они работают не в языке, а в управлении состояниями совместного участия. Если мы могли бы себя ограничить, то лучше всего было бы рассуждать в терминах состояний разговора, а не в терминах говорящих и реципиентов. И сущность, с которой

Ферментом содержательного синтеза в исследовании коммуникации оказалось как раз внимание. Как только в анализ проникает вопрос фокуса внимания участников — причем не только участников по отдельности, но и совместного, разделенного внимания [Goodwin 1981], ситуация с анализом радикально меняется. В исследовании возникает эмная перспектива, когда мы начинаем принимать в расчет направление взгляда участников. Вместо того чтобы искать значимое и важное для нас как исследователей, мы обращаемся к тому, что значимо для участников взаимодействия — и что они наглядно демонстрируют своими действиями (вопрос о том, есть ли у них намерение смотреть именно туда, куда они смотрят, и осознают ли они свое действие, тут уже не важен).

Лоренса Мондада отмечает роль Гейл Джефферсон, которая направляла первые шаги Чарльза и Марджори Гудвин в области конверс-анализа. В частности, Джефферсон сделала транскрипцию вербального аспекта части данных Чарльза Гудвина, которые легли в основу его первой публикации [Goodwin 1979]. Именно она, вникнув в материал, обратила внимание Гудвинов на подробности невербальной части — направление взгляда и позы участников. Более того, Джефферсон разработала технику, упростившую анализ и оперирование данными о телесном движении, которая заключалась в том, что прорисовки положения участников делались на прозрачных листах, наложенных непосредственно на экран монитора, который показывал стоп-кадр с видеомэгнитофона [Mondada 2021]. Чарльз и Марджори Гудвин «находились на перекрестке разных интеллектуальных традиций», включая наблюдение в духе Гофмана, внимание к особенностям речи в духе Лабова, систематическое кодирование телесных аспектов коммуникации в духе Бедвистела, что и сделало столь значимым вклад Гейл Джефферсон [Ibid.: 220].

Отслеживание движения глаз — один из важных методов в экспериментальной психологии XX века, проливающий свет на механику когнитивных процессов — и процессов коммуникативных, если речь идет о взаимодействии в ходе совместной деятельности. Направление взгляда в ходе социального взаимодействия в 1960-е годы осознается в психологии как важный компонент коммуникации [Argyle 1967: 80-93]. В области психологии развития, в том направлении, которое восходит к идеям Джерома Брунера и занимается становлением коммуникации в онтогенезе, в частности, на доречевой стадии общения матери и младенца, в 1970-е годы формули-

мы здесь работаем, это состояние разговора — потока речевого взаимодействия в процессе поддержания этого потока» [цит. по: Sebeok, Hayes, Bateson 1962: 139].

руется представление о том, что собственно человеческие средства коммуникации возникают из сцены совместного внимания, когда участники обращают внимание на один и тот же объект и отслеживают внимание друг друга [например: Bates 1979]. Все это, а также когнитивно-ориентированные работы по изучению коммуникации в совместной деятельности, связанные с текстами Герберта Кларка и его коллег, представляют собой контекст того продуктивного синтеза конверс-анализа и микроанализа невербальной коммуникации, из которого в дальнейшем складывается мультимодальный анализ в его современном виде.

Библиография / References

- Argyle M. (1967) *The Psychology of Interpersonal Behaviour*. Harmondsworth: Penguin.
- Bateson G. (1972) *Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology*, University of Chicago Press¹.
- Bateson G. & Mead M. (1942) *Balinese character; a photographic analysis*, New York Academy of Sciences.
- Bateson G., Ruesch J. (1951) *Communication: The Social Matrix of Psychiatry*, W. W. Norton & Co.
- Bateson G., Jackson D., Haley J. & Weakland J. (1956) Toward a theory of schizophrenia. *Behavioral Science*, 1(4): 251-264².
- Bateson, G. Naven. a survey of the problems suggested by a composite picture of the culture of a New Guinea tribe drawn from three points of view. 2d ed. Stanford (CA): Stanford University Press, 1958 (1st ed. — 1936)
- Bates E. A. *The emergence of symbols: cognition and communication in infancy*, NY: Academic Press, 1979³.
- Birdwhistell R. L. (1952) *Introduction to Kinesics: An Annotation System for Analysis of Body Motion and Gesture*, Washington, DC: Department of State, Foreign Service Institute.
- Birdwhistell R. L. (1970) *Kinesics and Context: Essays on Body Motion Communication*, Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Brennan S.E. & Clark H.H. (1996) Conceptual pacts and lexical choice in conversation. *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition*, 22(6): 1482-1493.

115

- 1 Русское издание: Бейтсон Г. (2000) *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. Пер. с англ. М.: Смысл.
- 2 Русский перевод см. в составе книги: Бейтсон Г. (2000) *Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии*. Пер. с англ. М.: Смысл.
- 3 Русский перевод гл. 5 из этой книги: Интенции, конвенции и символы // *Психолингвистика*. Сб. статей под ред. А. М. Шахнаровича. М.: Прогресс, 1984. С. 50-103.

Clark H. H. & Brennan S. E. (1991) *Grounding in communication*. In L. B. Resnick, J. M. Levine & S. D. Teasley (Eds.) *Perspectives on socially shared cognition* (p. 127--49). American Psychological Association.

Collett P., Marsh P. (1974) Patterns of Public Behaviour: Collision Avoidance on a Pedestrian Crossing. *Semiotica*. 12(4): 281-300.

Henning E. (2021) Perception, awareness, and film practice: A natural history of the "Doris Film". J. McElvenny & A. Ploder (Eds.) *Holisms of communication: The early history of audio-visual sequence analysis*. Berlin: Language Science Press: 105-138.

Davis M. (2001) "Film Projectors as Microscopes: Ray L. Birdwhistell & Microanalysis of Interaction [1955-1975]," *Visual Anthropology Review*, 17 (2): 39-49.

Efron D. (1972) *Gesture, Race and Culture: A Tentative Study of the Spatio-temporal and "linguistic" Aspects of the Gestural Behavior of Eastern Jews and Southern Italians in New York City, Living Under Similar as Well as Different Environmental Conditions*. The Hague: Mouton (Approaches to Semiotics 9) [Efron D. (1941). *Gesture and Environment*, New York: King's Crown Press. 1941].

Ekman P. (1985) *Telling Lies. Clues to Deceit in the Marketplace, Politics, and Marriage*, NY: W. W. Norton.

Ekman P. (1999) Emotional and Conversational Nonverbal Signals. In Messing L. S. & Campbell R. (Eds.) *Gesture, Speech, and Sign* (p. 45-55), New York, NY: Oxford University Press.

Farnell B. (2003) Birdwhistell, Hall, Lomax and the Origins of Visual Anthropology, *Visual Anthropology*, 16 (1): 43-55.

Fromm-Reichmann F. (1948) Notes on the development of treatment of schizophrenics by psychoanalytic psychotherapy. *Psychiatry*, 11(3): 263-273.

Gumperz J. J. & Hymes D. H. (Eds.) (1964) *The ethnography of communication*, Washington, DC: Blackwell Publishing on behalf of the American Anthropological Association (*American Anthropologist* 66(6), Part 2).

Goodwin C. (1979) The Interactive Construction of a Sentence in Natural Conversation. In G. Psathas (Ed.) *Everyday Language: Studies in Ethnomethodology*, New York: Irvington Publishers: 97-121

Goodwin C. (1981) *Conversational organization: Interaction between speakers and hearers*, New York: Academic.

Hall E. T. (1959) *The Silent Language*, Doubleday & Company, Inc., Garden City, New York.

Hall E. T. (1966) *The Hidden Dimension*, Doubleday, Garden City, N. Y.

Hall E. T. (1976) *Beyond Culture*, Anchor Books, Garden City, N. Y.

Hall E. T. (1983) *The Dance of Life: the other dimension of time*, Anchor Books, New York.

Hall E. T. & Trager G. L. (1953) *The Analysis of Culture*, Washington, DC: Foreign Service Institute/American Council of Learned Societies.

Harris M. (1976) "History and Significance of the Emic/Etic Distinction". *Annual Review of Anthropology*, 5: 329-350.

Huxley J. (Ed.) (1966) A Discussion on Ritualization of Behaviour in Animals and Man. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London, Series B, Biological*

Sciences. 251(772).

Ikegami Y. (1971) "A Stratificational Analysis of the Hand Gestures in Indian Classical Dancing". *Semiotica*, 4(4): 365-391.

Jefferson G. (2004) Glossary of transcript symbols with an introduction. G.H. Lerner (Ed.) *Conversation analysis: Studies from the first generation*, Philadelphia: John Benjamins: 13-31

Kendon A. (ed.) (1981) *Nonverbal communication, interaction, and gesture: selections from Semiotica*, Approaches to Semiotics, 41. The Hague [etc.]: Mouton.

Kendon A., Sigman S. J., Birdwhistell R. L. (1996) (1918–1994). Commemorative essay. *Semiotica*, 112 (3/4): 231-261.

Leeds-Hurwitz W. (1987) The social history of "The natural history of an interview": A multidisciplinary investigation of social communication. *Research on Language and Social Interaction* 20: 1-51.

Leeds-Hurwitz W. (1990) Notes in the history of intercultural communication: The foreign service institute and the mandate for intercultural training. *Quarterly Journal of Speech*, 76: 268-281.

Leeds-Hurwitz W. (2010) *The social history of language and social interaction research: people, places, ideas*, Hampton Press, Cresskill, NJ.

Leeds-Hurwitz W. & Kendon A. (2021) The Natural History of an

117

Interview and the microanalysis of behavior in social interaction: A critical moment in research practice. In: James McElvenny & Andrea Ploder (eds.)

Holisms of communication: The early history of audio-visual sequence analysis. Berlin: Language Science Press: 145-200

MacCannell D. (1973) "A Note on Hat Tipping". *Semiotica*, 7(4): 300-312.

McQuown N. A. (Ed.) (1971) *The Natural History of an Interview*. With contributions by Gregory Bateson, Ray L. Birdwhistell, Henry W. Brosin, Charles F. Hockett, Norman A. McQuown, Henry L. Smith, Jr. George L. Trager. Microfilm Collection of Manuscripts on Cultural Anthropology Series: XV No: 99 University of Chicago Library, Chicago, Illinois (June 30).

McQuown N. A. (1957) Linguistic Transcription and Specification of Psychiatric Interview Materials. *Psychiatry*, 20(1): 79-86.

Mead M. (1995) Visual Anthropology in a Discipline of Words. Paul Hockings (ed.), *Principles of Visual Anthropology*, De Gruyter: 3-10.

Mondada L. (2021) The NHI and the emergence of video-based multimodal studies of social interaction. Response to Wendy Leeds-Hurwitz and Adam Kendon. In: James McElvenny & Andrea Ploder (eds.) *Holisms of communication: The early history of audio-visual sequence analysis*, Berlin: Language Science Press: 205-228.

Sacks H. & Schegloff E. (2002) Home position. *Gesture* 2(2): 133-146.

Schegloff E. (2000) On Granularity. *Annual Review of Sociology*, 26: 715-20.

Schegloff E., Harvey S. (1972) "Opening up Closings". *Semiotica* VIII, 4: 289-327.

Schiffrin D. (1974) "Handwork as Ceremony: The Case of the Handshake". *Semiotica*. 12(3): 189-202.

Sebeok T.A., Hayes A.S., Bateson M.C. (Eds.) (1964) *Approaches to Semiotics: Cultural Anthropology, Psychology, Psychiatry, Linguistics, Education*. Transactions of the Indiana University Conference on Paralinguistics and Kinesics. Janua Linguarum: Series Maior, Vol. 15. The Hague: Mouton — De Gruyter.

Smith W.J., Chase J., Katz L. A. (1974) "Tongue Showing: A Facial Display of Humans and Other Primate Species". *Semiotica*, 11(3): 201-246.

Sperber D., Wilson D. (1995) *Relevance: Communication and cognition*, Oxford: Blackwell. 2nd edition.

Trager G. L. (1958) Paralanguage: A first approximation. *Studies in Linguistics*, 13: 1-12.

Trager G. L. (1961) The typology of paralanguage. *Anthropological Linguistics*, 3 (1): 17-21.

Trager G. L. (1966) *Approaches to Semiotics: Cultural Anthropology, Psychology, Psychiatry, Linguistics, Education*. Transactions of the Indiana University Conference on Paralinguistics and Kinesics. Book review. *American Anthropologist*, 68(1): 296-297.

Watter S. B. (2017) Scrutinizing: Film and the Microanalysis of Behavior. *Grey Room* 66, Winter: 32-69.

Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. (1967) *Pragmatics of human communication: A study of interactional patterns, pathologies, and paradoxes*, New York: W. W. Norton¹.

Wilder C. (1979) The Palo Alto Group: Difficulties and Directions of the Interactional View for Human Communication Research. *Human Communication Research*, 5(2): 171-186.

Winkin Y. (1988) *Erving Goffman: Les moments et leurs hommes*, Textes recueillis et presents par Yves Winkin. Paris: Seuil/Minuit.

Рекомендация для цитирования:

Утехин И. (2023) Микроанализ невербальных аспектов коммуникации (из интеллектуальной истории мультимодального анализа). *Социология власти*, 35 (2): 86-118.

For citations:

Utekhin I. (2023) Microanalysis of Nonverbal Aspects of Communication (from the Intellectual History of Multimodal Analysis). *Sociology of Power*, 35 (2): 86-118.

Поступила в редакцию: 11.05.2023; принята в печать: 26.05.2023

Received: 11.05.2023; Accepted for publication: 26.05.2023

1 Русское издание: Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. (2000) *Психология межличностных коммуникаций*, СПб.: Речь; Гуманитарная академия.

МИХАИЛ Д. БЕЛОВ¹

МВШСЭН, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-8848-2726

Коммуникация животных: от человека к обезьяне и от насекомого к систематике

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-119-138

Резюме:

В данной статье критически рассматривается антропоцентричность социологии, ее нынешние ограничения, касающиеся исследований нечеловеческих существ, на примере исследований коммуникации животных и межвидового взаимодействия. В статье показывается, с опорой на несколько ключевых теоретических направлений, как фокус традиционной социологии на человеческой социальности может быть расширен за счет включения нечеловеческих существ. Для понимания состояния такой социологии вводится понятие антропоморфоцентризма как объяснение текущей позиции области, отражающей желание выйти за рамки изучения людей, но нежелание исследовать нечеловеческие сущности без человекоподобных атрибутов. Автор описывает существующие ограничения, предлагает методологические шаги и эксплицирует эпистемологические и онтологические особенности, которые необходимо учитывать при включении животных как объектов изучения социологии. Предлагается, по примеру конверсационного анализа как строгого эмпирического метода, заменить перенос существующих человеческих систематик на создание новых на основе данных о каждом взаимодействии, будь то взаимодействие между человеком и животным, между животными одного вида или межвидовое взаимодействие; таким образом, подчеркивается необходимость эмпирического подхода к исследованиям видовой и межвидовой систематик. В статье делается вывод, что переход от антропоцентризма и антропоморфоцентризма к расширительному исследованию коммуникации живых существ необходим для получения валидных данных, формулирования выводов и конструирования теорий в социологии. Однако при таком продвижении необходимо помнить об ограничениях заимствованных человеческих концепций и механизмов в интерпретации нечеловеческих взаимодействий, также накладывающих свои отпечатки на процесс и результат исследований нечеловеческого взаимодействия.

119

-
- 1 Белов Михаил Дмитриевич — студент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН). Научные интересы: мультимодальный конверсационный анализ, феноменологическая социология, политическая социология, социология медиа. E-mail: mikaelbelov@gmail.com
Графики и диаграммы для публикации подготовлены Виталием Поповым

Ключевые слова: коммуникация, коммуникация животных, социология животных, антропоцентризм, антропоморфоцентризм, конверсационный анализ, семиотика, теория коммуникации

Mikael D. Belov¹

MSEES, Moscow, Russia

Animal Communication: From Human to Monkey, from Insect to Systematics

Abstract:

This article critically examines sociology's anthropocentricity and its current limitations in research on nonhuman beings, using animal communication and interspecies interaction as examples. The paper demonstrates, drawing on several key theoretical strands, how the focus of traditional sociology on human sociality can be extended to include nonhuman beings. To understand the state of such sociology, the notion of anthropomorphocentrism is introduced as an explanation of the field's current position, reflecting a desire to go beyond the study of humans, but a reluctance to explore non-human entities without human-like attributes. The author describes existing limitations, proposes methodological steps, and explicates the epistemological and ontological features to be considered when including animals as objects of study in sociology. It is proposed, following the example of convergence analysis as a rigorous empirical method, to replace the transfer of existing human taxonomies with the creation of new taxonomies based on data on each interaction, be it between humans and animals, between animals of the same species or between species. The author thus stresses the need for an empirical approach to research on species and interspecies taxonomies. The article concludes that a move away from anthropocentrism and anthropomorphocentrism towards an expansive study of living creature communication is necessary to generate valid data, formulate conclusions, and construct theories in sociology. However, in making this move, one must be mindful of the limitations of borrowed human concepts and mechanisms in interpreting non-human interactions, which also impinge on the process and outcome of non-human interaction research.

Keywords: communication, animal communication, animal sociology, anthropocentrism, anthropomorphocentrism, conversation analysis, semiotics, communication theory

«КАКОЙ ЖВОТНЕ ВЫ КУСАИТИ?»
дебри интернета

1 Belov Mikael Dmitrievich — student, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSEES). Research interests: multimodal conversation analysis; phenomenological sociology; political sociology; sociology of media. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Введение

Традиционный предмет социологии — «социальное» — до недавнего времени ассоциировался исключительно с людьми, их деятельностью и связанными с ней явлениями; однако в последнее время проблематика социологии и социальных наук все дальше отходит от корня “*socio*” и всяческого упоминания таких слов, как «социальное» и «общество», то вовсе отказываясь от этих концептов (Урри), то переопределяя их через поиск новых смыслов и трактовок в классических текстах (Роулз), то «пересобирая» их, как это делает Латур. Вслед за этим постепенно, хотя медленно и не без препятствий, поднимается и вопрос об отведенном человеку месте в социологии.

В данном тексте будут рассмотрены существующие исследования коммуникации животных и возможности семиотического анализа их взаимодействия с точки зрения эпистемологических и онтологических решений, которые применяются для введения нечеловеческих акторов в поле социологического изучения. В ходе анализа будут определены паттерны того, как концептуализируется возможность животной коммуникации. Я буду рассматривать микросоциологическую проблематику как менее протоптанное, но, на мой взгляд, более перспективное поле для исследования такой коммуникации. Антропологические труды, посвященные политике у шимпанзе [de Waal 2000], воронам [van Dooren 2019] и лесу [Kohn 2013], уже сыскали свое признание и даже предложили первичный концептуальный аппарат, чего нельзя сказать о микросоциологии животных, в которой все еще остается большое количество пробелов.

Нынешняя концентрация социологии на человеке могла бы быть описана с помощью термина «антропоцентричность», однако даже те попытки, которые предпринимаются исследователями в изучении животных, совсем недалеко отходят от человека. Некоторые ученые сейчас активно занимаются изучением взаимодействия бабуинов, которые родственны человеку и в общем-то наиболее, среди остальных живых существ, похожи на человека. Часто в таких исследованиях так и пишут: “*non-human primates*” [Cartmill et al. 2012]. Поэтому я бы скорее описал нынешнее положение социологии относительно объекта ее изучения не как антропоцентризм, хотя большая ее часть остается в этом русле, а как антропоморфоцентризм — под этим я понимаю желание выйти за рамки исследования людей, но невозможность, или, скорее, нежелание изучать существ, на человека непохожих. Я совсем не хотел бы обвинить кого-то в антропоморфоцентричности. Наоборот, исследования других приматов помогут нам лучше понять природу всех приматов, в частности, человека как входящего в это множество. На данный

момент существует непреодолимая оппозиция человека всем другим видам акторов, и исследования науки и технологий (STS) отлично этому поспособствовали, устанавливая всяческие бинарные оппозиции между человеком и не-человеком [Müller 2015], человеком и объектом [Латур 2014], человеком и машиной [Suchman 1987]. И хотя, как можно предположить, эти оппозиции не задумывались как бинарные, они определили дальнейшее проведение различий именно по таким линиям, так что можно сказать, что эти оппозиции являются бинарными по своим последствиям. В частности, они не позволяли социологии выйти за пределы исследований человека, которые бы не включали «машины» и материальные объекты, заданные существующими дихотомиями.

I. Бруно Латур обвиняет интеракционистов в обезьянничестве

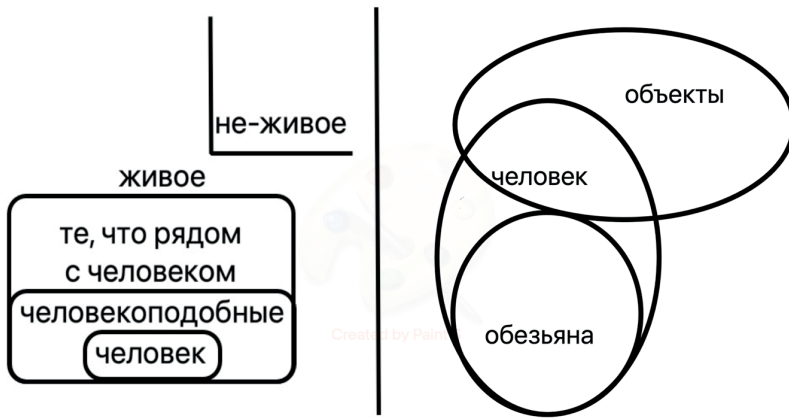
В Латурианской программе исследования нечеловеков содержится претензия к интеракционистской социологии. В тексте «Об интер-объективности» Латур [2007] обвиняет интеракционистскую социологию в том, что она не учитывает природу материальных объектов — на этом основании он делает вывод о том, что исследования людей для интеракционистов ничем не отличаются от исследований бабуинов. Латур также утверждает, что обезьяны являются идеальным объектом для изучения интеракционистов:

«...социология обезьян становится предельным случаем интеракционизма, так как все акторы присутствуют в одном пространстве и времени и участвуют во взаимодействиях лицом-к-лицу — взаимодействиях, динамика которых неразрывно связана с реакциями взаимодействующих. Это рай для интеракционизма; это рай и в другом отношении, поскольку вопрос о социальном порядке, по-видимому, не может быть применен к обезьянам в ином виде, нежели в терминах композиции диадических взаимодействий без каких-либо эффектов тотализации или упорядочивания» [Латур 2007: 80].

Несмотря на внутреннюю обоснованность претензии Латура, интеракционистская социология продолжила существовать в прежнем виде и не принялась сразу перекладывать свои доводы на обезьян (однако см. [Mondada 2018]). Латур поспорил с программой интеракционизма с помощью своей (анти)программы, и дальше все разошлось как ни в чем не бывало. Тем не менее тезис Латура об исследовании обезьян я бы воспринимал как побуждение к действию для интеракционистов, в частности для того, чтобы доказать, что взаимодействие обезьян или других животных не может быть сведено к диадическим взаимодействиям, а также заслуживает ста-

туса отдельной исследовательской области; впрочем, едва ли и классические интеракционисты согласились бы с претензией Латура.

Латур, безусловно, не относится к интеракционистам, однако я бы хотел подчеркнуть тот эпистемологический прыжок, который он совершает по сравнению с потенциальным последовательным деантропоцентричным движением: от антропоцентричной социологии к антропоморфоцентричной, затем к социологии, которая стоит совсем рядом с антропоморфоцентричной и изучает различные варианты взаимодействия человека с близкими человеку существами, и затем переходит к изучению совсем не связанных с человеком существ. Латур вводит противопоставление между человеком и обезьяной, которое ломает схему, и начинает заниматься материальными объектами, оставляя обезьян позади, так и не начав их изучение (см. рис. 1).

123

Рис. 1. Схема эпистемологического движения. Слева — последовательное движение деантропоцентризации социологии, справа — версия акторно-сетевой теории.

Fig. 1. Scheme of epistemological movement. On the left: consistent movement of deanthropocentrization of sociology, on the right: version of actor-network theory.

Таким образом, Латур пропускает несколько итераций движения объекта изучения от человека к не-человеку, оставляя позади и обезьян, и всех других живых существ и сразу переходя к материальным объектам как к используемым человеком во взаимодействии и потому требующим внимания социологов. Безусловно, Латур производит революцию в прямом смысле этого слова: он лишает своего онтологического статуса привычные объекты изучения и радикально ставит на их место другие. Однако он пропускает целую цепь итераций, с помощью которых можно было бы дойти до наделения

таким онтологическим статусом материальных объектов, выбирая последовательный путь от различных видов живого к неживому.

II. Что-то совсем (не)человеческое

Латур представляет лишь одну из возможных схем отказа от антропоцентризма. Другие пути могут быть обнаружены в подходах, пытающихся исследовать семиотику не-человеков. Одним из радикальных и неожиданных примеров последних лет является «Инсектопедия» культурного антрополога Хью Раффлса [2019] — книга, посвященная различным аспектам существования насекомых, в которой отдельная глава посвящена языку, а другие так или иначе затрагивают тему коммуникации среди насекомых.

В главе о языке Раффлс в первую очередь опирается на работу Карла фон Фриша, получившего в 1973 году Нобелевскую премию за открытие языка танца у пчел. Раффлс, анализируя работы фон Фриша, приходит к тому, что мы не должны переносить модель человеческой коммуникации и семиотики на семиотику животных, так как она является уникальной. Сам же фон Фриш [1966: 100-136] вообще пишет о языке танца пчел как об уникальном явлении среди *всех* живых существ.

Таким образом, перед нами встает серьезный вопрос обобщения семиотических способностей и явлений среди живых существ. С одной стороны, нам предлагается антропоцентричный перенос принципов человеческой коммуникации на коммуникацию животных. С другой — подчеркивание уникальности коммуникации *вида*. Так или иначе, простой перенос человеческой семиотики на не-человеческих акторов является, пускай зачастую и работающим, но допущением, которое в конечном итоге может привести к концептуальной путанице и неверному пониманию коммуникации животных.

В свете проблем, связанных с антропоцентризмом, становится крайне важным исследовать альтернативные перспективы и методологии, признающие уникальность нечеловеческой семиотики. Как отмечает Раффлс, простое применение человеческих моделей коммуникации и семиотики к животным может быть недостаточным, а в некоторых случаях даже вводить в заблуждение. Вместо этого необходим более тонкий и контекстно-специфический подход для раскрытия сложностей нечеловеческой коммуникации.

Одна из возможностей заключается в разработке системы элементарных (первичных) общих механизмов коммуникации среди всех видов. Такая система позволит исследователям изучить основные принципы, которые управляют различными формами коммуникации видов, не попадая в ловушку антропоцентризма. Этот под-

ход может привести к новому пониманию эволюционных истоков коммуникации и ее разнообразных проявлений в животном и человеческом мирах. Беря за основу коммуникацию как механизм, мы открываем дорогу исследованиям общих корней этого механизма, которые затем могут разрастаться в различных направлениях у разных видов животных в силу тех или иных присущих им уникальных способностей или ограничений.

Конверсационный анализ делает попытку поиска таких механизмов в человеческой коммуникации [Levinson 2006]. Один из основателей этого подхода — Харви Сакс — говорил о системах организации человеческого действия и взаимодействия именно как о машинериях [Sacks 1984], то есть механизмах, работающих вне зависимости от других факторов — будь то сознание, воля или особенности среды, которые при этом могут быть по-разному использованы владеющим машинерией, то есть конкретное использование будет зависеть от ситуативных факторов. Тем не менее сами такие механизмы взаимодействия являются повсеместными и *могут быть применены* в любой момент. Наличие таких механизмов не только у человека — вопрос сугубо эмпирический.

Такой интегративный подход мог бы систематизировать в себе различные представления о механизмах коммуникации животных, пролить свет на сложные взаимоотношения между коммуникацией, познанием и окружающей средой, преодолеть границы антропоцентрических предположений о первичности человеческих механизмов взаимодействия. Более того, применение контекстно-чувствительной методологии в изучении коммуникации животных может раскрыть адаптивное значение видоспецифических систем коммуникации. В таком случае — в случае самовыстраивающейся модели соотношения систем коммуникации, которая проводит отличия не на основе предзаданных критериев, а в силу сходств различных систем, ученым не придется совершать операцию придания значения тем или иным видам — собственноручно отделять человека от животного, один вид от другого. Достаточно будет лишь выявить кластеры *простейших систематик*¹ животного взаимодействия и первично отделить человека от других акторов, поставить человеческую коммуникацию в один ряд с другими подобными явлениями у животных [McNeil 2010].

Как показывают исследования животных и человека, последний может оказывать влияние не только на взаимодействие, в котором он участвует (на самом деле, межвидовое взаимодействие — отдельная область изучения со своими особенностями. Подробнее см.

1 В значении Sacks et al. [1974].

[Mondémé 2016; 2022]), но и на среду, в которой действует животное. В таком случае действия человека могут быть рассмотрены как фактор влияния на взаимодействие животных, а не явление, стоящее в одном ряду со взаимодействием того или иного вида. Внимание к изменению экологии взаимодействия животных — это также важный шаг в отходе от антропоцентризма и антропоморфоцентризма. Человеческая экология и ее факторы также не стоят в одном ряду с описанными явлениями, а являются лишь одним из факторов изменения экологии взаимодействия животных [Boyden et al. 1981; Bronfenbrenner 1979].

Главный вывод из этого раздела заключается в том, что, проводя различие между явлением, рассматриваемым как характерное для животного вида, и таковым у человека, мы должны, даже если изначально оно выделяется с помощью перенесения характерного человеку явления на нечеловеческого актора, оглядываться на его особенности у человека и редуцировать, насколько это возможно, его человеческие характеристики, которые мы, обычно не задумываясь, переносим на других, нечеловеческих акторов. Некоторые аспекты конкретного применения этого принципа будут рассмотрены в следующей части статьи.

126

III. «Говорящие» обезьяны пытаются обмануть человечество

Человечеству, а скорее научно-популярному сообществу известно такое явление, как обезьяны, которых люди пытаются научить говорить. Наверное, самым ярким примером такого кейса является обезьяна Коко — западная равнинная горилла из Сан-Франциско, чьим «воспитанием» занялась аспирантка Стэнфордского университета Фрэнсин Паттерсон, обучившая ее примерно двум тысячам слов из американского жестового языка. Когда я в первый раз услышал об этом эксперименте, об утверждениях о том, что горилла действительно может коммуницировать с людьми, я очень сильно удивился и подумал, что споры о коммуникации животных больше не имеют никакого смысла: хватит думать о том, как возможна коммуникация у животных — вот же она, давайте изучать, как она происходит!

Однако попытка найти хоть одну публикацию в хорошем рецензируемом журнале, которая бы не критически относилась к обезьяне Коко или другим обезьянам, которых пытаются научить человеческому языку, в основном, конечно, жестовому, обернулась провалом. Единственный труд, претендующий на научность, — это диссертация самой Паттерсон “Linguistic Capabilities of a Lowland Gorilla” (с англ. «Лингвистические способности равнинной гориллы»), которая затем была опубликована как часть книги про жестовый язык

у обезьян и людей [Patterson 2019]. Остальные работы относятся к журналу “National Geographic” и другого рода научно-популярным изданиям. В научных же изданиях сложно найти что-то, кроме критики — и кажется, что это вполне закономерно, ведь если бы Коко действительно могла говорить в привычном нам смысле, это бы привело к революции в науках о языке и коммуникации. Впрочем, легко судить, когда результат уже известен. Возможно, это ученые не хотят признавать революционность эксперимента, чтобы не потерять свои гранты и позиции? Ведь и после выхода «Об интеробъективности», вопреки тезисам этой статьи Латура, интеракционистская социология не перестала существовать.

Похожая история известна нам как «Вселенная 25» (а англоговорящему читателю как “The mouse universe”) — известный эксперимент этолога Джона Кэлхуна, исследующий влияние перенаселения и ограниченных ресурсов на социальное поведение и динамику популяции мышей. Изначально он был направлен скорее на широкую общественность и громкие заявления в прессе, чем представлял какую-то серьезную научную ценность, тем более что отвергался абсолютно всеми коллегами Кэлхуна, которые к тому же указывали на серьезные методологические недостатки его работы [Ramsden, Adams 2009]. С точки зрения соотношения животных и человека в эпистемологической схеме этого эксперимента Кэлхун сделал примерно следующее: он взял человеческие условия, адаптировал их под мышей и экстраполировал поведение мышей на поведение человека, за что и стал известен. Едва ли можно назвать эту модель антропоцентричной или антропоморфоцентричной — скорее она является попросту абсурдной и не знающей никаких ограничений, очевидных любому ученому при построении подобных моделей и экстраполяции результатов.

В общем виде примерно то же самое происходит с обезьяной Коко и Фрэнсин Паттерсон — пожалуй, это единственный случай на моей памяти, когда профиль автора на научных порталах менее популярен, чем его профиль на IMDb¹. Тем не менее в своей диссертации она все же пытается встроить в привычное научное знание свое исследование, и этот аспект нам крайне интересен, ведь некоторые критики пишут о том, что один из факторов, повлиявших на восприятие исследований о Коко, — это неконсистентность самой лингвистической науки, в частности понимания того, что такое язык [Ward 1999; Chomsky 1986].

1 IMDb (Internet Movie Database) — онлайн-платформа, предоставляющая информацию о фильмах, телепередачах, актерах и других аспектах кино- и телеиндустрии.

В своей диссертации Паттерсон [2019] пытается спорить с Ноамом Хомским — лингвистом, чья работа о генеративной лингвистике перевернула эту науку и само представление о языке. После Хомского значительное число лингвистов стало определять язык как врожденную способность человека, основанную на универсальном наборе принципов и правил, которые управляют созданием сложных предложений [Хомский 1962]. Хомский говорит о языке как о специфическом для человека аппарате, ведь он уникален и требует высоких когнитивных способностей для осуществления процесса генерации грамматики. Такое представление о языке как о сложном когнитивном процессе, кажется, и порождает это пространство для спекуляции в научно-популярном дискурсе, в котором обезьяна соседствует с человеком в своих когнитивных способностях [Thomas 2016], несмотря на то что доказательств явлений, подобных языку, у насекомых гораздо больше [Leadbeater, Chittka 2007].

Паттерсон [2019] выдвигает два аргумента против Хомского: первый заключается в том, что язык не является столь уникальной и специфической деятельностью *sui generis*, как пишет об этом Хомский, и может быть изучен через другие, в первую очередь невокальные процессы; второй заключается в том, что язык может быть понят через компаративистские исследования коммуникации среди различных видов, и таким образом могут быть выведены простейшие систематики языка как феномена живого существа. В конце своего текста Паттерсон пишет следующее:

«Какой вывод можно сделать из этого краткого и частичного обзора проекта Коко? В качестве первичного и частичного ответа на этот вопрос я хотела бы переформулировать заявление, сделанное Ноамом Хомским в 1968 году, заменив слово “человек” словом “приматы”, а словосочетание “уникальная человеческая способность” — понятием лингвистической коммуникации. <...> Нет лучшего или более многообещающего способа изучить основные и отличительные свойства интеллекта приматов, чем посредством детального (сравнительного) исследования структуры (и функционирования) <...> лингвистической коммуникации» [Patterson 2019: 254]¹.

Нельзя не отметить, что данные рассуждения представляют из себя один из продуктивных вариантов определения статуса коммуникации животных, и этот способ даже в немалой степени отходит от антропоцентризма. Паттерсон предлагает двигаться от явления к теоретическому обобщению, а не навязывать структуры человеческого действия животному и утверждать затем, что животное

1 При этом самого Хомского, хотя его теория является для нее центральным объектом критики, Паттерсон не цитирует.

способно к человеческому действию. Это валидная программа, которая может открыть нам много нового в исследованиях коммуникации, однако, к сожалению, сама Паттерсон в своем проекте эту программу не реализует. И Хомский, когда его спрашивают об этом эксперименте в интервью [Chomsky 2008], критикует ее как раз за это — по сути, Коко не владеет языком, а научена определенным паттернам, она не обладает тем, что Хомский назвал бы лингвистической компетенцией [Chomsky 1972: 125] или языковой способностью [Fitch et al. 2005]. Программно Паттерсон пытается найти замену теории Хомского с помощью углубления в когнитивистику и психолингвистику, таким образом «оправдывая» эмпирические недостатки своей работы¹. Едва ли этот аргумент был бы удовлетворительным для исследователей коммуникации, когнитивных психологов или кого бы то ни было, потому что и сам Хомский, и его последователи рассматривают его лингвистическую теорию как форму когнитивной психологии. Фундаментальная ошибка Паттерсон заключается в том, что она берет за основу чисто человеческие конструкторы и человеческий язык, не оставляя животным право на собственную уникальную (возможно, в той или иной степени *языковую*) коммуникативную компетенцию.

129

Интересно, что в одной из работ Паттерсон все же признает многие ограничения, о которых писали критики эксперимента [Patterson, Linden 1981: 145-152]. Проблема лишь в том, что критики говорят об этих недостатках не как об ограничениях, а как об ошибках и недочетах, недоработках. Другими словами, Паттерсон снова пытается оправдаться. Тем не менее ни один из критиков, да и в общем-то никто другой, не ставит под сомнение сам факт того, что Коко использует символы во взаимодействии. Да, возможно, у нее получается не так хорошо, как всем хотелось бы, и ее способности далеки от способностей компетентного носителя языка, однако базовые механизмы символизации у Коко присутствуют. Кажется, что именно этот результат всех подобных экспериментов с обезьянами оказывается самым достоверным и значимым для науки; конечно, звучит он не так революционно и не так продаваемо, как заявление о том, что обезьяна смогла овладеть человеческим языком, но тем не менее именно этот результат является прорывом как в исследованиях животного взаимодействия, так и в исследованиях взаимодействия животного и человека. Сам этот факт опровергает крайне антропоцентричную позицию, до сих пор исповедуемую многими учеными, изучающими коммуникацию, согласно которой подоб-

1 В самом деле, многие попытки Паттерсон придать своей работе научность похожи на оправдания тех или иных пробелов.

ное символическое взаимодействие и способность систематически вовлекаться в кооперативную коммуникацию свойственны только человеку [Levinson 2006; Tomasello 2008]. Хотя и с помощью не вполне методически (или как-либо еще) верных подходов, нам тем не менее открываются новые грани и способы взаимодействия между человеком и животным — не такие примитивные, как это принято было считать ранее, и не сводящиеся к однозначно доминирующей роли человека (например, см.: [Sebeok 1988]).

Таким образом, несмотря на всю спорность того пафоса, с которым преподносятся результаты этих исследований, ученым, занимающимся коммуникацией, стоит обратить свое пристальное внимание на те очевидные неоспариваемые результаты экспериментов, в ходе которых обезьян пытались научить говорить. Пускай эти результаты далеки от желаемых, далеки от заявлений о том, что обезьяны разговаривают, но тем не менее они указывают, что обезьяны способны совершать некоторые действия, которые раньше рассматривались как свойственные только человеку. Так что к этим данным стоит обратиться с вопросом «как?» — как обезьяны и другие животные осуществляют хотя бы эти символические действия, как они осваивают и применяют различные коммуникативные паттерны, не свойственные обычным представителям того или иного вида? Я пытаюсь сказать лишь то, что сами по себе эти данные являются важными и продуктивными для анализа с точки зрения поиска базовых систематик и/или других механизмов коммуникации. Этими кейсами должны, в частности, заниматься конверс-аналитики, исследующие взаимодействие животных как самодостаточное явление, без углубления в когнитивные особенности и споры о строении мозга обезьяны. К сожалению, трудно сказать, что видеоданные с этими обезьянами отвечают базовым методологическим требованиям записи для видеографического анализа, тем более что многие из этих записей достаточно короткие и создавались изначально для научно-популярных целей. Тем не менее даже некоторые из этих данных представляют интерес для видеоэтнографов и конверс-аналитиков и смогут пролить свет на организацию действия у животных и те машинерии и систематики, которые лежат в основе организации этих систем действия и взаимодействия. Далее, конечно, когнитивисты, лингвисты, конверс-аналитики и, возможно, даже кто-то еще будут спорить друг с другом об иерархии этих машинерий [Белов, Ерофеева 2022], однако это уже совсем другая история.

IV. Конверс-анализ и семиотика животных

Из предыдущего раздела следует очевидный вопрос о том, почему конверс-аналитических исследований подобного рода до сих пор

так мало. Боюсь, у меня нет однозначного ответа, кроме разве что того, что конверсационный анализ — это в принципе молодая дисциплина по сравнению с другими подходами к коммуникации и семиотике. Первая публикация, знаменующая признание самой возможности существования конверс-аналитического подхода, датируется 1974 годом [Sacks et al. 1974] — в это время другие подходы в лингвистике, многие из которых актуальны до сих пор, находились уже на совсем другом уровне развития [Stivers, Sidnell 2013]. Другой ответ, хотя и является продолжением первого, заключается в том, что животные попали в поле зрения профессионального взгляда конверс-аналитиков и в принципе ученых, занимающихся ЕМСА¹, совсем недавно, и эти исследования все еще занимают скорее маргинальное место в этом поле. Данный раздел будет посвящен тому, как конверсационный анализ смотрит на возможность коммуникации и семиотических способностей у животных.

Изначально ЕМСА были антропоцентричным исследовательским полем, и потому введение животного как объекта исследования сперва сопровождалось весьма антропоцентричными заявлениями, так как достигнутые результаты и открытия в этой области были сделаны в процессе исследований человека и применимы сперва *только*, а затем *в первую очередь* к нему; тем более что первые шаги к применению СА в исследованиях коммуникации животных, согласно аргументации исследователей, содействовали пониманию человеческой коммуникации [Logue, Stivers 2012]. Первое, что делают конверс-аналитики, когда начинают изучать животных, — они применяют и примеряют результаты исследований человека на животных. Конечно же, в первую очередь в поле конверс-анализа попали высшие приматы. Так, попытка отойти от антропоцентризма совсем не обязательно ведет за собой отхождение от антропоморфизма. Впрочем, последний вполне может служить дополнительным аргументом для применения человеческих систематик на существ, схожих с человеком, — в конце концов, никто не отменял аргумент видового родства, который тоже имеет место в расчерчивании границ схожести систематик видов².

- 1 ЕМСА — сокращение от Ethnomethodology and Conversation Analysis (в пер. с англ. — Этнометодология и Конверсационный Анализ).
- 2 Заметим, что вопрос о видовой систематике и классификации систематик видов возникает в конверсационном анализе, только когда он отходит от человека как своего единственного и уникального объекта. Дискуссия о классификации систематик — это тот же дебат о культурных, гендерных и других различиях и их влиянии на коммуникацию среди людей, выведенный на иной уровень.

Эта первая попытка сопровождалась в конверс-анализе редукцией систематики поведения животных к человеческим систематикам, причем редукцией во всех смыслах. Некоторые исследователи вообще утверждали, что высшие приматы могут использовать только форму запроса в своих действиях [Cartmill, Byrne 2010], некоторые сводили взаимодействие животных к ограниченному набору примитивных (во всех смыслах) форм действия [Call, Tomasello 2007; Gently et al. 2009]. Другими словами, животным было отказано в движении¹, который являлся бы повсеместным, то есть их взаимодействие в конечном итоге сводилось к схеме стимул-реакция, пусковой и на более сложном уровне².

Команды Россано и Фрëлиха в числе первых применяют мультимодальный конверс-аналитический подход к исследованиям высших приматов [Rossano, Liebal 2014; Rossano 2013; Fröhlich et al. 2016; Fröhlich 2017]. Эти исследования наконец-то ставят под вопрос антропоцентричность конверс-аналитических машинерий и ограниченность животной коммуникации, о которой писали ранее. Новизна, которую привнесли Россано и Фрëлих, также заключается в том, что они использовали мультимодальность не только для исследования жестов, которые и до этого изучались этологами и мыслились как достаточные основания коммуникации, но и направления взгляда, выражений мордочки, вокализаций etc. Таким образом, конверс-аналитики обратили исследовательское внимание на феномены, ранее не рассматривавшиеся исследователями, коммуникации высших приматов из других сфер. И хотя обнаруженные явления могут быть основаны на похожих на человеческие систематиках, а иногда, как, например, в случае с исследованиями взгляда обезьян, не могут избежать сравнения с тем же явлением у человека [Tomasello et al. 2007], они позволяют смотреть шире не только на человеческое взаимодействие, но и расширять взгляды этологов на поведение и коммуникацию животных. Говоря кратко, это огромное поле для междисциплинарных исследований. Как видно, конверс-аналитикам и этологам есть чему друг у друга поучиться.

Другое направление развития исследований животной коммуникации — это исследования взаимодействия человека с домашними и служебными животными³. Однако они скорее все же посвящены человеку и являются именно исследованиями

1 В смысле Heritage [2012], то есть собственном механизме и систематике действия.

2 О бихевиоризме в исследованиях коммуникации обезьян более подробно см., например: [Lawrence Wieder 1980].

3 Имеются в виду *service animals*, такие как собаки-поводыри и другие.

взаимодействия *человека* с определенными животными, а не исследованиями взаимодействия *таких животных* с человеком. Действительно, некоторые из них прямо выступают против антропоцентризма (например: [Arathoon 2023]), однако проделанные шаги позволяют нам говорить о гораздо более сложной структуре отхода от антропоцентризма: недостаточно добавить один нечеловеческий объект во взаимодействие — требуется отход от оптики, продиктованной исследованиями человека, осознание ограничений этой оптики и переноса результатов исследования человека на животных.

Важнейшей и относительно неизученной областью коммуникации животных в ЕМСА является внутривидовая коммуникация. Разработка видоспецифичных моделей, учитывающих уникальные поведенческие характеристики, станет шагом вперед по сравнению с распространенной практикой применения человеческих моделей коммуникации к видам животных. Кроме того, потенциальные различия в моделях коммуникации внутри видов в разных географических регионах также представляют собой интересную перспективу для исследования, как это когда-то происходило с изучением региональных особенностей человеческой коммуникации [Kita 2003; Duranti 1997; Speer, Stokoe 2011; Goodwin 2018; Yount-André 2016]. Более того, преобладающий акцент на визуальных и слуховых способах коммуникации упускает из виду широкий спектр ресурсов, используемых в животном мире, включая химические, тактильные и даже электрические способы коммуникации у некоторых водных видов, ведь для разных видов может быть характерна разная мультимодальность (включающая, соответственно, разные наборы модальностей). Невозможно не упомянуть пример того, как живой классик мультимодального конверс-анализа — Лоренца Мондада — также потенциально упускает разнообразие животной коммуникации. Хотя в некоторых статьях она анализирует взаимодействие между бабуинами без участия людей, ее анализ осуществляется для того, чтобы доказать некоторые гипотезы относительно человека и обнаружить, что что-то свойственно *не только* человеку, но и бабуинам [Mondada, Meguerditchian 2022].

Расширение сферы применения СА за счет включения в нее коммуникации животных с необходимостью требует отказа от антропоцентрической перспективы и доминирования наук о человеке; обнаруженные систематики должны быть заземленными (grounded), а не полностью перенесенными из других анализов взаимодействия — это лишь способствует «замыливанию глаза» — таким образом, и у взаимодействия камней в какой-то момент можно обнаружить человеческие систематики [Кловайт 2018].

Заключение

Как видно, вся совокупность методов перенесения взгляда ученого с человека на животное может быть грубо обобщена до двух противоположных паттернов: либо происходит перенесение ранее обнаруженных систематик у человека и/или других живых существ, либо обнаружение систематик происходит каждый раз по-новому, и анализ отталкивается сугубо от данных каждого нового взаимодействия. Конечно, такое грубое различие — на самом деле градиент, ведь неучитывание результатов предыдущих исследований излишне усложняет работу, а простое копирование не открывает ничего нового. Истина, как всегда, находится где-то посередине. С одной стороны, мы можем говорить о некоторых феноменах как об универсальных; с другой — не можем рассматривать эту универсальность относительно разных видов живых существ — совсем не факт, что человек так же взаимодействует с собакой, как собака взаимодействует с электрическим скатом. В этом смысле в исследованиях межвидового и человеческого взаимодействия необходимо поднять отдельный эмпирический вопрос о видовой и межвидовой систематике; несмотря на то что человеческий вид обладает наиболее развитой коммуникацией среди всех живых существ, необдуманное перенесение человеческих видовых систематик на другие виды является недальновидным и методологически невалидным шагом — происходит это, в частности, потому, что во многих исследованиях человеческие систематики не идентифицируются как видовые.

Большой проблемой в изучении нечеловеческого взаимодействия, как бы парадоксально это ни звучало, остается антропоцентризм, а там, где его нет, — антропоморфоцентризм. Первый мешает исследованию, второй — лишь шаг на пути расширения социологической проблематики на нечеловеческих акторов. Отсутствие его можно заметить лишь у не-социологов, занимающихся исследованиями коммуникации видов, максимально далеких от человека и с точки зрения биологического сходства, и ареала обитания (например, пчелы). Однако и на эти исследования можно было бы посмотреть совсем по-другому с социологической точки зрения; в свою очередь, некоторые методы этологов и биологов смогли бы прояснить многое в исследованиях социологов. В общем, такого рода взаимопомощь в междисциплинарных исследованиях выгодна всем сторонам. Что же касается социологии и проблематики ее объекта, уже сейчас может быть видна некоторая схема отдаления социологии от человека как единственного и/или господствующего ее объекта — это путь от антропоцентризма через антропоморфоцентризм, межвидовое взаимодействие с участием человека и из-

учение живых существ, обитающих рядом с человеком, до общих исследований коммуникации живых существ, отдельно от человека и вместе с ним. Но для того, чтобы такие исследования были валидны и беспристрастны, необходимо на каждом шаге отхода от человеческого взаимодействия оглядываться назад и понимать истоки и ограничения применяемых к не-человеческим акторам концептов и машинерий, дважды задавая вопрос о том, не натягиваем ли мы сову на глобус — другими словами, человеческие машинерии на взаимодействие не-человеков — и не упускаем ли мы таким образом как исследователи коммуникации уникальные для каких-то не-человеков систематики взаимодействия.

Библиография / References

Белов М. Д., Ерофеева М. А. (2022) Эпистемика наносит ответный удар: ситуативность и порядки взаимодействия в конверсационном анализе. *Социология власти*, 34 (3-4): 50-71.

— Belov M. D., Erofeeva M. A. (2022) Epistemics Strikes Back: Situationality and Interaction Orders in Conversational Analysis. *Sociology of Power*, 34 (3-4): 50-71. — in Russ.

135

Кловайт Н. (2018) Рефлексивный антропоморфизм: неведение онтологии или невежественная онтология? *Социологический журнал*, (1): 8-33. doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5711

— Klowait N. (2018) Reflexive anthropomorphism: ignorant ontology or ignorant ontology? *Journal of Sociology*, (1): 8-33. doi: 10.19181/socjour.2018.24.1.5711. — in Russ.

Латур Б. (2007) Об интеробъективности. *Социологическое обозрение*, 6 (2): 79-98.

— Latour B. (2007) On interobjectivity. *Sociological Review*, 6 (2): 79-98. — in Russ.

Латур Б. (2014) *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*, Изд. дом Высшей школы экономики.

— Latour B. (2014) *Reassembling the social: an introduction to actor-network theory*, Higher School of Economics Publishing House. — in Russ.

Хомский Н. (1962) Синтаксические структуры. In В. А. Звегинцев (Ed.) *Новое в лингвистике*, Vol. II: pp. 412-527. Издательство иностранной литературы.

— Chomsky N. (1962) Syntactic structures. In V. A. Zvegintsev (Ed.) *New in Linguistics*, Vol. II: 412-527. Publishers of Foreign Literature. — in Russ.

Arathoon J. (2023) Using ethnomethodology as an approach to explore human-animal interaction. *Area*, 00: 1-7.

Beisel U., Kelly A. H., Tousignant N. (2013) Knowing Insects: Hosts, Vectors and Companions of Science. *Science as Culture*, 22(1): 1-15.

Boyden S., Miller S., Newcombe K., O'Neill B. (1981) *The Ecology of a City and its People: The Case of Hong Kong*, Canberra: Australian National University Press.

Bronfenbrenner U. (1979) *The Ecology of Human Development*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Call J., Tomasello M. (Eds.). (2007) *The gestural communication of apes and monkeys*, New York: LEA.

Cartmill E. A., Beilock S., Goldin-Meadow S. (2012) A word in the hand: action, gesture, and mental representation in humans and non-human primates. *Philosophical Transactions of the Royal Society, Series B.*, 367: 129-143.

Cartmill E. A., Byrne R. W. (2010) Semantics of orangutan gesture: Determining structure and meaning through form and use. *Animal Cognition*, 13: 793-804.

Chomsky N. (1986) *Knowledge of Language: Its nature, origin and use*, Praeger.

Chomsky N. (1972) *Language and mind*. New York: Harcourt Brace Jovanovich.

Chomsky N. (2008) "On the Myth of Ape Language." Interview by Matt Aames Cucchiaro. available from: <https://web.archive.org/web/20150930045521/http://www.chomsky.info/interviews/2007-07-07.htm>

de Waal F. (2000) *Chimpanzee Politics: Power and Sex Among Apes*, Revised ed. Baltimore: JHU Press.

Duranti A. (1997) Universal and Culture-Specific Properties of Greetings. *Journal of Linguistic Anthropology*, 7: 63-97.

136 Frisch K. von (1966) *The Dancing Bees: An Account of the Life and Senses of the Honey Bee*, New York: Harcourt, Brace and World.

Fröhlich M. (2017) Taking turns across channels: Conversation-analytic tools in animal communication. *Neuroscience and biobehavioral reviews*, 80: 201-209.

Fröhlich M., Kuchenbuch P., Müller G., Fruth B., Furuichi T., Wittig R.M., Pika S. (2016) Unpeeling the layers of language: Bonobos and chimpanzees engage in cooperative turn-taking sequences. *Sci. Rep.*, 6: 25887.

Genty E., Breuer T., Hobaiter C., Byrne R.W. (2009) Gestural communication of the gorilla (*Gorilla gorilla*): Repertoire, intentionality and possible origins. *Animal Cognition*, 12: 527-546.

Goodwin C. (2018) *Intertwined knowing*, In *Co-operative Action* (pp. 93-104). Cambridge University Press.

Heritage J. (2012) The epistemic engine: Sequence organization and territories of knowledge. *Research on Language and Social Interaction*, 45 (1): 30-52.

Kita S. (Ed.). (2003) *Pointing: Where language, cognition, and culture meet*, Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.

Kohn E. (2013) *How Forests Think: Toward an Anthropology beyond the human*, Berkeley: University of California Press.

Lawrence Wieder D. (1980) "Behavioristic operationalism and the lifeworld: chimpanzees and chimpanzee researchers in face-to-face interaction", *Sociological Inquiry*, 50(3-4): 75-103.

Levinson S.C. (2006) On the human "interaction engine". In N.J. Enfield, & S.C. Levinson (Eds.) *Roots of human sociality: Culture, cognition and interaction* (pp. 39-69). Oxford: Berg.

- Logue D., Stivers T. (2012) Squawk in interaction: a primer of conversation analysis for students of animal communication. *Behaviour*, 149: 1283-1298. 10.2307/41720615.
- McNeill J. R. (2010) *Mosquito Empires: Ecology and War in the Greater Caribbean: 1620–1914*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Mondada L. (2018) *Multiple Temporalities of Language and Body in Interaction: Challenges for Transcribing Multimodality*. *Research on Language and Social Interaction*, 51(1): 85–106. doi:10.1080/08351813.2018.1413
- Mondada L., Meguerditchian A. (2022) Sequence organization and embodied mutual orientations: openings of social interactions between baboons. *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2022: 377 (1859).
- Mondémé C. (2016) Extension de la question de “l’ordre social” aux interactions hommes/animaux. une approche ethnométhodologique. *L’Année sociologique*, 66: 319–350. <https://doi.org/10.3917/anso.162.0319>
- Mondémé C. (2022) Why study turn-taking sequences in interspecies interactions? *Journal for the Theory of Social Behaviour*, 52(1): 67– 85. <https://doi.org/10.1111/jtsb.12295>
- Müller M. (2015) Assemblages and actor-networks: Rethinking socio-material power, politics and space. *Geography Compass*, 9(1): 27–41. doi:10.1111/gec3.12192
- Patterson F. (2019) Linguistic Capabilities of a Lowland Gorilla. In *Sign Language And Language Acquisition In Man And Ape* (pp. 212–258). doi:10.4324/9780429306020-8.
- Patterson F., Linden E. (1981/2002) *The Education of Koko*, The Gorilla Foundation.
- Ramsden E., Adams J. (2009) Escaping the Laboratory: The Rodent Experiments of John B. Calhoun & Their Cultural Influence. *Journal of Social History*, 42: 761–792. 10.1353/jsh.0.0156.
- Rheinberger H.-J. (1997) *Toward a History of Epistemic Things: Synthesizing Proteins in the Test Tube*, Stanford, CA: Stanford University Press.
- Rheinberger H.-J. (2010) *An Epistemology of the Concrete: Twentieth Century Histories of Life*, Durham: Duke University Press.
- Rossano F. (2013) Sequence organization and timing of bonobo mother-infant interactions. *Interaction Studies*, 14: 160–189.
- Rossano F., Liebal K. (2014) Requests” and “offers” in orangutans and human infants. Requesting in social interaction. *Studies in Language and Social interaction*, 26: 333–362.
- Sacks H. (1984) Notes on methodology. In J. M. Atkinson, J. Heritage (Eds.) *Structures of Social Action*, Cambridge: Cambridge University Press: 21–27.
- Sebeok T. A. (1988) “Animal” in biological and semiotic perspective. In T. Ingold (Ed.) *What is an Animal?* (pp. 63–76). London: Unwin Hyman.
- Speer S. A., Stokoe E. (2011) *Conversation and gender*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Stivers T., Sidnell J. (2013) Introduction. In J. Sidnell, & T. Stivers (Eds.), *Handbook of conversation analysis* (pp. 1–8). Malden, MA: Wiley-Blackwell.
- Suchman L. (1987) *Plans and situated actions: The problem of human-machine communication*, Cambridge University Press.

Tecumseh Fitch W., Hauser M. D., Chomsky N. (2005) The evolution of the language faculty: Clarifications and implications. *Cognition*, 97: 179-210.

Thomas E. L. (2016) Anthropocentric rhetorical discourse in popular science writing about human evolution. *Theology and Science*, 14(3): 340-360. doi:10.1080/14746700.2016.1191882

Tomasello M. (2008) *Origins of human communication*, MIT Press.

Tomasello M., Hare B., Lehmann H., Call J. (2007) Reliance on head versus eyes in the gaze following of great apes and human infants: the cooperative eye hypothesis. *Journal of Human Evolution*, 52: 314-320.

van Dooren T. (2019) *The wake of crows: living and dying in shared worlds*, Columbia University Press.

Ward B. (1999) Koko: Fact or Fiction? *American Language Review*, 3(3): 12-15.

Yount-André C. (2016) Snack sharing and the moral metalanguage of exchange: Children's reproduction of rank-based redistribution in senegal. *Journal of Linguistic Anthropology*, 26(1): 41-61.

Рекомендация для цитирования:

Белов М. Д. (2023) Коммуникация животных: от человека к обезьяне и от насекомого к систематике. *Социология власти*, 35 (2): 119-138.

138

For citations:

Belov M. D. (2023) Animal Communication: From Human to Monkey, from Insect to Systematics. *Sociology of Power*, 35 (2): 119-138.

Поступила в редакцию: 28.04.2023; принята в печать: 02.06.2023

Received: 28.04.2023; Accepted for publication: 02.06.2023

АНДРЕЙ Е. СЕРИКОВ¹

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия

ORCID: 0000-0002-4213-8089

Грамматика поведения человека и биосемантика

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-139-155

Резюме:

В данной статье ставится вопрос, какие подходы в семиотике и лингвистике, помимо структуралистской семиологии, могут быть источниками инноваций в антропологии и социальной теории. Автор предлагает вариант понимания поведения человека, называемый по аналогии с языковыми грамматиками «грамматикой поведения» и основанный частично на теории поля К. Левина, частично — на биосемантике Р. Г. Милликэн. В рамках семиотического подхода к объяснению человеческого поведения отдельные действия могут пониматься как знаки, выражающие смысл других действий. Социальные смыслы связывают действия в единую цепочку и извлекаются из смыслов предыдущих действий. Данная модель, в целом верная, является слишком абстрактной и требует более детального объяснения того, как именно извлекаются смыслы. Объяснение может состоять в том, что действия опосредованы ситуациями в соответствии с формулой К. Левина: реализуемая форма поведения является функцией ситуации, понимаемой как совокупность свойств действующей личности и обстоятельств, в которой она находится. Если эту идею выразить в форме правил, согласно которым типичная форма поведения реализуется человеком, обладающим типичным социальным статусом, находящимся в типичном психофизиологическом состоянии и типичных обстоятельствах, то получится вариант так называемой «грамматики поведения», эксплицирующей врожденные предрасположенности и имплицитные правила культуры. Вопрос о том, как понимать типичные для той или иной культуры формы поведения и ситуации, можно решить на осно-

139

1 Сериков Андрей Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева. Научные интересы: социальная теория, культурная антропология, теория поведения, семиотика, эпистемология. E-mail: aeserikov@mail.ru

вании биосемантики Р. Г. Милликэн. Они могут быть поняты как естественные конвенции — такие, для существования которых достаточно двух условий: чтобы они воспроизводились и чтобы это воспроизводство было основано на значимости прецедентов. Эта идея позволяет объяснить, с одной стороны, как возникают и распространяются конвенциональные формы типичного поведения и понимания типичных ситуаций, а с другой стороны, каким образом существует множество нетипичных ситуаций и нетипичных форм поведения.

Ключевые слова: поведение человека, грамматика, правило, конвенция, значение, ситуация, социальная теория, биосемантика

Andrei E. Serikov¹

Samara National Research University, Samara, Russia

A Grammar of Human Behavior and Biosemantics

Abstract:

Within the semiotic approach to explaining human behavior, individual actions can be understood as signs expressing senses of other actions. Such an understanding makes it possible to combine the description of actions in the individual and systemic societal perspective. The individual sense of an action refers to a finite number of other actions given to a person both in consciousness and in bodily experience as a whole. Social senses link actions into a single chain and are extracted from the senses of previous actions. This model, while generally correct, is too abstract and requires a more detailed explanation of exactly how senses are extracted. The suggested possible explanation is that actions are mediated by situations in accordance with the formula of K. Lewin: the actual form of behavior is a function of the situation, understood as a set of properties of the acting person and her circumstances. The idea being expressed in the form of rules, according to which a typical form of behavior is performed by a person with a typical social status, being in a typical psychophysiological state and typical circumstances, gets a variant of the so-called “grammar of behavior”, explicating innate predispositions and implicit rules of culture. The question of how to understand the forms of behavior and situations typical for a particular culture can be solved on the basis of the biosemantics of R. G. Millikan. They can be understood as natural conventions — such that two conditions are sufficient for their existence: that they reproduce, and that this reproduction be based on the weight of precedents. Conventional language constructs are understood in biosemantics as lineages of tokens that were copied from each other and copies of which were used for repeated solutions to the same problem. They may have appeared by accident, but they survive and proliferate due to the

1 Serikov Andrei Evgenievich — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University. Research interests: social theory, cultural anthropology, theory of human behavior, semiotics, epistemology. E-mail: aeserikov@mail.ru

performance of a vital function. At the same time, it is not at all necessary that the absolute majority of people conform to these conventions, just as the conventions do not have to be explicit prescriptions. Ideas about what forms of behavior are most appropriate in a given situation cannot be the same for different people, but this does not prevent the proliferation of conventional behavior.

Keywords: human behavior, grammar, rule, convention, meaning, situation, social theory, biosemantics

Введение

Структурализм является классическим примером того, как наука о знаковых системах может быть источником идей в антропологии и социологии. Семиология Фердинанда де Соссюра оказала влияние на создание фонологий Николая Сергеевича Трубецкого и Романа Осиповича Jakobsona с соавторами, в свою очередь повлиявших на возникновение структуралистского метода Клода Леви-Строса, ставшего образцом научного подхода не только во французской этнологии, но и далеко за ее пределами. Другая, менее заметная для социальных теоретиков траектория влияния семиологии — это развитие структуралистских идей в рамках американского дескриптивизма, от которого отталкивается и который, наряду с бихевиоризмом, преодолевает в своих работах по порождающей грамматике Ноам Хомский. Когда Пьер Бурдьё в «Практическом смысле» (1980) критикует структуралистское понимание и структуралистские методы выявления правил культуры, он явным образом ориентируется на поиск «порождающей модели» или «порождающей формулы», «порождающих схем», сводящих бесконечное число конкретных случаев и вариантов выбора к немногочисленным принципам [Бурдьё 2001: 197, 200, 404].

141

Постструктуралистская социальная теория Бурдьё — это аналог генеративизма в лингвистике. При этом отказ Бурдьё от описания правил в пользу выявления стратегий — это не отказ от более фундаментальной идеи применения в социальных науках апробированной в лингвистике методологии. Я думаю, что в качестве эмпирической науки лингвистика обладает преимуществом хотя бы потому, что данные об использовании языка намного более доступны, чем данные о других аспектах человеческого поведения и человеческих отношений, что позволяет систематически тестировать старые и предлагать новые методологические и теоретические идеи. Так, существуют общедоступные языковые корпуса и основанная на них корпусная лингвистика, но нет общедоступных баз данных результатов социологических наблюдений и, соответственно, не существует чего-то наподобие «корпусной социологии». В этом

контексте трудно не согласиться с Леви-Стросом, считавшим, что применяющая передовые научные методы лингвистика занимает среди социальных наук «исключительное место <...> уже потому, что достигнутые ею успехи превосходят достижения остальных социальных наук» [Леви-Строс: 37].

Однако структуралистская семиология — не единственный вариант науки о знаках, так же как генеративизм — не единственный современный подход к теории языка. Поэтому возникает вопрос: какие другие подходы в семиотике и лингвистике могут быть источниками инноваций в антропологии и социальной теории? Ниже предлагается вариант понимания и описания поведения человека, называемый по аналогии с языковыми грамматиками «грамматикой поведения» и основанный частично на теории поля Курта Левина, частично — на биосемантике Рут Гаррет Милликэн.

Идея грамматики поведения

В 1977 году Сурен Тигранович Золян и Игорь Аполлониевич Чернов, представлявшие тогда Московско-тартускую семиотическую школу, опубликовали статью «О структуре языка описания поведения», предлагая на основе семиотики развивать общую науку о поведении. Они писали, что вследствие развития этологии, социальной психологии, проксемики, культурологии и других наук понятие поведения приобрело более широкий смысл, чем просто «обозначение действий некоторого субъекта» [Золян, Чернов 1977: 151]. При этом сами они предлагали не более широкое определение, но лингвистический подход к описанию поведения и схему «языка описания поведения» в рамках этого подхода [Там же: 152]. Поведение уподобляется языку, а рефлексия над поведением понимается как метаязыковая в рамках иерархии «метаязыков от полного их незнания (нерегулируемое и неконтролируемое поведение) до высокой степени рефлексии (и метарефлексии) и полного овладения регуляцией поведения» [Там же]. Одним из аспектов такого подхода становится возможность говорить о *грамматике поведения*: «В системе культуры функционируют многочисленные тексты, экстраполирующие и эксплицирующие компетенцию социума (система норм и запретов). Механизм, порождающий такие тексты, назовем грамматикой. В принципе, наверное, возможно построение двух типов грамматик — нормоустанавливающих, функционально направленных на выполнение правил, и грамматик, ориентированных дисфункционально, описывающих поведение через нарушение правил» [Там же: 155].

Упомянув об этой ранней статье Золяна и Чернова, я хочу обратить особое внимание на несколько моментов:

Во-первых, они были первыми, кто в опубликованной работе употребил термин «грамматика» применительно к поведению.

Во-вторых, их конкретное понимание грамматики поведения эксплицитно ориентировалось на генеративную грамматику в лингвистике, так же как позже на нее ориентировалась теория практики Бурдье. Однако в современной лингвистике существует очень много подходов к пониманию грамматики языка; одних только критериев для различения этих подходов можно выделить около полутора десятка. Грамматика может пониматься как синтетическая либо аналитическая; как дескриптивная в отличие от предскриптивной, с одной стороны, и от генеративной — с другой; как формальная в отличие от функциональной или когнитивной, как формальная в отличие от неалгоритмической, как формальная в отличие от не использующей формальную нотацию; как грамматика внутреннего либо грамматика внешнего языка; как рекурсивная или нерекурсивная; как одноуровневая либо многоуровневая; как универсальная грамматика либо как грамматика конкретных языков; как грамматика конкретных языков с универсальными категориями либо как грамматика со специфическими для каждого языка категориями; как грамматика фразовых структур либо грамматика зависимости; как грамматика на основе предположения о принципиальном различии лексики и синтаксиса либо грамматика на основе предположения о континууме языковых конструкций; как конкурентная либо неконкурентная грамматика [Сериков 2021].

143

В-третьих, построение генеративной модели не отменяет актуальность описания конкретных порождаемых этой моделью правил, как может показаться под влиянием того же Бурдье. Дело не в том, что правила языка или правила поведения не работают или существуют только как артефакты научного (например, структуралистского) изучения. Дело в том, что реальность и работу правил можно понимать очень по-разному и в лингвистике, и в теории поведения, и в семиотике в целом. Поэтому задача заключается в разработке такой модели грамматики поведения, которая бы максимально соответствовала эмпирическим данным. И эта модель совсем не обязательно должна быть генеративной. Чтобы строить модель порождения правил, эти правила нужно предварительно описать, а в отношении поведения в целом — в отличие от языкового поведения — таких описаний мы имеем очень мало.

В-четвертых, если сравнивать термины «действие», «деятельность», «практика», «поведение» и выбирать среди них тот, который позволит обобщить в своем максимально широком значении значения всех остальных, то таким термином будет «поведение». Поэтому речь идет о «грамматике поведения», а не «грамматике действия» или «грамматике деятельности». Именно в таком, мак-

симально широком значении я буду далее писать о поведении, имея в виду, что оно может быть поведением человека, животных или других акторов, нормальным или девиантным, рациональным или иррациональным, осознаваемым или нет, врожденным или приобретенным, вербальным или невербальным и т. д. В этом контексте понятие «вербальное поведение» также должно быть избавлено от бихевиористских или медицинских коннотаций и пониматься максимально широко. Например, речевые акты должны пониматься как разновидность вербального поведения.

Примером современного исследования по грамматике поведения может служить книга Кейт Фокс «Наблюдая за англичанами. Скрытые правила поведения», первое издание которой вышло в 2004 году, а второе дополненное издание — в 2014-м. Во введении Фокс пишет, что ее цель — выявить «грамматику» английского поведения, и прямо проводит параллель между грамматическими правилами родного языка, которые редко кто может объяснить, и «грамматикой» ритуалов, обычаев, традиций, которую с трудом могут описать даже те, кто «бегло» их соблюдает [Fox 2014: 7]. Основным результатом данного исследования — экспликация около 250 имплицитных правил английской культуры. Например, оказываясь в общественном транспорте рядом с другими пассажирами, англичане избегают любых контактов, прямых взглядов и разговоров, что Фокс называет «правилом отрицания» (the denial rule): англичане как бы отрицают само присутствие других пассажиров. Другой пример: там, где возникают живые очереди, англичане очень тщательно их соблюдают и воспринимают каждую попытку пролезть без очереди как глубоко аморальную, но при этом действует скрытое «правило непрямого порицания» (the indirectness rule), согласно которому нарушителей почти никогда не одергивают явным образом, демонстрируя свое недовольство позами, гримасами или тихим ворчанием.

Правила Фокс понимает как дескрипции «нормального или обычного» [Там же: 15] поведения большинства англичан, как описания типичных паттернов поведения. В качестве таковых они допускают нарушения и отклонения, не будучи ни обязательными к исполнению предписаниями, ни описаниями не знающих исключений универсалий. В частности, они не являются универсалиями в смысле врожденных генетически закодированных диспозиций. Однако при этом Фокс старается выявлять правила, универсальные в другом смысле: ее правила являются «сквозными» для различных социальных слоев и классов, как бы независимыми от «общества» в узком значении этого слова. В целом получается, что Фокс понимает грамматику поведения только как грамматику культуры и ограничивает ее «сверху», не включая в нее правила, специфические для того или иного социального статуса, и «снизу», не включая

в нее правила, связанные с биологическими предрасположенностями людей в целом.

На мой взгляд, грамматика поведения может также включать правила поведения, обусловленные и биологически, и социально. Уолтер Гаррисон Рансиман приводит наглядный пример различения *биологически вызванного* (evoked), *культурно приобретенного* (acquired) и *социально наложенного* (imposed) поведения. Военный компаративист «одновременно изучает вызванное поведение молодых взрослых мужчин, генетически предрасположенных инициировать насилие или отвечать на него, если они возбуждены или спровоцированы, приобретенное поведение представителей культур, в которых положительно оценивается насилие от имени своей группы, а воины-победители вызывают восхищение, и наложенное поведение рекрутов, исполняющих военные роли в обществах, в которых их формально наказывают за неподчинение или дезертирство, независимо от того, какие мемы, приобретенные путем подражания или обучения, находятся в их голове» [Runciman 2009: 8].

Если социально наложенные правила являются явными, то биологически вызванные и культурно приобретенные аспекты поведения обычно являются скрытыми и не имеют какую-либо очевидную для всех форму. В связи с этим возникают вопросы о том, как именно могут быть сформулированы эксплицированные правила грамматики поведения и как их форма отражает представления исследователя о детерминации поведения. Например, чем бы ни было вызвано поведение человека, он почти всегда осознаёт и как-то объясняет то, что он делает, и поэтому возникает вопрос о том, как осознаваемый смысл поведения связан с его неосознаваемыми причинами. Экспликация правил грамматики поведения должна, по возможности, учитывать эту связь, т. е. должна опираться на некоторую теоретическую модель поведения.

145

Грамматика поведения на основе формулы Курта Левина

Ранее я предлагал «семиотическую модель действия», основная идея которой заключается в том, что человеческие действия понимаются как знаки событийного смысла других действий [Сериков 2009]. Смысл понимается как событие в «Логике смысла» Жюльена Делёза [Делёз 1998], как мотивация немотивированных знаков-следов в грамматики Жака Деррида [Деррида 2000]. Действия понимаются как следы, отсылающие к другим действиям-следам. Модель позволяет объединить описание действий с точки зрения индивидов и с точки зрения общества как системы. В рамках этой модели индивидуальный смысл действия отсылает к конечному числу

других действий, данных человеку как в сознании, так и в опыте тела в целом. Социальные события смысла «не просто выражают субъективные интенции деятеля, но связывают действия в единую цепочку и извлекаются из смыслов предыдущих действий. То есть предполагается, что смыслы, а значит, и действия — как их знаки, могут определяться какой-то собственной логикой, не всегда совпадающей с логикой действующих индивидов» [Сериков 2009: 25]. Человеческие действия, с одной стороны, основаны на подражании и повторении, но с другой стороны, их смысл всегда уникален и его извлечение порождает инновации. Можно описать конкретные механизмы этих инноваций, такие как практическая метафора и практическая метонимия. «Метонимически мы распознаём ситуацию: если пришли гости, их нужно угостить, если наступили новогодние праздники, нужно сходить с детьми на ёлку; если начались каникулы — съездить на природу. А затем метафорически заменяем один из элементов на другой: предлагаем гостям чай вместо кофе, идем в цирк вместо театра, на охоту вместо рыбалки и т.п.» [Там же: 38]. Данная модель, в целом верная, является *слишком абстрактной и требует более детального объяснения* того, как действия могут извлекать смыслы из других действий. Это можно сделать, предположив, что *действия опосредованы ситуациями*: действие извлекает смысл из ситуации, внося свой вклад в создание следующей ситуации, и т. д. Если также допустить, что смысл из ситуаций извлекается путем выбора неких вариантов поведения, и описать это в форме правил, то получится некая грамматика поведения. Но в таком случае следует уточнить, как именно понимается «ситуация».

В конце XX века в западной психологии велась дискуссия между представителями психологии личности, считающими, что поведение человека определяется его личностными чертами, и социальными психологами, настаивающими на детерминации поведения ситуациями. Эта дискуссия была инициирована публикацией книги Уолтера Мишела «Личность и оценка» [Mischel 1968] и была настолько непримиримой, что Дэвид Фандер назвал ее «войной» [Funder 2009]. Однако в итоге этой дискуссии большинство современных психологов убеждены, что поведение является следствием как личности, так и ситуации. Личность — это всегда личность в ситуации, личностные черты и состояния можно понимать как аспекты ситуации. И в этом контексте имеет смысл вернуться к основополагающим идеям Курта Левина.

В 1933 году в статье «Влияние сил окружающей среды на поведение и развитие ребенка» Левин предложил ставшую знаменитой формулу: *поведение есть функция личности и окружающей среды*. «[Ч]тобы понять или предсказать психологическое поведение (В), следует для каждого вида психологических событий (действия, эмо-

ции, выразительные движения и т. д.) определить текущую целостную ситуацию, то есть текущую структуру и состояние индивида (Р) и текущую структуру психологического окружения (Е). $B = f(PE)$ [Левин 2001: 214]. В более поздних работах Левин подчеркивает, что состояния человека и свойства среды — это взаимозависимые факторы, совокупность которых он называет «полем», определяющим поведение. «[Ч]еловек (Р) и его среда (Е) должны рассматриваться как переменные, которые зависят друг от друга. Другими словами, чтобы понять или предсказать поведение, нужно рассматривать человека и среду как одну констелляцию взаимозависимых факторов. Мы называем совокупность этих факторов жизненным пространством (LSp) этого индивида и пишем $B = f(P,E) = F(LSp)$. Жизненное пространство, следовательно, включает как человека, так и его психологическую среду. <...> Совокупность сосуществующих фактов, которые понимаются как взаимозависимые, называется полем. Психология должна рассматривать жизненное пространство, включающее человека и его среду, как одно поле» [Левин 2000: 264-265]. Несмотря на явную аналогию с континуальным полем классической физики, психологическое поле Левина разбивается на дискретные ситуации. Конкретная «ситуация в данное время» относится «не к моменту, не имеющему временной протяженности, а к определенному временному периоду» [Там же: 70-71]. Ситуации определяют реализуемые — также вполне дискретные — «формы поведения», «способы поведения», «виды поведения», «типы поведения», «возможности поведения» (эти словосочетания Левин употребляет как синонимы).

147

Детализируя свою семантическую модель на основе формулы и терминологии Левина, я прихожу к следующей основе для построения грамматики поведения: имплицитные правила поведения могут быть эксплицированы как описания *типичных форм поведения*, реализуемых человеком, обладающим *типичным социальным статусом* (в широком значении, включающем демографические, гендерные, профессиональные, социоэкономические характеристики), находящимся в *типичном психофизиологическом состоянии* (также в широком значении, включающем весь спектр состояний организма и сознания) и *типичных обстоятельствах* (физических, культурных, социальных).

Подобные правила могут быть эксплицированы путем обобщения конкретных эмпирических данных о поведении, получаемых в антропологии, социологии, психологии, этологии и т. д. На мой взгляд, одним из перспективных методов получения эмпирических данных о поведении может быть анализ художественных произведений, авторы которых часто являются очень тонкими наблюдателями. Приведу два примера правил поведения, экспли-

цированных на основе анализа детских рассказов: «Когда в группе детей появляется новичок, он подвергается испытанию на смелость и/или способность постоять за себя, не жалуясь взрослым»; «Когда утром ребенка поднимают для того, чтобы идти в школу, он умывается и чистит зубы».

Правила поведения могут существовать на любом из уровней детерминации — биологическом, культурном или социальном — и описываться эмпирически независимо от решения вопроса о принадлежности к тому или иному уровню. В любом случае этот вопрос может решаться только после того, как правила описаны. Если некоторые правила обнаруживаются универсально независимо от культуры и общества — это повод думать об их биологической детерминации. Правило, согласно которому дети периодически подвергаются испытаниям на смелость и способность постоять за себя, предположительно является универсальным и биологически детерминированным. Основатель социобиологии Эдвард Уилсон в одной из своих последних книг высказал гипотезу о том, что люди эусоциальны [Уилсон 2022]. Эусоциальность — редкое свойство некоторых видов общественных животных, проявляющееся в том, что часть представителей вида отказываются от собственного размножения и помогают выжить колонии в целом, заботясь о потомстве других, размножающихся представителей вида. С одной стороны, это — биологическая основа самопожертвования, но с другой — основа склонности принимать жертвы других, а также приносить их в жертву во имя блага социума в целом. Так, при основании новой колонии красные огненные муравьи сначала ухаживают за несколькими королевами, а затем убивают всех королев, за исключением одной — наиболее плодovитой. Эусоциальность людей можно трактовать как генетически закодированную склонность к жертвоприношению. В этом контексте универсально наблюдаемые периодические детские испытания можно понять как проявление такой склонности: те, кто не прошел испытания, это жертвы, приносимые и принимаемые теми, кто прошел испытания успешно.

Если какие-то правила внедряются в качестве явных и поддерживаются только путем применения санкций, они должны быть поняты как социальные. Если же правила не являются универсальными, но при этом принимаются в качестве само собой разумеющихся и не требующих санкций — это правила культуры. Правила гигиены, согласно которым нужно регулярно мыться в бане, менять белье, умываться, чистить зубы и мыть руки с мылом — пример того, как эксплицитные нормы, внедряемые на социальном уровне, постепенно становятся само собой разумеющимися имплицитными правилами культуры. Так, в первые годы советской власти

гигиенические правила не были частью народной культуры в нашей стране и активно внедрялись государством: они пропагандировались с помощью плакатов, были вписаны в воинские уставы и инструкции учебных заведений, их выполнение строго контролировалось на различных уровнях, но сегодня большинство этих правил усваиваются в раннем детстве в качестве естественных привычек и даже не всегда осознаются.

Итак, экспликацию скрытых правил грамматики поведения можно понимать как описание типичных форм поведения людей, находящихся в типичных состояниях и ситуациях. В этом контексте важно прояснить, что такое типичные формы поведения. Типичные — не значит всеобщие. Даже там, где в основе поведения лежит биологическая предрасположенность, она реализуется в разной форме в разных культурах и обществах. Как и в языке, в поведении в целом существуют альтернативные варианты реализации одних и тех же функций. То есть типичные формы поведения должны пониматься как *конвенции*. Но здесь возникает вопрос о том, на какую именно теорию конвенций следует опереться.

Биосемантическая концепция естественных конвенций

149

Некоторые ученые и философы предполагают вслед за Хомским, что существует закодированная на врожденном уровне универсальная грамматика человеческого языка. В настоящее время эта гипотеза не является ни доказанной, ни опровергнутой. Но совершенно очевидно, что независимо от существования потенциально возможных правил универсальной грамматики, существуют правила конкретных естественных языков. Эти правила являются парадигмальным примером конвенций: они являются основой общения большинства носителей данного языка, хотя могли бы быть другими (ведь языков много, и они разные).

Стандартным для современной философии пониманием языковых конвенций является то, как оно изложено в книге Дэвида Льюиса «Конвенция: Философское исследование» [Lewis 1969] и уточнено в его более поздней статье «Языки и язык» [Lewis 1975]. Согласно Льюису, языковая конвенция основана на правдивости говорящих и доверии слушающих; и это такая регулярность R в действиях или убеждениях членов некоторой популяции, когда почти каждый из них конформен R и убежден, что другие конформны R; что является решающим основанием самому быть конформным R; при этом большинство предпочитает, чтобы все без исключения были конформны R; все потенциально знают (могут знать, если подумают) обо всем вышеперечисленном, а также о том, что существует как

минимум одна альтернатива, которая могла бы поддерживаться как конвенция вместо R [Lewis 1975: 5-12].

Концепция конвенций Льюиса основана на слишком большом количестве ничем не доказанных предпосылок о рациональности, поведении, ценностях, убеждениях и предпочтениях большинства членов некоторой популяции, критерии членства в которой также не прояснены. Такое понимание конвенций нереалистично. Рут Гаррет Милликэн предлагает альтернативную идею «простых» или *естественных конвенций*, для существования которых достаточно двух условий: во-первых, конвенциональные паттерны должны *воспроизводиться* и, во-вторых, их воспроизводство должно полностью или частично быть основано на *значимости прецедентов* [Millikan 1998: 162-168]. Воспроизводство может быть непосредственным *копированием*, основанном на подражании, либо быть основано на *объяснении* того, как следует что-то делать, либо быть *дополняющим* воспроизводством (counterpart reproduction), когда некоторая форма поведения дополняет паттерн партнера, как это происходит при рукопожатии или при подборе гайки с нужным диаметром и резьбой для уже существующего болта. Конвенциональные формы поведения следует отличать от тех, к которым человек предрасположен генетически, а также от тех, что являются единственными или наиболее эффективными способами решения некоторых задач и поэтому периодически возникают как бы сами собой, независимо от наличия прецедентов. Чтобы воспроизводимая форма понималась как конвенциональная, она должна распространяться не столько из-за ее очевидных функциональных преимуществ, сколько благодаря тому, что хорошо известны образцы ее использования, которые и передаются от человека к человеку. При этом воспроизводство конвенциональных паттернов может быть как осознанным, так и неосознаваемым. Кроме того, некоторые конвенции могут существовать как эксплицитные правила, принимаемые в качестве моральных, юридических и прочих норм, но это не является обязательным для конвенций как таковых. В целом конвенции — это не предписания, и у тех, кто соблюдает конвенции, нет обязанности их соблюдать. Существование естественных конвенций не требует и того, чтобы они соблюдались всеми членами или подавляющим большинством некоторой популяции. Достаточно такого количества повторений, которое обеспечивало бы сохранение и дальнейшее распространение образцов.

В более поздних работах [Millikan 2017; Millikan 2018] Милликэн пишет про конвенциональные *языковые конструкции*, понимаемые как *наследственные линии* (линиджы) конкретных единичных экземпляров этих конструкций, которые, во-первых, были скопированы друг с друга и, во-вторых, копии которых употреблялись для

повторных решений одной и той же задачи. Лингвистическими конструкциями могут быть отдельные слова или словосочетания, синтаксические формы, фразы и целые предложения, являющиеся идиомами. Целые предложения, однако, редко копируются целиком. Поэтому обычно предложение состоит из нескольких наложенных друг на друга конструкций. Использование языковых конструкций, которое реализует их *стабилизирующую функцию*, называется *Нормальным* (с большой буквы). Это использование способствует тому, чтобы говорящий и далее был склонен употреблять данные конструкции, обращаясь к слушающему, а слушающий и далее был склонен реагировать конвенционально. Для полных предложений это связано с выполнением конвенциональных *условий истинности* или *обоснования*. В полных предложениях стабилизирующие функции отдельных наложенных друг на друга конструкций соединяются и образуют стабилизирующую функцию всего предложения. Стабилизирующая функция индикативных конструкций предположительно состоит в том, чтобы создавать или поддерживать у слушателей истинные убеждения. Для того чтобы индикативные формы сохранялись, они должны хоть и не всегда, но в значительной части случаев употребляться в качестве истинных, а не ложных. В противном случае обучение этим формам будет затруднено, и они не будут воспроизводиться. Аналогично предположительная стабилизирующая функция императивных конструкций состоит в том, чтобы слушатель пусть и не всегда, но исполнял действия, соответствующие обозначенным этими конструкциями просьбам, пожеланиям, приказам и т.п. Поскольку в целом идея сохранения тех структур, которые могли появиться случайно, но выживают благодаря выполнению жизненно важной функции, взята из теории биологической эволюции, Милликэн называет такой подход *биосемантикой*.

151

Некоторые современные ученые считают, что биосемантика является перспективным подходом для решения проблем социальной теории. Например, Инна Феликсовна Девятко неоднократно писала про проблему объяснения социальных норм именно в качестве норм, а не просто практик, проблему выяснения объективного основания нормативности. В частности, она критикует попытки свести социальные нормы к конвенциям, понимаемым в соответствии с концепцией Льюиса [Абрамов и др. 2017: 16-18]. В этом контексте интересна точка зрения Марцина Матчака, считающего, что хотя конвенции в смысле Льюиса не позволяют объяснить нормативность закона, конвенции в смысле Милликэн позволяют это сделать [Maczak 2022]. Если бы конвенциональные правила соблюдались почти всеми, как предполагается у Льюиса, они были бы неотличимы от всеобщей практики и не находились бы в ситуа-

ции, когда требуется доказывать их особую обоснованность на фоне других альтернатив; если же конвенции соблюдаются многими, но не всеми, он могут приобретать черты нормативности по отношению ко всем остальным вариантам поведения, а источником этой нормативности может быть их стабилизирующая функция.

Конвенциональность основных правил грамматики поведения

Описанная выше идея грамматики поведения, если коротко, состояла в том, чтобы эксплицировать имплицитные типичные формы поведения в типичных ситуациях. Но при этом оставался открытым вопрос о том, что такое типичные формы и ситуации поведения. В частности, должны ли эти формы одинаково пониматься или одним и тем же образом практически истолковываться всеми участниками социальных взаимодействий? Если так, как это возможно, ведь обучение поведению происходит у каждого человека по-разному, понимание состояний и обстоятельств основано на разных примерах, у каждого своя биография?

152

Один из самых интересных аспектов биосемантики Милликэн — это возможность объяснения человеческого мышления и поведения без постулирования всеобщих значений языковых категорий. Милликэн исходит из того, что у каждого человека есть свой идиолект, который следует понимать не просто как некий лексикон, уникальный с точки зрения его состава, но как набор языковых форм, значение каждой из которых является уникальным для данного человека в данный момент времени. *Нет никаких всеобщих концептов*, если понимать их как внутренние репрезентации, единые для носителей того или иного языка или представителей той или иной культуры. В качестве внутренних репрезентаций человеку даны только *уницепты*, понимаемые как единство информации об одном и том же предмете или виде предметов (внутреннюю форму этого неологизма можно истолковать как «унифицирующее схватывание»). Уницепт является результатом работы *унитрекера* — способности или механизма, приспособленного для одних и тех же предметов в мире, для распознавания различной информации как информации об одних и тех же вещах, для связи и совместного хранения различных аспектов этой информации. Унитрекер — это способность распознавать разные знаки одного и того же предмета, как знаки именно этого предмета, распознавать одно и то же за разными проявлениями. Уницепт — это связь различных аспектов информации об одной и той же вещи, одном и том же предмете. Все унитрекеры и уницепты уникальны, это конкретные образования, нет одинаковых уницептов, принадлежащих разным индивидам. Но поскольку мы

живем в одном и том же мире, наши (разные) уницепты могут иметь отношение к одним и тем же реальным вещам. Фактически это значит, что одни и те же вещи мы видим по-разному [Millikan 2017: 7-8].

С этой точки зрения понимание того, какие формы поведения наиболее уместны в той или иной ситуации, не может быть единым для разных людей. У каждого свой набор образцов ситуаций и образцов возможных в этих ситуациях форм поведения. Какие-то из этих образцов и прототипов осознаются, какие-то — работают бессознательно. Грамматика поведения — это экспликация типичных форм, многие из которых — но не все — существуют в качестве естественных конвенций по Милликэн.

Типичные формы — это формы:

- к которым существует врожденная предрасположенность (врожденные формы);
- которые возникают в качестве единственных или наиболее эффективных решений каких-либо задач (функциональные формы);
- которые являются естественными конвенциями в смысле Милликэн (конвенциональные формы).

В качестве типичных форм поведения, статусов, состояний, обстоятельств могут быть поняты такие, которые легко распознаются и воспроизводятся представителями данной культуры и носителями данного языка, для которых в языке существуют общеупотребимые названия, конвенциональные средства описания. При этом врожденные и функциональные формы обычно модифицируются, когда под влиянием подражания и обучения на них накладываются конвенции.

153

Заключение

Итак, исследования в области лингвистики, философии языка, семиотики остаются источником методологических идей для социальных и поведенческих наук в целом. В данной работе были объединены две такие семиотические идеи. Одна из них состоит в том, чтобы выявить скрытые правила типичного поведения в том или ином обществе, описав тем самым его грамматику поведения, если использовать термин С. Т. Золяна и И. А. Чернова. Возможны разные подходы к экспликации подобных правил, например, предложенный выше подход, основанный на формуле К. Левина. Его суть заключается в том, чтобы выяснить, какие формы поведения являются типичными для человека с неким типичным социальным статусом в типичном психофизиологическом состоянии и в типичных обстоятельствах. Вторая семиотическая идея состоит в том, чтобы объяснить некоторую существенную часть правил грамматики поведения в качестве естественных конвенций, концепция кото-

рых возникла в биосемантике Р. Г. Милликэн. Эта идея позволяет объяснить, с одной стороны, как возникают и распространяются конвенциональные формы типичного поведения и понимания типичных ситуаций, а с другой стороны, каким образом существует множество нетипичных ситуаций и нетипичных форм поведения.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут состоять, во-первых, в экспликации грамматик поведения конкретных обществ и культур на основе эмпирических данных, а во-вторых, в теоретическом прояснении того, в чем конкретно состоят стабилизирующие функции не только языковых, но других поведенческих конвенций.

Библиография / References

Абрамов Р. Н., Быков А. В., Гаврилов К. А., Девятко И. Ф., Катерный И. В., Подвойский Д. Г., Романовский Н. В., Сапов В. В. (2017) *Нормы и мораль в социологической теории: От классических концепций к новым идеям*, М.: Весь мир.

— Abramov R. N., Bykov A. V., Gavrilov K. A., Deviatko I. F., Katernyi I. V., Podvoyskiy D. G., Romanovsky N. V., Sapov V. V. (2017) *Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas*, Moscow: Ves Mir, 2017. — in Russ.

Бурдье П. (2001) *Практический смысл*, СПб.: Алетея.

— Bourdieu P. *The Logic of Practice*, Saint Petersburg: Aletheia. — in Russ.

Делёз Ж. (1998) *Логика смысла*, М.: Раритет.

— Deleuze G. (1998) *The Logic of Sense*, Moscow: Raritet. — in Russ.

Деррида Ж. (2000) *О грамматологии*, М.: Ad Marginem.

— Derrida J. (2000) *Of Grammatology*, Moscow: Ad Marginem. — in Russ.

Золян С. Т., Чернов И. А. (1977) О структуре языка описания поведения. *Σημειωτική — Труды по знаковым системам*, 8(1): 151-163.

— Zolyan S. T., Chernov I. A. (1977) About the Structure of the Language of Behaviour Description. *Σημειωτική — Sign Systems Studies*, 8(1): 151-163. — in Russ.

Левин К. (2000) *Теория поля в социальных науках*, СПб.: Речь, 2000.

— Lewin K. (2000) *Field Theory in Social Science*, Saint Petersburg: Rech. — in Russ.

Левин К. (2001) *Динамическая психология. Избранные труды*, М.: Смысл.

— Lewin K. (2001) *Dynamic Psychology. Selected Papers*, Moscow: Smysl. — in Russ.

Леви-Строс К. (2001) *Структурная антропология*, М.: ЭКСМО-Пресс.

— Levi-Strauss (2001) *Structural Anthropology*, Moscow: EKSMO-Press. — in Russ.

Сериков А. Е. (2009) Семиотическая модель действия. *Социологический журнал*, 1: 19-46.

— Serikov A. E. (2009) The Semiotic Model of Action. *Sociological journal*, 1: 19-46. — in Russ.

Сериков А. Е. (2021) Некоторые основания сравнения различных подходов к пониманию грамматики языка. И. В. Демин (ред.) *История. Семиотика. Культура*.

Сборник материалов Международной научной конференции, посвященной 200-летию Фёдора Михайловича Достоевского и 150-летию Сергея Николаевича Булгакова, Самара: Самарская гуманитарная академия: 259-266.

— Serikov A. E. (2021) Some bases for comparing different approaches to language grammar. I. V. Demin (ed.) History. Semiotics. Culture. *Collection of materials of the International scientific conference dedicated to the 200th anniversary of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky and the 150th anniversary of Sergei Nikolaevich Bulgakov*, Samara: Samara Academy of Humanities: 259-266. — in Russ.

Уилсон Э. (2020) *Эусоциальность: Люди, муравьи, голые землекопы и другие общественные животные*, М.: Альпина нон-фикшн.

— Wilson E. O. *Genesis: The Deep Origin of Societies*, Moscow: Alpina non fiction. — in Russ.

Fox K. (2014) *Watching the English: The Hidden Rules of English Behaviour* (2nd ed.), London: Hodder.

Funder D. C. (2009) Persons, behaviors and situations: An agenda for personality psychology in the postwar era. *Journal of Research in Personality*, 43 (2): 120-126. doi: 10.1016/j.jrp.2008.12.041

Lewis D. (1969) *Convention: A Philosophical Study*, Harvard: Harvard University Press.

Lewis D. (1975) Languages and Language. K. Gunderson (ed.) *Minnesota Studies in the Philosophy of Science*, Minneapolis: University of Minnesota Press: 3-35.

Matczak M. (2022) Ruth G. Millikan's conventionalism and law. *Legal Theory*, 28 (2): 146-178.

Millikan R. G. (1998) Language Conventions Made Simple. *The Journal of Philosophy*, 95 (4): 161-180.

Millikan R. G. (2017) *Beyond Concepts: Unicepts, Language, and Natural Information*, Oxford: Oxford University Press.

Millikan R. G. (2018) Biosemantics and Words that Don't Represent. *Theoria*, 84 (3): 229-241.

Mischel W. (1968) *Personality and Assessment*, New York: Wiley.

Runciman W. G. (2009) *The Theory of Cultural and Social Selection*, Cambridge: Cambridge University Press.

Рекомендация для цитирования:

Сериков А. Е. (2023) Грамматика поведения человека и биосемантика. Социология власти, 35 (2): 139-155.

For citations:

Serikov A. E. (2023) A Grammar of Human Behavior and Biosemantics. *Sociology of Power*, 35 (2): 139-155.

Поступила в редакцию: 13.05.2023; принята в печать: 29.05.2023

Received: 13.05.2023; Accepted for publication: 29.05.2023

Переводы

БРУНО ЛАТУР

Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология¹

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-156-196

Должен признаться: вопреки совету моего лучшего друга, я согласился разработать и записать МООК, знаете, один из этих «массовых открытых онлайн-курсов», которые администраторы университетов считают решением для современного образования. И не просто какой-то МООК, а курс на тему, обозначенную мной как «научные гуманитарные дисциплины» (scientific humanities)².

156

1 Перевод Андрея Кузнецова по изданию Latour B. (2016) How Better to Register the Agency of Things. *The Tanner Lectures on Human Values*, 34. Salt Lake City: The University of Utah Press: 79–117. Работа представляет собой публикацию двух лекций, прочитанных 26 и 27 марта 2014 г. в Йельском университете. Перевод на русский язык публикуется с разрешения издательства.

2 Выражением scientific humanities (humanités scientifiques) Латур, начиная с 2000-х, обозначает свою исследовательскую программу в исследованиях наук и технологий, которую он ранее называл антропологией наук, а ее нормативную версию — политической эпистемологией. Эти ярлыки дополняют и обогащают, а не замещают друг друга. В методологическом плане scientific humanities является эмпирической разработкой антропологии наук Мишеля Серра, в которой он посредством понятия перевода связал историю наук и гуманитарные дисциплины. Scientific humanities — набор приемов, которые учат начинать исследование не с автономных Науки и Общества (Политики), а с серии переводов или трансформаций, в ходе которой создаются объективные факты и прочные социальные связи. В терминах этого текста, scientific humanities прослеживают трансформацию списка действий (исполнений, свойств, актантов) в имя объекта (компетенцию, субстанцию, актора) целиком, избегая того, чтобы сосредоточиться лишь на какой-либо отдельной фазе или результате этого процесса. Это позволяет наделить наук и технологии смыслом, понятным неспециалистам, сделать их публичными, т. е. доступными для обсуждения широким кругом публик. Перевод *научные гуманитарные дисциплины* схватывает эту связь между изучением содержания наук и технологий и классическим гуманитарным образованием граждан. Но в онтологическом плане, scientific

Однако после просмотра новой документалки Фредерика Уайзмана «В Беркли» (2014) о повседневной жизни в офисах и аудиториях Университета Калифорнии в Беркли я осознал, что выбрал странное обозначение, так как, согласно этому фильму, оказывается, что наука подвергается атаке так же, как и гуманитарные дисциплины. И, заметьте, атаке не со стороны «социальных конструктивистов», которые отрицали бы надежность ее [науки]¹ выводов, а со стороны администраторов, финансистов и политиков, короче, со стороны перспективы, которую общо называют «оценкой», т. е. нового умонастроения, распространенного в развитом мире, которое перед закрытием департаментов более не думает ни о чем важном, а только о числе опубликованных статей и количестве заработанных денег.

То, что долгосрочная фундаментальная наука может быть поставлена под угрозу так же, как изучение древнегреческого, расшифровка глиняных табличек из Месопотамии или интерпретация метафизики Уайтхеда, может быть радикальным способом устранить знаменитый, чересчур знаменитый, «барьер между двумя культурами». Едва ли я мог подумать сорок лет назад, когда начинал свои исследования науки (или скорее, когда поле исследований науки только начало существовать), что нашей задачей будет не только прорвать барьер между двумя культурами, но и защищать две культуры вместе — культуру Науки так же, как и культуру Гуманитарных дисциплин — от медленной и, кажется, неодолимой формы обскурантизма. Уверен, вы слышали о начавшемся в Италии большом движении за замещение «фастфуда» «слоуфудом», но вы, возможно, не знаете о том, что Изабель Стенгерс, один из лучших примеров исследовательницы двух культур, должна была выступить с призывом к «медленной науке»: «Другая наука возможна! Манифест замедления наук» [Stengers 2013]. Попытка замедлить науки и вернуть их обратно на землю: разве это не превосходное определение гуманитарных дисциплин?

157

humanities также указывает на то, что, с одной стороны, саму человечность нельзя понять в отрыве от наук и технологий, а с другой — сами объекты изучения наук о Земле конституированы последствиями человеческой активности, что схватывается термином Антропоцен. В этом аспекте scientific humanities можно перевести и как *научный гуманизм*, понимаемый как дипломатия, т. е. набор институтов и процедур для разрешения научно-политических споров, игнорирование которых угрожает существованию самого человечества (см.: [Latour 2010]) — *Прим. перев.*

- 1 Здесь и далее за одним исключением в квадратных скобках указаны небольшие дополнения к тексту, сделанные переводчиком, чтобы сделать его удобочитаемым на русском языке. Скобки, в свою очередь, позволяют четко разграничить то, что можно обнаружить в оригинальном тексте и то, что было добавлено в него при переводе — *Прим. перев.*

Открывая третий фронт против исследований (scholarship) в широком смысле, то, что можно назвать манией отчетности, аудита и оценивания (по очевидным причинам я не решаюсь назвать ее третьей культурой), открывает новые возможности для всех тех исследователей (scholars), вне зависимости от их области, которых этот набор практик стремится задушить. Я хочу сказать, что сейчас, когда науки и гуманитарные дисциплины на одной стороне, сопротивляться этому смертельному тренду может быть легче. По крайней мере, [возникают] те возможности, которые я постараюсь подчеркнуть вместе с вами.

Агентность один: семиотика

Именно с помощью понятия «агентность» я перегруппировал некоторые из выводов, полученных мной в результате работы в исследованиях науки: отсюда название «Как лучше регистрировать агентность вещей». [Первая лекция] Агентность один касается семиотики, т. е. траекторий значения. [Вторая лекция] Агентность два будет касаться более трудного аспекта, а именно онтологии, или, вернее, «онтономии» (не автономии), т. е. пересечения того, что есть, и того, что должно быть, составления правил того, что есть. Я постараюсь говорить так, как если бы было возможно изобрести общий язык для тех, кто думал, что они находятся в двух разных и преимущественно противоположных лагерях, пока они не подверглись одним и тем же атакам с третьей стороны, склонной закрыть все центры научения. Таким образом, это [попытка изобрести общий язык] — упражнение в дипломатии: можем ли мы объединиться, чтобы противостоять новому врагу?

Чтобы удостовериться, что вы не возлагаете слишком много ложных надежд на то, что я собираюсь сказать, позвольте мне предостеречь вас вначале этой цитатой из Уайтхеда: «Критическая школа ограничивается вербальным анализом в пределах словаря. Спекулятивная школа апеллирует к непосредственной интуиции (insight) и старается показать ее значение путем дальнейшей апелляции к ситуациям, которые способствуют таким специфическим интуициям. Она, следовательно, расширяет словарь. Расхождение между школами — это ссора между безопасностью и приключением» [Whitehead 1938: 173].

Давайте «расширим словарь», немного замедлившись и беззастенчиво спекулируя. Если есть нечто общее у науки и гуманитарных дисциплин, то это привычка перемещаться взад и вперед между «актантами» и «актерами». [Слово] *актант* является частью семиотического жаргона, и я согласен, что оно может отпугнуть тех, кто обучен естественным наукам. Но как практика, она [эта

привычка] является довольно общим движением: все сущности, которыми манипулируют ученые, начинаются как списки действий и позднее медленно срастаются в имя объекта, который резюмирует или стабилизирует их для восстановления (retrieval) в дальнейшем.

Несмотря на то что так каждый день совершаются открытия, это настолько тривиальная трансформация, что она исчезает из виду, как только совершается. Например: эпизод один — хлопковый тампон сначала впитывает воду; затем, эпизод два — его называют «гидрофильным». Разница между двумя эпизодами (помимо использования часто исковерканной греческой этимологии!) в том, что впитывание воды — это действие, исполненное на каком-то лабораторном столе с каким-то материальным приспособлением какими-то людьми, которые еще не знают, каковы «свойства» изучаемого материала, тогда как «гидрофильный хлопок» — это хорошо познанная субстанция, одним из атрибутов которой является свойство впитывания воды.

Если снова использовать язык семиотики, то первое — это *исполнение* (вы не можете дедуцировать, что это такое, на основе медленной регистрации того, что оно действительно делает), а второе — *компетенция* (из того, чем оно является, вы можете заключить о том, что в будущем оно будет способно сделать то или это).

159

Различие между субстанцией и атрибутами можно сформулировать на философском наречии, но на этой стадии важно использовать это различие как *темпоральную* метку и всецело *практическое* различие: то, что во время t было именем действий, перечнем компетенций, экспериментом, сделанным людьми, не осведомленными о том, с чем они имеют дело, позже, во время $t+1$, становится именем субстанции, наделенной атрибутами. Хотя понятие субстанции можно попросить сыграть роль того, что лежит «под» свойствами, оно также, в более обыденной форме и в зависимости от того, как вы играете с этимологией слова *субстанция*, может означать то, что продолжает существовать (subsist) после стабилизации во всем снаряжении «мыслительного коллектива» (если использовать терминологию Людвига Флека) [Fleck 1935 (1981)]. Прежде чем оно превратится в философскую головоломку, с понятием «открытие» следует обращаться как с индексом темпоральной траектории от списка свойств к «перекрывающей» (covering) их субстанции во время $t+1$. (*Покрывтие* (recovery)¹ компетенции с помощью исполне-

1 Решение переводить слово «recovery» как *покрывтие* требует пояснения. Поскольку в тексте явно идет речь о том, что происходит впервые, о том, что принято называть открытием, при переводе из семантического поля

ний может быть лучшим термином для того, что обычно называют *открытием*.)

Гидрофильный хлопок слишком тривиальный пример, чтобы убедить кого-либо в вездесущности этого феномена быстрой трансформации свойства в атрибуты. Поэтому позвольте мне вместо этого

глагола «*recover*» были исключены все значения, связанные с повторным действием: *восстановление*, *возвращение* и т.п. Кроме того, в тексте есть слово «*retrieval*», связанное с «*recover*», которое разумно переводить именно как *восстановление*. Согласно толковому словарю Мерриам-Уэбстер (см.: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/recover>) у глагола «*recover*» есть ряд других значения. Во-первых, были рассмотрены значения *спасти от утраты* (to save from loss and restore to usefulness) и *получить окончательное судебное решение в чью-либо пользу* (to obtain a final legal judgment in one's favor). Эти значения частично удовлетворяют целям перевода. Латур говорит о том, что ученые борются за спасение актантов от несуществования и, в случае успеха, по сути, выносят оправдательные вердикты в их и в свою пользу. Но эти значения слишком латентны и неартикулированы в тексте. Во-вторых, были рассмотрены взаимосвязанные значения *взыскать* (to gain by legal process) и *извлекать* (to obtain from an ore, a waste product, or a by-product). Перевод *извлечение* (взыскание можно считать его сильно юридически окрашенным синонимом) кажется, на первый взгляд, подходящим. Очевидно, Латур продолжает здесь устойчивую в его творчестве тему анализа практик мобилизации и аккумуляции следов в одном месте (см. [Латур 2013]). Часть этого процесса — практики формализации и абстракции как серии извлечений или экстракций и дистилляций. Другая часть описывается в терминах (в том числе и в этом тексте) — резюмирования (summarizing), упаковки в черный ящик, сборки и др. Но нужно сохранить корень «крыт», чтобы пара *discovery/recovery* считывалась как противопоставление. Чтобы это сделать, можно использовать глагол «раскрывать». Компетенции раскрываются (т. е. извлекаются путем резюмирования) через список исполнений. При подстановке в текст такой вариант звучит приемлемо. Однако глагол *раскрывать* очень близок к глаголу *открывать*. Семантическое смещение, которого пытается достичь Латур, тогда почти полностью аннулируется.

Поэтому я остановился на другом переводе, который не столько вытекает из стандартных значений *recover*, сколько схватывает важную мысль в тексте: необходимо удерживать связь между именем объекта (компетенцией, субстанцией, актором) и списком его действий (исполнениями, свойствами, актантами). Другими словами, нужно укрывать (как одеялом или одеждой) компетенцию исполнениями и обеспечивать возможность вернуться (*retrieve*) от имени объекта к списку его действий. Это также устойчивый троп у Латура [Latour 1989: 101-28]. Но слово укрывать имеет слишком явную и ненужную коннотацию сокрытия. Поэтому я выбрал слово *покрывать*. При подстановке в текст оно звучит не так натурально, как раскрыть, но и не слишком «экзотично». Кроме того, оно сохраняет корень «крыт» и смысл, описанный выше. Наконец, поскольку слово *покрывать* оказывается занято, то я перевожу *cover* как *перекрывать*. — Прим. перев.

обратиться к общему месту в исследованиях науки [Pickering 1992]. Как некоторые из вас, возможно, знают, Гарольд Гарфинкель и его коллеги проанализировали куда более красивый и фундаментальный пример, когда им выпала возможность прослушать аудиозапись открытия оптического пульсара Коком, Диснеем и Тейлором [Garfinkel et al. 1981]. «Мы хотим дать отчет (report) об открытии 16 января 1969 г. в 3 ч. 30 мин. по всемирному времени (UT) сильных оптических импульсов от пульсирующего радиоисточника NP 0523 в Крабовидной туманности». Благодаря крайне редкой удаче в это самое время в обсерватории был включен магнитофон так, что была записана быстрая трансформация доказательного утверждения («оно», т. е. исполнения) в описательное утверждение («это», т. е. компетенцию)¹.

Дисней: (Сейчас у нас просматривается форма)

(0,4)

МакКаллистер: Ну::,

(1,0)

МакКаллистер: (Она) примерно такая, какую я видел в той части неба вон там, если чес'но².

(0,5)

МакКаллистер: На той(ий) сторо(хх)не неба славный про(хх)вал.

(0,5)

МакКаллистер: Я опущу пониже.

(2,5) ((звук машины — вероятно, переключателя усиления))

Дисней: У нас тут чертов пульс.

(2,0)

Кок: Э::й!

(4,5)

Кок: У::х ты.!

(1,2)

Кок: Думаешь, это действительно оно, да?

(2,0)

Кок: Бы::ть не может.

Дисней: Это прямо импульс в середине периода. (Смотри), то есть прямо импульс в середине (шкалы::).

(0,8)

Дисней: (Отсюда) пока действительно кажется, что что-то есть.

(Мне)

(0,8)

Кок: Хмм:!

161

1 Эти термины были предложены Альфредом Нортон Уайтхедом в книге *Понятие природы* [1920] в примере с клеткой льва (Р. 7ff).

2 Я благодарю Андрея Корбута за помощь в переводе этого и следующего фрагмента разговора между Коком, Диснеем и МакКаллистером. См. об обстоятельствах открытия пульсара на сайта Американского института физики: <https://history.aip.org/exhibits/mod/pulsar/pulsar1/01.html> — Прим. перев.

(3,0)

Дисней: (И) оно еще растет.

(Эй)

(1,0)

Дисней: Оно еще немного растет сбоку.

Этот редкий пример представляет большой интерес, потому что Гарфинкель, Линч и Ливингстон в мельчайших подробностях изучили (и одному Богу известно, насколько кропотливой может быть этнометодология!) метаморфозу от прогонов на экране обсерватории к тому, что они назвали «независимым галилеевым пульсаром». *Галилеев* — это ключевой термин, индексирующий метаморфозу от «оно» к «это», от имени удивительных действий к тому, что является субстанцией позади или вдобавок к этим атрибутам. Две стадии разделяют несколько минут. То, что было зависимым («оптически открытый пульсар»), стало полностью «независимым» в очень специфическом режиме установления научных референциальных путей, который я для краткости называю референцией (REF):

1. Пульсар изображается как причина всего, что видят и говорят о нем.
2. Он изображается как существующий до и независимо от любого метода его обнаружения и всякого способа говорить о нем.
3. Технически детализированные феномены пульсара сделаны анонимными благодаря тому, что Кок и Дисней находятся в их присутствии в качестве свидетелей и авторов [Garfinkel et al. 2011: 218].

Восхитительное достижение этой статьи (известной как астрономам, так и социологам науки) в том, что авторы не упускают из виду ни одной точки темпоральной траектории, чтобы зафиксировать такую метаморфозу: как только второй прогон вносится в отчет (accounted as) как «подобный» первому удивительному прогону, то активные, страстные, всецело воплощенные открыватели уже уверены, что столкнулись не с артефактом, и они с радостью пересказывают к выводу, что пересеклись с субстанцией, обладающей в качестве одного из своих атрибутов способностью оставлять след на их экране. То, что продолжает существовать благодаря их работе, теперь где-то там снаружи. Их наивные и трогательные возгласы в тот момент, когда они осознают, что феномен обладает таким постоянством, доказывают, насколько они осведомлены о том, что находятся на пересечении двух траекторий, движущихся в одном и том же направлении: траектории их терпеливой работы в лаборатории и траектории пульсирующего оптического сигнала, который теперь устойчиво фиксируется посредством различных институтов астрономии.

2. Наблюдение № 18

Дисней: Это исторический момент.

...

Кок: Я надеюсь, что это исторический момент

...

Кок: Мы узнаем, когда получим другое показание и, эм, если этот — (0,4)

Кок: зубец (там) опять прямо посередине, видите, он прямо посередине —

...

Кок: Этот зубец прямо посередине, и это меня пугает.

Нам понятно их возбуждение; они могут гордиться тем, что сделали: отныне существуют оптические пульсары и существуют открыватели таковых. Новое качество мира было покрыто и зарегистрировано при условии, что фронт ударной волны, частями которого стали и открыватели, и «их» оптический пульсар, продолжает расширяться во времени и пространстве. Как для открывателей, так и для открытия время играет существенную роль.

Прежде чем мы далее исследуем то, что я называю «метаморфным» качеством такого события, я хочу подчеркнуть, что переключение (shift) от исполнения к компетенции может предложить общее место, совместно используемый словарь, для науки и гуманитарных дисциплин. По сути, его можно использовать стилистически, чтобы отличить статью в естественных науках от текста по литературе или критической теории. Когда большая часть акторов, мобилизованных в нарративе, *не* познана заранее, вы должны сделать их знакомыми читателю путем [описания] мельчайших деталей их поведения. Только после того, как вы собрали достаточное количество этих поведений, возникает возможность резюмировать их действия с помощью стенографии их имени. Агентность добавляется к действиям. Научные статьи решают этот вопрос нехватки знакомства, прибегая к самым элементарным особенностям восприятия — например, в случае пульсара, показывая в тексте сам граф импульса, оставленный тем, что начало срастаться в действие оптического пульсара.

Несмотря на то что вам нужно много учиться, чтобы интерпретировать легенду к этому слайду, вам нужны лишь самые элементарные когнитивные навыки, чтобы определить зубец. И голубь сможет это! Таким образом, в естественных науках есть прямая связь между нехваткой знакомства с актантом, требующим покрытия, и простотой перцептивных суждений, которые должен сделать читатель. Или, скорее, я должен сказать, что то, что мы называем «естественная наука» — это зачастую осознание того, с чем вы столкнулись, всякий раз, когда читаете статьи, построенные на такой большой разнице между видимым и непознанным.

Вот откуда берется относительная непрозрачность научной литературы: вы постоянно должны прибегать к элементарным восприятиям, чтобы достичь знакомства с сущностями, которые до этого не имели обыкновенного присутствия в мире. Невидимое и далекое медленно строится из последовательных слоев изумительно простых перцептивных суждений, которые должны быть собраны один за одним с как можно меньшим разрывом между каждым из слоев. И, конечно, как всем нам до боли известно, разрыв никогда не бывает столь мал, чтобы мы не рисковали собрать артефакт, а не раскрыть (uncovering) факт. Верно то, что покуда сборка не завершена и слои не сшиты гладко, вы не получите инверсию от имени действий к агентности. Набор атрибутов остается пазлом, готовым упасть со стола или стаяй воронов, готовых разлететься.

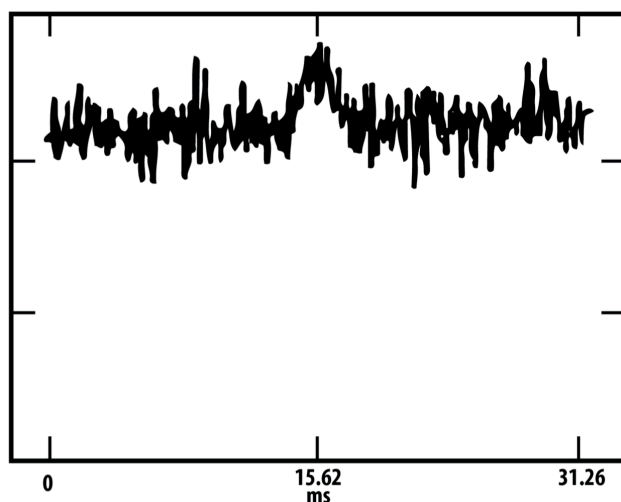

Рисунок 1¹. Первый импульс наблюдался на экране компьютера средних переходных величин (САТ), 16 января, 1969, 3 ч. 30 мин. UT, с дугой диафрагмы 22 и накоплением в 5000 периодов. Масштаб амплитуды произвольный. Последние 2 мс периода импульсов не поглощены САТ.
Источник: [Garfinkel et al. 1981 (2011)].

Эта встроенная непрозрачность научной литературы усугубляется множеством феноменов, обозначенных сокращениями, которые нужно было предварительно покрыть, чтобы выявить новые восприятия. Эти «черные ящики», как мы их называем, обозначаются специальными терминами и зачастую, и во времена еще бо-

1 В публикации на английском языке подписи к рисункам 1 и 2 перепутаны местами — Прим. перев.

лее маниакального [следования принципу] «публикуй и погибай», аббревиатурами разного рода. «Импульсы наблюдались 16, 17, 18 и 20 января (УТ) с помощью 36 дюймового f/5 отражающего телескопа Обсерватории Стюарда и фотоумножителя IP21. Они наблюдались в реальном времени на катодно-лучевой трубке 400-канального компьютера средних переходных величин (САТ). САТ складывает последовательные циклы формы сигнала пульсации, совпадающие по фазе» [Ibidem].

В подобном предложении нет ничего особо неясного или даже сложного, кроме как для таких, как я, кто не знаком с тем, из чего состоит «отражающий телескоп» или «фотоумножитель» IP21 или САТ. Впечатление сложности возникает из-за невежества. (Конечно, я могу научиться тому, что означают эти элементы, но тогда я должен был бы, в отношении каждого из этих терминов, пройти от имени объекта к каждому из его имен действий, от того, что он есть, к тому, что он делает. Вот что значит научение: обратить вспять движение, превращающее их в сущности.) В этом смысле черный ящик никогда не бывает по-настоящему черным; он просто сделан из полутражающего покрытия, непрозрачного для новичков и прозрачного для специалистов. Точнее, та легкость, с которой пробегаете глазами множество уже знакомых вам черных ящиков — или проскакиваете их, когда торопитесь, — определяет вас как специалиста, которому адресована эта статья о пульсарах.

165

Все это довольно хорошо известно, но что не так часто подчеркивают, так это то, что для тех, кто пишет в гуманитарных дисциплинах и социальных науках, ситуация точно такая же, хотя и перевернутая. Специфическая непрозрачность их отчетов происходит из тяжелой работы, которую им нужно проделать, чтобы противодействовать знакомству, которое, по убеждению их читателей, дает им доступ к персонажам, действующим в нарративе. Если я, например, пишу статью о капитализме, читатели не замедлятся и не будут озадачены так же, как могли бы, услышав о «сильных оптических импульсах от пульсирующего радиоисточника NP 0523 в Крабовидной туманности». Они ускорятся и начнут наделять сущность «капитализм» огромным количеством атрибутов, как если бы они могли «дедущировать» их из его предшествующего существования. Чтобы замедлить читателей, нам придется умножать пугающие кавычки и писать длинные, да, часто извилистые пассажи, до тех пор пока не достигнем того же состояния озадаченности, что и естественные ученые, пораженные удивительным зубцом, сделанным пишущим устройством на экране их инструмента. Как далеко нам нужно спуститься, слой за слоем, к элементарным особенностям действий, прежде чем можно будет по кирпичикам заново построить разумное и реалистичное определение капитализма?

И, возможно, концепт целиком — это артефакт, который нужно, как они говорят, «деконструировать», прежде чем он будет полностью замещен и пересочинен (recomposed). И подумайте о том, что потребуется, чтобы разобраться с пачками импровизированных концептов, таких как «гендер» или «Франция».

Когда естественные ученые, забывая о непрозрачности своих текстов, высмеивают непрозрачность множества наших работ, то это потому, что они не осознают, насколько им с их непротестированными претендентами (claimants) на существование легче — о, намного легче! — достичь дистанции и нехватки знакомства, которые мы в наших областях должны порождать сущим упрямством и кропотливыми расследованиями, работая с такими же, как и у них, искусственными устройствами в наших плохо оборудованных лабораториях (я имею в виду наши студии и библиотеки).

Я помню, как Роже Гиймен, мой ментор в период написания книги *Лабораторная жизнь* [Latour, Woolgar 1986], жаловался, что «наука — это не самоочищающаяся духовка» и что его область, нейроэндокринология, была обременена многими притязаниями (claims), которые были «даже не ошибочными» (одно из его любимых выражений) и которые у него не было ни времени, ни терпения «деконструировать» (последнее слово не было частью его вокабуляра: он был совершенно допостмодерным!). Но как мы можем писать прозрачно и прямо, когда обнаруживаем так много концептов, сущностей, определений, нуждающихся в реконструкции? Естественные ученые [пишут] непрозрачно, потому что покрывают новые феномены, мы — непрозрачно, потому что должны покрыть новизну множества старых феноменов. Общее то, что все мы населяем мир сущностями, к которым прикреплены — или в нашем случае *переприкреплены* — длинные серии действий, из которых они происходят или к которым ведут. Таково, как мне кажется, общее пространство, занимаемое наукой и научением. Назовем это двойное движение «исследованием» (scholarship), чтобы перекрыть оба термина: никакого имени объекта без имени его действий, никакой компетенции без ее исполнений, никакого прагматона без того, что он делает (переформулируя в несколько иной форме определение прагматизма Уильяма Джеймса) [James 1907 (1975)].

Именно присутствие этой общей почвы (common ground) между различными областями исследования позволяет археологу, специализирующемуся на изучении каменных орудий культуры Кловис, понять, что увлекает инженера наноматериалов или почему антрополог [племени] Анга в Новой Гвинее проведет десять лет, реконструируя их ритуалы инициации с той же педантичной страстью, что и астрономы, с которыми мы только что встретились. Это делает их частью одного и того же *университета*. Не потому, что их находки

подобны, не потому, что они неопровержимы, не потому, что они «универсальны», но потому, что они разделяют одну и ту же фундаментальную черту: когда есть агент, то можно полностью восстановить список поведений, сочиняющих эту агентность.

Поразительно то, что чем формализованнее некоторая область, тем будет заметнее, что компетенции и исполнения будут склеиваться без разрыва. Если есть определение математических объектов, разделяемое какой угодно философской позицией, к которой вы можете быть склонны, то оно состоит в том, что эти объекты полностью описуемы тем, что они делают. Математические объекты, так сказать, *рождены прагматическими* в том смысле, что они ведут себя именно так, они были определены (ну почти) так, что то, что означает субстанция, и то, что означают атрибуты, полностью обратимо. Множество маленьких разрывов, которые нужно зашить и медленно сгладить, чтобы сделать объект повседневного мира (такой как оптический пульсар), не такое докучливое в случае формальных сущностей, поскольку их поведение, как говорят, «полностью диктуется» их определением. Конечно, есть множество разрывов [Rotman 1993] (если бы не было, то доказательство (demonstration) ничего не давало бы), но всегда можно перепрыгнуть через каждый из этих разрывов после того, как вы вернулись по пройденному вами пути, не опираясь на какую-либо другую сферу. Никто не показал это лучше, чем Ревиль Нетц на величественном примере греческой геометрии, проследив, как это «чудо» — иначе и не назовешь — стало возможным благодаря открытию очень специфичной скриптовизуальной процедуры. «Поэтому я полагаю, что одна часть ответа на вопрос “почему обоснования (proofs) в греческой математике такие, какие они есть” состоит в том, что обоснования отделены от более широких дискуссий так, что их структура полностью автономна. Занимаясь математикой, не занимаются больше ничем. Вместо многомерной структуры интересов и импликаций естественного дискурса, греческая математика абстрагирует математические отношения. Это, пожалуй, очевидно для науки, но у греческой математики не было предшествующей ей науки, которой можно было бы подражать в этом отношении» [Netz 2003: 214].

«Занимаясь математикой, не занимаются больше ничем». К сожалению, именно этим Платон не ограничил свои занятия, отсюда и изобретение, по Нетцу, формалистского определения формализма, породившего столько путаницы в философии и политике [Latour 2008: 441-59]. Формализм дает огромное преимущество, но это не сильно отличает его от того, что делается в других областях исследования: просто формализм одновременно и легче (никакой компетенции без исполнения), и тяжелее (вы должны придерживаться пути доказательства (demonstration), шаг за шагом, не соскакивая

в любой момент, чтобы использовать другой источник информации в случае разрыва в цепочке). Это приводит к огромным различиям в навыках, но не к несовместимости между сферами. В этом смысле формализм — это тоже исследование.

Такая общая почва представляется мне реалистичней обычного разделения между «нотетическими» и «идиографическими» дисциплинами, или более изысканного различения Яном Хакингом разных «стилей рассуждения» [Hacking 2002: 1-14]. Действительно ли существует такая оппозиция между науками о природе и науками об интерпретации? Я повсюду следовал за учеными в течение со-рока лет и ни разу не видел ни одного, которому не нужно было бы интерпретировать множество разрозненных следов, которые были собраны, чтобы превратить набор исполнений в компетенцию. Ни один исследователь не дедуцирует как робот. Таким образом, все ученые — братья и сестры экзегетики, матери всех интерпретативных навыков (бабушкой является то чтение тонких следов, за которым антрополог Тим Инголд так умело научил нас следовать) [Ingold 2007]. Исследование и интерпретация — вот из чего должен состоять университет.

168

Что заставляет верить исследователей, что они находятся в разных лагерях, так это то, что их работы непрозрачны друг для друга. Правда, что все эти различные формы непрозрачности могут быть раздуты: специальный жаргон рискует разрастись либо из-за ненужного умножения аббревиатур и греко-латинской тарабарщины, либо из-за умножения абзацев и игры со словами и этимологиями и нелогичными замечаниями, либо из-за навязывания бесполезного формализма, когда он не нужен. Но даже над этим не нужно издеваться, потому у наших общих противников, помните, у тех, кто хочет избавиться от всего, что их замедляет, на уме лишь *одна* модель: они уже знают, из чего сделан мир (кому нужны новые агентности!) и как зарегистрировать их [этих агентностей] поведение (клише вполне справятся с этой задачей, неproblemатично и моментально перенося их значения на другой конец планеты). Питаемые этим источником энергии, который я называю «Двойной Клик», они думают на скорости света. Не нужны пугающие кавычки, не нужны новые инструменты, не нужна литература, не нужны гуманитарные дисциплины, не нужна критическая экзегетика. «Не крохоборствуйте».

Боюсь сказать, что все мы, те, кто работает в лабораториях, так же как и те, кто работает в библиотеках, — крохоборы. Собираение того, что зачастую мало как крошка¹ — это единственный способ удосто-

1 В оригинале Латур использует выражения «to split hairs» и «hairsplitter» и в идиоматическом значении (спорить о мелочах, крохоборствовать),

вериться, что позади концептов и сущностей — субстанции — сохраняется длинная серия свойств, делающих их существующими, а не наоборот. Никогда не встречал актора без его сетей. Вы можете упаковать их в черный ящик, но черный ящик — это не клише. Содержание черного ящика полностью подотчетно, если использовать термин Гарфинкеля, что в дополнение к философии расследования (inquiry) является этикой исследования (research) [Garfinkel 2002]. Так что, похоже, наш *лозунг* (mot d'ordre) против угрозы двум культурам должен быть таким: «Крохоборы всех дисциплин, объединяйтесь!»

Прежде чем возобновить мои усилия по сбору еще большего количества крох, я хочу дать вам возможность [воспользоваться] небольшой шпаргалкой, чтобы удостовериться, что вы все еще со мной. Я использую старый пример, предложенный Франсуазой Бастид, физиолога, ставшей семиотиком греймасовской школы, работа которой о внутреннем механизме научной статьи была очень важна для меня и заслуживает большей известности. Тест довольно прост: можете ли вы определить, что общего у этих двух абзацев? [Latour, Bastide 1986].

[3] Процессия медленно продвигалась по извилистым улицам старого города. С высоты колокольни я легко мог различить маленьких скаутов, музыкантов и Сынов Франции, и людей из церковного совета, несших балдахин. Толпа выстроилась вдоль каждого тротуара, и хотя большинство из них были лишь воскресными прихожанами, они тихо слушали, как проходили молясь Дочери Марии. Однако я заметил, что на каждом перекрестке скауты, которым не терпелось заморить червячка в штабе капеллана, с трудом пробивались сквозь праздношатающихся. Они переходили с одной улицы на другую, срезая углы [в движении] процессии, а затем рассеивались в направлении увеселительной ярмарки. Двигаясь от главных улиц к аллеям, процессия теряла своих детей или мало-помалу сточилась до ядра благочестивых, но немолодых душ.

[4] Изложенные результаты отлично объяснимы, если принять гипотезу, что стенки сосудистых и мочевых «шпилек»¹ гораздо более проницаемы для воды, чем для натрия. Это привело бы к противоточному водообмену между восходящей и нисходящей ветвями. Если стенки протоков более проницаемы для воды, то «поперечная диффузия» должна вызывать переход части меченых молекул воды, циркулирующих в нисходящих ветвях, в восходящие ветви путем обмена на каждом уровне.

и в буквальном значении (расщепление волос). Чтобы сохранить это переключение между переносным и буквальным значением, я перевожу «to split hairs» и «hairsplitter» как «крохоборствовать» и «крохоборы», а образ расщепления волос заменен образом собирания крошек. — Прим. перев.

- 1 В русскоязычной литературе такие сосуды называются U-образными петлями — Прим. перев.

Уверен, вам не составило труда сдать этот маленький экзамен: верно, два разных нарратива, но один древовидный граф действия. Тогда как в первой истории, на извилистых улицах моего родного города Бон, в Бургундии, медленно концентрируются благочестивые души «Дочерей Марии»; во втором — за счет противотока в «шпильках» почек хомяков медленно концентрируется натрий. В первом абзаце на каждом перекрестке утекают маленькие скауты, тогда как во втором — радиоактивно помеченная вода. За явной разницей между некоторыми эпизодами из юности писателя и серьезной научной статьей прослеживается общий набор сил.

Вот где различие между актантом и актором становится видимым. Внешне нет никакого сходства между городом и почкой, но если рассмотреть более глубокое движение постепенной концентрации посредством своего рода восходящего и нисходящего механизма, они [город и почка] могут обрести альтернативные фигуры. И дело даже не в том, что второй [абзац] можно было бы считать более эзотерическим, чем первый, потому что если верно, что «поперечная диффузия» может быть термином, известным лишь физиологам (а также водопроводчикам, поскольку они многое знают о противотоках в теплообменниках!), то я уверен, что никто из вас не имеет представления о том, что может означать [термин] «Сыны Франции» — что до «Дочерей Марии», то это, я боюсь, весьма локальная и к настоящему времени полностью исчезнувшая религиозная ассоциация моей юности.

170

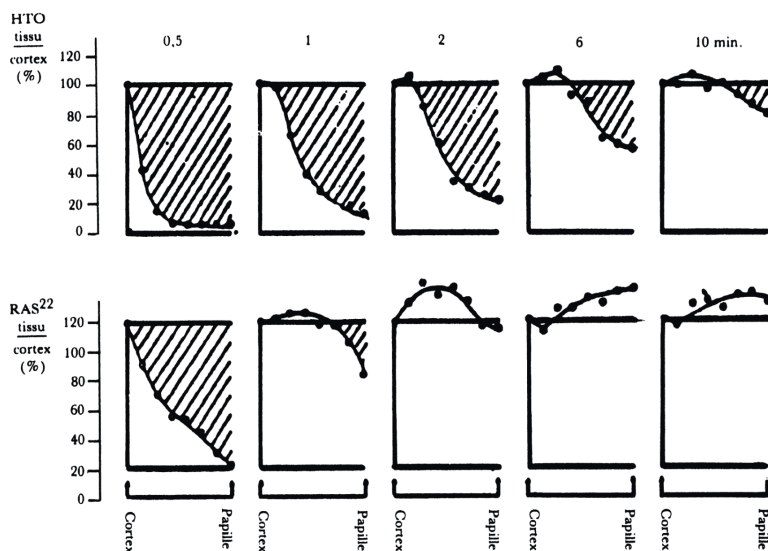

Рисунок 2. Оборот воды и натрия, с течением времени, в различных отделах почек (перерисовано с оригинала).

Ось абсцисс: разные отделы почки, определенные в таблице 1.

Ось ординат — *сверху*: радиоактивность воды в тканях (имп./мин/мг), выраженная в процентах от радиоактивности в кортексе; *внизу*: удельная радиоактивность натрия (имп./мин/мкг Na), выраженная в процентах от удельной радиоактивности в кортексе. Цифры в верхней части рисунка обозначают для каждой кривой временной интервал (мин) между введением изотопов и удалением почки.

Источник: [Latour, Bastide 1986].

Конечно, между двумя нарративами есть ключевая разница, хорошо подчеркнутая Бастид: делегированный автором наблюдатель на колокольне наделен способностью рассматривать феномен целиком как один непрерывный отрезок, тогда как физиолог должен реконструировать во времени поток натрия в почке путем сохранения следов множества последовательно убитых хомячков и реконструкции виртуальной судьбы одной натриевой процессии по набору стоп-кадров, снятых через разные интервалы [Bastide 1990: 187-230]. Преимущество писателя первой истории в том, что нам нетрудно вообразить движение процессии (мы опираемся на схожие примеры, даже не зная город Бон), тогда как писатель второй истории должен сделать так, чтобы читатель вообразил сглаженный процесс на основе последовательности отдельных изображений, которые должны быть показаны в таблице. Здесь мы опять замечаем, как и в случае оптического пульсара, что всякий раз, когда феномен невидим, единственный способ зарегистрировать его — это прибегнуть к еще более простым перцептивным суждениям и набору простых конвенций (чтению кадров слева направо, как в комиксе; соединению точек и сравнению различных областей). В случаях процессов и процессий движение воображается: без вымысла никакая наука не была бы возможной.

Этот небольшой пример может показаться слишком тривиальным, но я прошу вас принять его в качестве простого указателя, обозначающего под с виду огромным различием между, скажем, наукой и литературой, объективным утверждением и нарративами, нечто еще, что я называю, за неимением общепринятого термина, *метаморфной зоной*, из которой возникают все агентности. На моем жаргоне приставка *мета* означает просто, что в дополнении к антропоморфным персонажам (скаутам, Дочерям Марии) и физиоморфным персонажам (противоток, натрий, радиоактивно помеченная вода) есть нечто еще, что определяет их роли и распределяет их движение, нечто, что должно работать прежде этого разделения и от чего всегда зависит форма — отсюда слово *морфный* — вещей, о которых ведется повествование. Далее в лекции я постараюсь изложить это понятие точнее.

[Слово] *метаморфный* также обозначает место, локус, преобразователей (changers) формы, тех, кто способен переключать по кругу роли и фигуры и наделять формой феномены, к которым они обращаются — или, точнее, которые пересекают их [Latour 2011]. К сожалению, у нас есть только аудиозапись открытия оптического пульсара, но еще показательнее было бы иметь видеозапись их жестов. Когда ученые объясняют, что они делают — и все равно, говорят ли они о математических объектах, естественной науке, социальных науках или гуманитарных дисциплинах, — их жесты обозначают именно тот локус, где совершенно разные регистры обмениваются своими свойствами. Как сказал Патрик Блэккетт: «Экспериментальный физик — это мастер на все руки, разносторонний, но непрофессиональный ремесленник. Он должен выдувать стекло, точить металл, плотничать, фотографировать, прокладывать электрические цепи и владеть всевозможными гаджетами; образование инженера может оказаться для него неоценимым, и он всегда может извлечь выгоду, используя свои таланты математика. Такой деятельностью он будет заниматься три четверти своего рабочего дня. В остальное время он должен быть физиком, т. е. должен культивировать близость с физическим миром» [Blackett 1933: 67-96].

172

Ученые за работой принимают на себя, буквально на свою плоть, пересекающие их силы, для которых не было бы имени, если бы [ученые] не делали так, чтобы они действовали. Они становятся черными дырами, древними империями, экзотическими ритуалами, глубокими концептами — или, точнее, они дают этим сущностям агентность, которой у них не было бы, если бы они не создавали это место обмена [свойствами] [Coormans et al. 2014]. Вот почему я никогда не думал, что [понятия] объективности и субъективности могут наделить смыслом научное открытие.

Удивительно, но это место обмена еще заметнее, когда ученый не может сделать какого-либо жеста, ни даже говорить, как Элен Миале показала в ее исследовании физика Стивена Хокинга, заключенного в своем кресле-каталке [Mialet 2012]. В его случае даже «жест в направлении черной дыры» возможен только благодаря активации обширной организации инструментов, синтезаторов речи, медсестер, врачей, помощников и переводчиков, соединяя, таким образом, в одну сущность тело активного ученого и институт науки, отсюда и название ее книги *Хокинг инкорпорейтед*. Самое нематериальное и самое материальное сплавлены вместе; между собой связаны самый большой космический порядок и самый маленький офис в Кембридже. Это красивый пример фронта ударной волны, с которым мы уже встречались.

Проблема в том, что очень трудно сосредоточить внимание на этой метаморфной зоне, не теряя ее из виду. Вдобавок я пре-

красно понимаю, что слово *нарратив* и, что еще хуже, фраза *рассказывание историй* не пройдут проверку у естественных ученых, даже если они принимают такие термины, как *интерпретация*, *экзегеза* и *исследование*, которые я предложил в качестве общего зонтика для всех дисциплин, собранных в университете (то есть университете крохоборов...). Как только сущность была трансформирована в субстанцию — а именно, как только произошло ее переключение и перевертывание от имени действий к имени объектов, от «оно» к «это», от «исполнения» к «компетенции» — то сразу же субстанция расходится во времени и пространстве и теперь ее невозможно соединить с ее открывателями (за исключением тех случаев, когда к ним обращаются, чтобы обналичить призы и награды...). Вот что Гарфинкель закодировал словом *галилеев* [пульсар], хотя слово *платонов* указывало бы на ту же самую трансформацию.

Это деликатный переход (*passage*), и я прошу вас проявить терпение: редукционизм может означать как минимум две разные вещи: одна — это *редукция* субстанции к ее атрибутам; другая — *замещение* атрибутов субстанцией. Два значения ведут в совершенно разных направлениях. Редукционизм в первом значении — это общее свойство всех дисциплин исследования: всякий раз, когда у нас есть агентность, мы должны быть способны восстановить набор действий, из которых она возникла в качестве агента. Вот что значит выражение «быть подотчетным», и опять-таки это также то, что Джеймс определил как главный принцип прагматизма. Это верно для такого странного понятия, как «различание» из жаргона Деррида, а также для множества путей, которыми может действовать ген, или для определения бозона Хиггса. Вам нужно показать, что оно делает, если вы хотите сказать, чем оно является. Мы называем исследователями или учеными тех, кто способен описать через их атрибуты (т.е. через некоторого рода испытания) агентности, которыми они населяют мир.

Проблема в том, что редукционизм, теперь уже во втором значении, прямо противоположен этому: стоит только вам овладеть агентностью, вы можете почувствовать, что теперь вам позволено полностью избавиться от связывания ее со списком действий, для которого она более не резюме, а источник. В первом значении редукционизм — слава всех наук; во втором — это проклятье науки, породившее то, что часто называют «научным мировоззрением», и отбившее у многих людей охоту заниматься исследованием (*research*). Одно значение делает вас, так сказать, «друзьями интерпретируемых объектов» [Тамен 2001]; другое делает вас тем, кто думает, что от задачи описания можно избавиться. В одной версии вы полностью подотчетны; в другой вы более не подотчетны.

В известном предложении из книги *Понятие природы* Уайтхед требовал, чтобы мы различали два значения редукционизма, когда говорил, что: «Для натурфилософии все воспринимаемое есть в природе. Мы можем не перебирать. Для нас красное свечение заката должно быть такой же частью природы, как молекулы и электрические волны, которыми люди науки объяснили бы феномен. Именно натурфилософия должна анализировать, как связаны между собой эти различные элементы природы» [Whitehead 1920: 29].

Если мы «можем не перебирать», то это потому, что регистрация одного феномена не может элиминировать из мира регистрацию любого другого: после того, как «красное» путем обратной инженерии было трансформировано в «электрические волны», «свечение заката» *все еще там*, со всеми своими свойствами, требующими описания. Мир светящихся закатов без электрических волн действительно был бы трагически обедневшим миром, но таким же был бы и мир, где «электрические волны» «элиминировали» бы великолепие закатов. Именно здесь два значения редукционизма врезаются друг в друга — «элиминативизм» является философским эквивалентом того, что в геополитике называют «этнической чисткой».

174

В заключение этой половины лекции позвольте мне привести пример, в точности подобный конфликту между «красным» и «закатом», но где ситуация не воображается неким кабинетным философом, но построена как то, что я называю «дипломатической встречей». В *Исследовании режимов существования* [Latour 2013] мы умножали такого рода ситуации, где притязание (claim) одного описания более не способно элиминировать из существования притязание другого описания. [Мы это делали] не из-за какого-то безразличия к истине — того, что люди часто называют «релятивизмом» — а по совершенно другой причине: а именно, чтобы зарегистрировать больше реальности благодаря использованию большего количества онтологических шаблонов. Плюрализм здесь понимается не как плюральность точек зрения на одну и ту же реальность, но как множество типов агентностей, чтобы зарегистрировать больше реальности — отсюда фраза «режим существования».

Уверен, у вас был опыт, когда люди используют в качестве своего шаблона так называемое РазумТело, то становится очень трудно не «перебирать». Их руки неизбежно начинают невольно плясать слева направо, как если бы в каком-то трансе, «или» это Разум «или» это Тело, либо это какая-то «психосоматическая» смесь того и другого. Вот поэтому в феврале 2014 года я устроил ситуацию, в которой описывать феномен, используя клещи РазумТела, было так же невозможно, как для лисы и журавля из одноименной басни есть из тарелок друг друга.

Участники выбрали кейс хорей Гентингтона, «дегенеративного» состояния, вызванного одним-единственным геном, для которого есть тест, но не лечение. Хорея Гентингтона, таким образом, идеальный кандидат, чтобы играть роль «Тела», т. е. каузального тела, столь любимого редукционистами из второй категории: один ген, одно состояние, верная смерть¹. Однако мы усложнили дело тем, что среди участников были две представительницы очень оригинальной пациентской организации под названием Dingdingdong (DDD) — Эмили Эрман и Валери Пийе². Обычно от пациентов ожидают, что они занимают позицию тех, кто страдает во плоти (плоти или теле?), и что они высказываются о своем жизненном опыте болезни — или что они жалуются на недостаток финансирования исследований, или на то, как плохо Служба социального обеспечения возмещает им их расходы. Но эти две представительницы, вдохновленные активистами борьбы со СПИДом, претендуют на то, чтобы создать знание о болезни Гентингтона, а не просто субъективную интерпретацию того, что значит переживать болезнь. Эмили и Валери создали не что иное, как «исследовательский институт».

Теперь мы еще больше усложнили ситуацию, пригласив Аллана Тобина, исследователя мозга с большой репутацией, который сам сыграл важную роль в открытии гена и в прослеживании путей, которыми болезнь активируется в мозгу [Tobin, Signer 2000: 531-6]. Как это всегда бывает, когда вы приближаетесь к исследованию, то ученые не элиминативисты: как и следовало ожидать, Аллан начал позволять генотипу, а затем и мозговым связям распространяться во всевозможных неожиданных направлениях. Даже в этом случае действие гена не является прямолинейной историей (affaire): оно открывает множество путей. Вскоре активисты DDD и исследователь мозга начали говорить друг с другом, применяя максимум «В натурфилософии мы не можем перебирать». Клещи РазумТела исчезли.

Это произошло в особенности потому, что я, несколько лукаво, усложнил ситуацию еще больше, добавив к пиршеству еще одного сотрапезника, этнопсихиатра Тоби Натана, ученика Жоржа Деверо³. Так что, когда первые гости вступили в дискуссию о «непроизвольных движениях» — о том, что называется «хореей» и что дало имя болезни Гентингтона — и когда они начали осознавать, что «науч-

175

1 <http://www.modesofexistence.org/workshop-met-mindbody-a-report/>

2 “*Dingdingdong Manifesto*,” translated by D. Bright. Paris, 2013. <http://dingdingdong.org/a-propos/dingdingdong-manifesto/>

3 Теперь он более известен благодаря фильму Арно Деплешена «Джимми Пикар» (2013), в котором забытая фигура Деверо была воскрешена камерой.

ное» понятие было небесспорно, Тоби, как если бы его укусил паук, вдруг рассказал историю тарантеллы, этого танца, ритуала и терапевтической музыки в южной Италии.

Оказалось, что Валери участвовала в танцевальном классе, открытом для пациентов с [болезнью] Гентингтона, где шаг за шагом начали сливаться вместе якобы «патологический» танец и якобы «развлекательный» и «художественный» танец. Что значит «иметь» такую болезнь, т. е. быть пересеченным этими движениями, было открыто для переописания. К гену было добавлено много других агентностей, делающих так, чтобы пациенты двигались. «Перебирать» стало невозможно. Мы оказались в совершенно другой ситуации, чем можно было бы ожидать, используйте [мы] РазумТело в качестве нашего шаблона. И, конечно, здесь была совсем другая моральная ситуация, поскольку теперь было непредставимо сказать тем, кто только что узнал, что они носители гена, вызывающего хорею Гентингтона (помните, что есть тест, но ни малейшего лечения): «Извините, это дегенеративное состояние, заканчивающееся деменцией и верной смертью. Это ваша судьба». В конце концов, слово *дегенеративный* может быть не совсем точным для описания [болезни] Гентингтона. В РазумТеле есть яд, который DDD попытались извлечь из описания — да, описания — болезни. В этой точке натурфилософия встречается с политикой.

176

По окончании этой части лекции об агентности у нас есть два определения того, что значит делать исследование и быть «друзьями интерпретируемых объектов»: одно означает быть крохоборами, другое — «не перебирать». Следующая задача — следовать предписанию Уайтхеда: «Именно натурфилософия должна анализировать, как связаны между собой эти различные элементы природы». В конце концов, старый и уважаемый термин *натурфилософия* может стать лучшим зонтиком для университета. Большая ирония состоит в том, что массовое движение к дисциплинированию, подрыву и ослаблению фундаментальной науки, а также гуманитарных дисциплин осуществляется во имя «подотчетности». Если вы следовали за мной, то быть подотчетным означает прямо противоположное тому, что говорят об этом оценщики, администраторы и финансисты: [быть подотчетным] значит доказать не то, насколько полезным является исследование, как быстро оно обернется прибылью, насколько эффективно оно для дизайна продукта, но то, насколько надежно все мы можем прикрепить определение действующего в мире агента к набору свойств, определяющих такого агента. Я должен изменить лозунг, предложенный ранее: «Против тех, кто перебирает, крохоборы всех профессий и стран, объединяйтесь!»

Агентность два: онтология

В предыдущей части лекции я попытался предложить общий знаменатель для различных областей исследования, основываясь на понятии агентности. Я заявил, что исследователи, какими бы многочисленными ни были различия в навыках, которыми они овладевают, — это те, кто пытается удостовериться, что, когда в мир добавляют агента, его диспозиция (или его компетентность, его субстанция, его сущность; слово не имеет слишком большого значения) всегда связана с его действием (или его исполнениями, или его актуальностями, его атрибутами, его свойствами; здесь опять слово не имеет значения). Такая связь удостоверяет, что всегда можно перейти от испытаний, посредством которых медленно собирались свойства, к сущности феномена или, наоборот, — от его сущности обратно к ситуативной, приземленной, материальной установке (*setup*), из которой оно появилось. Я утверждал, что именно эта двойная связь гарантирует подотчетность дисциплины. И вдобавок я заявил, может быть, слишком полемически, что такой способ быть подотчетным не имеет ничего общего с врагом исследования и фундаментальной науки — «оценкой», которая означает заполнение форм так, чтобы вас могли уволить по сокращению штатов быстрее и с меньшим опротестованием...

177

Предложенные мной инструменты исходят из семиотики в широком смысле, то есть из внимания к текстuality отчетов, предлагаемых многими дисциплинами натурфилософии или исследования. Хотя многих ученых немного раздражает напоминание о таком элементарном факте, что все они пишут отчеты о том, что произошло в различных установках, которые они построили с большой заботой и за большую плату. Это верно в независимости от того, имеют ли они дело с математическим формализмом муравьиных колоний, экспедициями по кронам амазонских лесов, визуализацией возбуждения нейронов в гиппокампе, опросными исследованиями гендерной дискриминации, этимологией слова *pragmaton* в философии Аристотеля или чрезвычайно долгой историей пузырьков воздуха, застрявших в ледяных ядрах Антарктики. Все они должны, в конце концов, написать репортаж. Именно эта общая концентрация на производстве, сборке, сличении, глоссировании и резюмировании текстовых документов позволяет всем нам, как членам того, что я все еще хочу назвать «университетом», сказать внутри наших различных скрипториев (или, лучше сказать, «скринториев!»), что мы сыновья и дочери экзегетики — множество писцов, интерпретирующих следы, оставленные на разрозненных документах

с помощью тщательного применения разделяемых нами интерпретационных навыков¹.

Есть по крайней мере два резона, по которым я считаю важным сшить обратно арлекиновое платье старого университета и немного сблизить «друзей интерпретируемых объектов», из какой бы части кампуса они ни происходили.

Первый резон, присущий семиотике, заключается в том, что она позволяет сосредоточить внимание не просто на литературных или нарративных аспектах научной литературы (что само по себе полезно), но на том, что я предложил называть метаморфной зоной, где люди и нечеловеки продолжают обмениваться своими свойствами, то есть своими фигурациями. Неантропоморфный персонаж — это все-таки персонаж. У него есть агентность. Он движется. Он проходит испытания. Он вызывает реакции. Он становится описуемым. Это, однако, не означает, что мы «проецируем» антропоморфные черты на то, что должно оставаться объектом: это просто значит, что форма, то есть морфизм, человеческого персонажа, так же открыта для исследования, для изменения формы, как и форма нечеловека. Говоря откровеннее, это значит, что старые философские инструменты, объект и субъект, совершенно неадекватны для того, чтобы следовать за множеством описаний, множеством отчетов, которые изливаются из наших скрипториев — будь они лабораториями, офисами, студиями или библиотеками. Здесь действует что-то еще, всегда действовало, нечто модифицирующее форму любого ингредиента, который вы бросаете внутрь, сродни яростно кипящему котлу колдуна.

Второй резон попытаться починить (улучшить?) разорванную мантию Арлекина связан с тем, что я назвал новой политической, или, корректнее, новой дипломатической ситуацией. Как я показал в конце предыдущей части лекции, «Мы не можем перебирать», потому что прежний договор, который распределял области исследования (естественным ученым — объективный мир природы, остальным дисциплинам — более субъективные аспекты человеческой жизни), этот договор был разрушен самими успехами человеческого вмешательства в элементарные черты нашего земного суще-

1 Забавный пример этого общего экзегетического языка предлагает физик Карим Бенабед, услышав о презентации Джона Ковача и Клемента Брайка о гравитационных волнах в момент Большого взрыва, обнаруженных [в экспериментах по исследованию реликтового излучения] BICEP2 и признав, что это было захватывающее и крупное открытие: «Мы проверим каждую запятую в их статье». Переключение внимания со следов Большого взрыва на запятые в документе — это добавление двух экзегетических навыков друг к другу. *Le Monde*, March 19, 2014.

ствования. То, что ранее было лишь эпистемологическим вопросом: «Как человеческий разум способен познавать мир объективно?», стало совершенно практическим вопросом: «Как мы можем описать жизнь на Земле, в которой человеческие следы — не говоря уже об отходах — настолько вездесущи, что естественное и искусственное стало невозможно отделить друг от друга?» Удобный, хотя и противоречивый термин для регистрации этой новой исторической ситуации сам представляет собой очаровательный гибрид геологии и политики, а именно слово *Антропоцен* (эта эпоха истории Земли, в течение которой люди, взятые в целом, стали, по крайней мере, так считают геологи-стратиграфы, самой важной геологической силой за работой). Это имя котла колдуна. Во времена Антропоцена, когда история стала геосторией, сами формы людей и нелюдей должны быть замешаны повторно (remixed) [Chakrabarty 2009: 197-222], отсюда необходимость полностью перешить геополитическую карту многих дисциплин, отвечающих за изучение такой смеси. Ни у одного описания больше нет власти элиминировать альтернативные описания без суда и следствия (without trial). Они могут конфликтовать, но их нельзя уничтожить. Они должны сочинять, может быть, идти на компромисс.

179

Прежде чем с головой погрузиться в сложную тему сегодняшнего дня, давайте погладим бока котла, чтобы проверить, насколько он горяч. Недавно опубликованная в *New York Times* авторская колонка «Если видите что-нибудь, расскажите об этом»¹ поможет мне показать, где кроется проблема. Майкл Э. Манн — автор книги, название которой является точным симптомом периода, на который я указываю: «Хоккейная клюшка и климатические войны: депеши с передовых» [Mann 2013]. Несомненно, новости, поступающие из науки, стали сравнимы с теми, что приходят из окопов Гуадалканала или Вердена.

На мой взгляд, для ученых более неприемлемо оставаться в стороне. Я должен знать. У меня не было выбора, кроме как ввязаться в драку. Меня преследовали выборные должностные лица, угрожали насилием и пр. — после того, как одно исследование, написанное мной в соавторстве полтора десятилетия назад, обнаружило, что у средней теплоты Северного полушария нет прецедентов по крайней мере за последние 1000 лет... Этот активистский подход обеспокоил некоторых ученых, даже тех, кто откровенно высказывался об изменении климата... Должны ли мы воздерживаться от комментариев об импликациях нашей науки? <...> Если ученые откажутся от вовлечения в публичные дебаты, мы оставим вакуум, который будет заполнен теми, чья повестка — это повестка краткосрочной корысти. Общество дорого заплатит, если ученые не смогут участвовать в более широком обсу-

1 New York Times, January 17, 2014.

ждении — если мы не сделаем все, что в наших силах, чтобы полиси-дебаты основывались на честной оценке рисков. Если бы мы держали язык за зубами перед лицом такой серьезной угрозы, то фактически это было бы упразднением нашей ответственности перед обществом... Едва ли это радикальная позиция. Наше Министерство национальной безопасности призвало граждан давать отчет обо всем опасном, что они увидели: «Если видите что-нибудь, расскажите об этом». Мы, ученые, тоже граждане, и в изменении климата мы видим явную и реальную опасность.

Что особенно интересно в этой авторской колонке — и также очень трогательно — так это то, что Майкл Манн одновременно пытается вырваться из прежнего соглашения (settlement) (должен быть брандмауэр, отделяющий науку от политики), и в то же время с превеликим трудом артикулирует альтернативу (мы рискуем сыграть роль активистов, которых осуждают наши враги — отрицатели мутации климата, но если нам не удастся «ввязаться в драку», мы рискуем симметрично отказаться от своего долга ученых, который состоит в предупреждении людей об окружающих их опасностях, которые мы обнаружили).

180

Что для меня очень показательно в этом примере (а можно было бы легко найти сотни других), так это то, что, к его удивлению, Манн имеет дело с типами утверждений, которые пересекают различие между фактами и ценностями: речь идет о вещах, которые есть, которые опасны, которые отрицают враги и о которых следует рассказать публике [Latour 2014]. Неудивительно, что в названии своей книги он вынужден прибегнуть к выражению «депешы с передовой». То, что якобы собирают мирно — а именно факты о каком-то положении дел где-то там снаружи (out there), на которые бесстрастно смотрят люди, от которых полностью избавляются, как только они сделали открытие — стали передовыми линиями конфликтов, где открыватели, глубоко увязшие в грязи окопов, полностью видны, полностью подотчетны и не имеют путей отхода в Тыл. Теперь мы рискуем вступить в войну за то, что есть в мире; что до открывателей, то они в самой гуще драки и разделяют ответственность, если публика потерпит поражение. То, что в предыдущих работах я зарегистрировал как переключение с «материй фактических» на «материи дискуссионные», приобрело дополнительную интенсивность, резкость и безотлагательность. Именно в этот момент вопрос агентности встречается с вопросами политики.

Ну, раз уж мы заговорили о передовых, я не буду скрывать, что хочу помочь Майклам Маннам этого мира. Я тоже хочу прислушаться к предупреждению: «Если видите что-нибудь, расскажите об этом». Однако это значит, что, как я и планировал ранее,

мы должны переключить наш анализ агентности с семиотики на онтологию.

Я предлагаю здесь это слово не без колебаний, так как хорошо знаю, что *онтология* — одно из тех страшных слов, которые отпугивают многих коллег. Если вдуматься, то это странно: естественные ученые — последние, кто должны считать его странным термином, так как они без каких-либо колебаний утверждают с помощью своих писем (*writings*), *чем являются вещи*, а именно это и означает слово *онтология*: «изучение того, что есть». Тем не менее, вводя [слово] *онтология* (и то же самое было бы со словом *метафизика*), философы действительно предлагают предупреждение, тревогу, некое волнение, беспокойство по поводу того, каковы есть вещи. Как если бы они не были так уверены, что вещи есть то, что есть! Ну, это как раз тот эффект, который я хочу передать, особенно если мы имеем дело с теми видами размножающихся гибридов, которые, кажется, одновременно утверждают, и что есть, и как мы должны вести себя при встрече с ними.

Чтобы немного сгладить ситуацию, я буду использовать слово *онтология* в употреблении, немного отличном от обычного: не в качестве науки о бытии, а в смысле, более близком к его этимологическому соседу *деонтологии*. Я определяю *деонтологию* как *дипломатическую заботу, с которой мы коллективно разбираемся, с тем, что есть и что должно быть собрано в мире*. Деонтология — это навык, необходимый для того, чтобы подойти к тому, что я на своем жаргоне называю задачами *композиции* [Latour 2010b]. Во многом это следствие того, что я ранее обозначил как «быть подотчетным».

Боюсь, что операция, которую я сейчас должен совершить, довольно деликатна, и я напоминаю вам, что она остается полностью спекулятивной. Мы должны сделать себя способными разобраться с тем, что опытно переживается в мире. Однако выше нас предупредили, что очень маловероятно, что мы встретимся с этими сущностями, с этими агентами в форме объектов, познаваемых субъектом, — прежнее соглашение, соответствующее «материям фактическим». Если «мы не можем перебирать», то это потому, что сущности даны в опыте множеством других режимов. Вот почему один тип описания не может элиминировать другой. Помните вопрос Уайтхеда о том, как избежать различения двух опытов того, как дан «красный цвет»: «Настоящий вопрос заключается в следующем: “Если красный цвет обнаруживается в природе, что еще там также обнаруживается?” А именно — мы спрашиваем об анализе того, что в природе сопровождает открытие красного цвета в природе» [Whitehead 1920: 41].

Его решение, широко известное благодаря комментарию Изабель Стенгерс, весьма радикально: «Никакое затруднение в связи

с объектом познания не может быть разрешено утверждением, что существует познающий его разум». Другими словами, эпистемология ведет нас в тупик. Вопрос не в том, чтобы иметь мир, а затем человеческий разум, а в том, чтобы сначала иметь мир, различные траектории которого постигаются (*grasped*), будучи освобожденными от дополнительной сложности (Уайтхед говорит — от дополнительной «путаницы») быть познанными кем-то. Возможно, вы уже слышали знаменитое изречение из *Понятия природы*: «Мой аргумент в том, что это втягивание разума, делающего собственные дополнения к вещи, поставленной для познания посредством чувственного осознания, есть просто способ уклонения от проблемы натурфилософии. Эта проблема состоит в том, чтобы обсуждать отношения познанных вещей между собой, абстрагированные от самого факта, что они познаны. <...> Натурфилософия никогда не должна спрашивать, что есть в разуме и что есть в природе» [Stengers 2011; Whitehead 1920: 28, 30].

Теперь вы, возможно, удивлены, увидев, что эта цитата прославляется кем-то, кто заявляет о своей верности области исследований науки. То, что было достигнуто в этой области, на первый взгляд прямо противоположно тому, чего здесь требует Уайтхед. Разве мы не «втянули» не только разум, но и все снаряжение ученых за работой: их инструменты, их лаборатории, их заявки на гранты, их политику и в довершение ко всему, как я только что сделал минуту назад, их письма, документы, статьи и всевозможные инскрипции? Если есть люди, «вызывавшие путаницу привнесения просто процедуры мышления в факт природы», то не те ли это писатели из исследований науки? [Whitehead 1920: 20]. Как я сказал выше, ситуация запуталась до того, что уже невозможно «обсуждать отношения познанных вещей между собой, абстрагированные от самого факта, что они познаны». В этом смысле исследования науки, несмотря на их давнюю полемику с эпистемологией, в конечном счете, кажется, играют ту же самую роль. Как если бы греческая этимология последней настигла ее английский перевод. В таком случае исследования науки являются простым повторением эпистемологии — разум втягивают, конечно, с большим количеством снаряжения, но путаница столь же полна.

Проект Уайтхеда, однако, был не в том, чтобы отодвинуть разум в сторону для получения какого-то первобытного доступа к миру¹

1 В публикации и в тексте лекции на сайте Латура в этом месте стоит слово “word” (см. <http://www.bruno-latour.fr/sites/default/files/137-YALE-TANNER.pdf>). Однако оно здесь совсем не подходит по контексту и, вероятнее всего, это просто опечатка в слове “world” — Прим. перев.

«природы», а в том, чтобы удостовериться, что мы не путаем сущности, встречающиеся в опыте, с «добавлениями», дополнительной работой, которую необходимо проделать для постижения их в качестве познанных вещей. Уайтхед осознал, что, встречаясь с сущностью как с «объектом», мы в действительности встречаемся с гибридом, сделанным как минимум из двух совершенно разных слоев, один из которых — «чувственное осознание», чья траектория доступна через то, что он называет «переходом (passage) природы», а другой — «процедура разума», необходимая для обеспечения движения другой траектории, траектории «дискурсивного знания». Именно различая эти две траектории, он может показать, что то, что часто принимают за «материальный мир» — это не автохтонное, туземное вещество (stuff), встречающееся в опыте, а идеалистический продукт амальгамы по крайней мере двух видов опыта.

Эти два вида опыта следует прояснить в первую очередь, чтобы любая натурфилософия выполнила свой долг, а именно «анализировала, как связаны эти различные элементы природы». Отсюда известная цитата Уайтхеда, в которой материализм обличается как всецело идеалистическое изложение опыта: «Таким образом, то, что является просто процедурой разума при переводе чувственного осознания в дискурсивное знание, превратилось в фундаментальную характеристику природы. В результате возникла материя как метафизический субстрат своих свойств, а ход (course) природы интерпретируется как история материи» [Ibid.: 16].

183

Половина вещества, из которого задумана материя, сделана из способа, которым мы получаем доступ к некоторым положениям дел. Если мы не хотим «уклоняться от проблемы натурфилософии», то возникает вопрос, как сделать так, чтобы при встрече с сущностями мы тут же не теряли их след, рассматривая их как «объект», что означало бы, если вы следовали за [моим] аргументом, направить наше внимание не на мир, а на разум. Как сказал бы Уильям Джеймс: мы не хотим *больше* того, что переживается опытно, но мы не хотим и *меньше*. «Объект» — это неверная характеристика вещей в мире, а также того, что для них значит быть познанными «объективно».

Вот где исследования науки, несмотря на то, что я сказал выше, могут пригодиться. Если аргумент Уайтхеда кажется таким трудным для постижения, то это потому, что он все еще имеет дело с «разумом», абстракцией, столь же неисследованной, как и абстракция «материи». Как только мы заменим разум активными профессиями ученых за работой в лабораториях, собирающих документы, добытые из их инструментов, и пишущих отчеты, валидированные многими исследовательскими учреждениями, становится гораздо

легче не путать такую траекторию с траекторией перехода природы. Различение между «фундаментальной характеристикой природы» и множеством «процедур» для «перевода» ее в то, что познано, является слишком уж зияющим¹.

Это как раз то, что я подчеркивал ранее: тщательное изложение Гарфинкелем и его коллегами того, как был открыт оптический пульсар, позволило им обнаружить место скрещивания, в котором локальную ситуацию астрономов пересек другой исторический маршрут, который позже стали понимать как галилеев объект, познанный астрономией. Когда это место скрещивания тщательно регистрируется, становится возможным не путать два движения: то, как сущности вступают в мир, и то, как мы получаем к ним доступ через наш инструментарий, локализуя точное место, где они [наши инструменты и сущности] пересекают друг с друга. И это не имеет ничего общего с разумом, смотрящим на мир объектов. Если бы мы просто втянули разум, мы бы упустили эту артикуляцию; однако когда мы втягиваем весь набор обстоятельств и материального оснащения, то на этот раз ее уже нельзя упустить.

184

Другими словами, если бы нам удалось полностью локализовать в мире саму деятельность познания, то мы могли бы одновременно встречать поступательное движение сущностей и движение объективности в обратном направлении, не смешивая их и заодно не будучи вынужденными концентрироваться на разуме — или этом эрзаце разума, именуемом «социальным конструированием». Мы смогли бы приблизиться к тому, что я назвал в первой половине лекции «фронтом ударной волны». Если бы мы могли это сделать, то исследования науки оказали бы услугу, которую эпистемология никогда не оказывала, — или, точнее, исследования науки могли бы предложить противоядие тому, что эпистемология впрыснула философии...

Почему так необычайно трудно локализовать изготовление знания? Почему так трудно определить знание как режим существования *в мире*, а не режим существования *мира*, полностью отсутствующий в мире, т. е. неподотчетный? Иногда мне кажется, что последние сорок лет я только и делал, что размышлял над этой проблемой: уважение к объективному знанию возможно, только если оно полностью локализовано, в независимости от того, насколько далеко оно простирается.

1 На языке исследования способов существования мы узнаём здесь важное пересечение REP.REF, <http://www.modesofexistence.org/crossings/#/en/rep-ref>

Тем не менее она [эта проблема], кажется, ускользает, как только мы [начинаем] ее рассматривать. Поэтому, если я хочу иметь хоть малейший шанс отстаивать свою точку зрения — еще одну попытку после стольких попыток, — я должен перекрыть все пути отступления, по которым ускользает объективное знание, как только оно произведено. Это единственный способ помочь лучше понять не только спекулятивную философию Уайтхеда (я ей не нужен!), но и Майкла Манна и его коллег (тех, кому может понадобиться моя помощь на своих передовых — бедняг, потерявшихся в Антропоцене и вызывающих о помощи к другим, столь же потерянными, беднякам типа меня из гуманитарных департаментов...).

Поскольку это такой трудный вопрос, позвольте мне привести простой, почти тривиальный пример, чтобы получить представление о движении, которому мы должны попытаться противодействовать посредством другого противоположного движения. Как-то я был на панельной дискуссии с физиком Джорджем Смутом, лауреатом Нобелевской премии, одним из открывателей космического микроволнового фонового излучения (если я скажу вам название панели, «Космологическая функция искусства», то вы сразу сделаете вывод, что это было в Париже — где же еще с таким названием?). Резюмируя успехи своей науки, Смут показал аудитории, состоящей в основном из литераторов, фильм, который перенес нас от Земли к Большому взрыву и обратно с помощью тщательно смонтированной смеси данных о галактиках, собранных в его лаборатории, и цифровых спецэффектов прямо из Голливуда. Возможность двигаться обратно к [моменту через] 380 000 лет после Большого взрыва, конечно, была ошеломляющей. И все же я не мог не чувствовать себя неловко, потому что то, что было показано как фильм, снятый неким персонажем, чья семиотическая эктоплазма была делегирована почти на 13 миллиардов лет назад во Вселенную, совершенно отличную от той, какая она сейчас, было не только вымыслом — в этом нет ничего плохого, Кеплер делал то же самое, чтобы проложить путь астрономии [Frédérique 2012], — но и совершенно неверной репрезентацией работы, проделанной Смутом и его коллегами, по сбору этих самых данных. Естественно, для самого Смута это не было предательством, поскольку, как специалист в этой области, он каждую сглаженную картинку мысленно заменял тысячей пробелов (*hiatuses*), которые нужно было преодолеть, чтобы смонтировать такой вымысел, пока мы, плебеи, таращились на фильм. У нас, однако, не было возможности не купиться, пока мы смотрели голливудский аналог «научного мировоззрения».

Конечно, это был не мир галилеевых объектов — фильм явно рекламировался как художественное прочтение, — но все же это был нарратив, иллюстрирующий все дурные привычки эпистемологии: знание было тайком выведено (*spirited out*) из вселенной, которую оно разворачивало перед нами, так, что у зрителей совершенно не было возможности заменить компетенцию, которой наделялась какая-либо из сущностей, летающих на экране, списком ее исполнений. Мы никак не могли разорвать нарратив «мысленными оговорками». Одним словом, фильм сделал физику неподотчетной. Он был не совсем мошенничеством, так как многие реальные данные были сшиты вместе, но все же он был максимально далек от того, как производилась такая наука. В результате нас попросили стать свидетелями очень упрощенного примера «путаницы», обличенной Уайтхедом: переход природы был заменен обрывками данных, исподтишка сглаженных нарративом, который делал вещи одинаково неподотчетными, и если считать его художественным произведением (он [нарратив] не был искусством), и если рассматривать его как научный репортаж (он не был наукой). И все же он казался реалистичной версией того, как предположительно выглядит мир сам по себе, примером того ложного реализма, который связан с понятием «материальный мир». Я уже знал, что «научное мировоззрение» — это действительно воззрение, картина, но я никогда не понимал так точно, что его следует называть «научным миро-шоу».

С моей стороны не очень милосердно придирааться к его фильму (особенно потому, что Джордж Смут — большой эксперт в том, как делать искусство из своей науки), но это позволяет мне заметить, что к локализации научной практики в пространстве и в институтах — необходимой задаче, которой посвятили себя все исследования науки — важно добавить ее локализацию во времени.

Под этим я подразумеваю не только хорошо задокументированную инверсию, которую часто замечают, когда факты-в-процессе-изготовления становятся готовыми-фактами. В медленном стирании [упоминания] ученых за работой есть большой смысл: как только факт установлен, то резона выставять напоказ открывателей не больше, чем у автора романа сигнализировать на каждой странице, что он или она является автором романа (кроме случаев, когда [хотят достичь] некоторых спецэффектов). Скорее меня интересует, что значит для процедур науки происходить *после* феномена, с которым они встретились, а затем *реконструировать* (*retrofit*) встречу так, как если бы наука происходила *до* феномена, но невидимым и неизвестным образом. Итак, я хочу различить два движения: одно, делающее возможным доступ к тому, что далеко, другое, реорганизующее движение так, как если бы оно

пришло издалека в настоящее. Что происходит, когда мы разрабатываем (develop), т. е. пересказываем, развертывание некоторого знания не так, как оно было открыто, т. е. от его следствий, или, точнее, от его исполнений, а отправляясь от его причин? Другими словами, чего мы достигаем, когда рассказываем истории о причинах-и-следствиях?

Чтобы придать моей аргументации некоторую респектабельность, я обращусь к грандиозному заявлению Декарта в *Рассуждении о методе* о том, что без какого-либо предшествующего опыта он дедуцировал из первых принципов существование Земли. Вот история куда грандиознее, чем путешествие Смута к Большому взрыву и обратно:

Во-первых, я старался вообще найти начала, или первопричины, всего, что существует и может существовать в мире, рассматривая для этой цели только Бога, сотворившего его, и выводя их только из неких ростков тех истин, которые от природы заложены в наших душах. После этого я рассмотрел, каковы первые и наиболее простые следствия, которые можно вывести из этих причин; и мне кажется, что таким путем я нашел небеса, звезды, Землю и даже воду, воздух, огонь, минералы на Земле и другие вещи, являющиеся самыми обычными и простыми, а потому и более доступными познанию [Декарт 1989: 287].

187

Как довольно шутливо замечает Шарль Пеги в своей столь же грандиозной работе *Примечание к тексту Мсье Декарта*:

Была ли когда-нибудь такая прекрасная дерзость, такое движение мысли, сравнимое с движением мысли этого француза, «который нашел небо»? И не только небо. Он дедуцировал звезды и даже Землю... Мы прекрасно знаем, что он никогда бы не нашел Небеса и Землю, если бы сначала не услышал о них... Неважно, Декарт в истории мысли навсегда останется этим французским всадником, стартовавшим в таком хорошем темпе. [Descartes sera toujours ce cavalier français qui partit d'un si bon pas¹.] [Péguy 1979]

Да, несомненно, темп восхитителен, дерзость грандиозна, но есть что-то глубоко тревожное в том, чтобы сделать все феномены запоздалыми следствиями «законов природы». Как только вы заявляете, что агенты, встречающиеся в опыте, «подчиняются закону», тотчас же закон берет на себя роль субстанции, компетенции, а то, что происходит, т. е. набор свойств, исполнений, деградирует до статуса просто феноменов, просто видимостей — этимология говорит сама за себя — от чего в идеале можно было бы избавиться, как только

1 Здесь квадратные скобки использованы в оригинале. — Прим. перев.

мы постигли закон, который ими «управляет». Сквозь завесу видимости вы смогли увидеть твердое субстанциальное ядро того, что делает их такими, какие они есть.

Тревожно то, что это не имеет ничего общего ни с тем, как законы — теперь уже в юридическом смысле — совершают свое особое движение вперед, ни со значением закона в политике, ни, естественно, с тем, как их порождают и добывают в научной практике. Как ни странно, законы природы, кажется, «управляют» феноменами без заслуженного ими правового, политического и научного обоснования их «суверенитета». Видимо, это не было проблемой в период модернизма, но стало основным предметом спора сейчас, когда нам говорят, что мы живем в геоисторическую эпоху Антропоцена. Мы, безусловно, хотим знать, каков тот суверен, которому мы должны подчиняться, и каковы его юридические, научные и политические полномочия (credentials). Вот проблема, с которой борются Майкл Манн и многие другие; вот о чем они призывают с передовой: «По каким законам мы воюем? Ради какого суверена нас просят пожертвовать своей карьерой — может быть, нашей жизнью?» [Northcott 2013]

188

Можно было бы сказать, что из-за языковых ограничений любой репортаж, любой отчет должны сначала указывать причины, а затем следствия, что совершенно нормально считать актора, наделенного ролью «причины», важнее тех, что играют роль «следствий», хотя все прекрасно знают, что всякий раз следствия постигают задолго до их причин. В одном нарративе Земля и небо, очевидно, существуют задолго до «ростков тех истин, которые от природы заложены в наших душах», и это всего лишь весьма удобно рассказывать историю так, «как если бы» Землю и небо можно было просто дедуцировать из первых принципов; все это знают, Смут [знает это] не хуже Декарта. Однако то, что знают хорошо, столь же хорошо забывают.

Вот почему я думаю, что было бы слишком обнадеживающе сказать, что эта апелляция к законам природы, эта инверсия предшествующего и последующего всего лишь какой-то невинный монтаж. В такой с виду безобидной инверсии нет ничего невинного, потому что через такую инверсию что-то важное было *утеряно*, а что-то столь же важное — *добавлено*.

Добавлено то, что феномен теперь быстро и легко движется *от* своей причины к своим следствиям по мостовой, сделанной из всех инструментов, инскрипций, формализмов, которые один за другим нужно было создать, чтобы получить к нему доступ, но в обратном порядке. В результате, как и в сценариях со спецэффектами Смута или Декарта, все пробелы, которые один за другим нужно было устранить, чтобы ученые могли перейти от сво-

ей обсерватории к невидимому далекому положению дел, теперь сглаживаются и трансформируются в совершенно регулярную и непроблематичную траекторию, скользящую от причины к ее следствиям. Пробелы исчезли, но вещество, из которого они сделаны, все еще на месте, играя теперь, так сказать, роль гудронированной площадки, на которую теперь могут приземляться феномены подобно множеству механических самолетов (это более конкретное изложение того, что Уайтхед назвал «психическими дополнениями»).

Проблема в том, что тот же канал, по которому был получен доступ к далекому [положению дел], также задействуется в качестве канала, используемого для их возвращения. С той разницей, что теперь, на обратном путешествии, они ведут себя как «познанные сущности». Вот почему они называются «галилеевыми объектами»: чтобы сохранять существование в качестве устойчивых сущностей, им больше, если можно так выразиться, не нужно прилагать никаких усилий, а просто доверять свою устойчивость тем путям, через которые к ним был получен доступ, — с той разницей, что теперь все препятствия, которые им пришлось преодолеть, невозможно заметить, поскольку все следы знания в процессе его изготовления были стерты. «Процедура разума» стала тем самым веществом, в котором также размещается то, что познано. Все происходит так, как если бы отныне сущности мира, раз они познаны, были сделаны «из знания». Знание [как режим существования] в мире становится знанием [как режимом существования] мира, мира, для которого Наука (с большой буквы *N*) стала отсутствующим землевладельцем.

189

Если я сейчас обращаюсь к тому, что было утеряно, то, возможно, вы признаете, почему в этих «научных миро-шоу» нет ничего невинного. Что было утрачено, так это возможность встречать в опыте сущности мира в *каком-либо ином режиме*, чем режим объективного знания. Само по себе это не было бы проблемой, если под «объективным знанием» мы подразумеваем поступательное движение доступа к тому, что далеко и невидимо. Наоборот, это было бы поистине грандиозно. Добавлять знание в мир, есть ли лучший способ выполнить свое призвание исследователя? Но это большая проблема, если под «объективным знанием» подразумевается также обратное путешествие, где знание стало каналом, где [понимание] того, что значит знать что-то, полностью исчезло. Теперь мы сталкиваемся с ложной реальностью — фантомом, — где в сущностях, которых мы встречаем, невозможно различить *то, как вещи сохраняют устойчивость в мире, и то, что мы должны сделать, чтобы осуществлять к ним доступ объективно*. Как только они полностью созданы «из знания», становится невозможным восстановить

то, как их познать. (На моем жаргоне [это значит, что] были смешаны два противоположных значения *неизменных мобилей*: положительное, [обозначающее] доступ, и отрицательное — обратное путешествие.) Теперь, как ни странно, как раз в тот момент, когда все, кажется, сделано «из» или «внутри» знания, знание-то и было изъято из мира.

Особенно проблематична роль, предлагаемая теперь ученым: когда вещи возвращаются в обратном путешествии, единственный способ следовать за ними — самим стать галилеевым объектом, то есть галилеевым субъектом. Теперь вы должны поверить, что ваши когнитивные способности, ваше тело, гены, из которых вы созданы, все эти сущности сами сделаны из того же вещества, что и «объективное знание». Фантом объективности, загрязняясь, оставляет за собой фантом субъективности. Вскоре появляется двойной призрак, РазумТело, единственный обитатель этого пустынного мира. Он пахнет как материализм, за исключением того, что это всего лишь бесконечное расширение идеалистического изложения материи. Онтология была стабилизирована настолько, что больше нет места для какой-либо другой встречи.

190

Если вы сравните изготовление знания с функцией хлорофилла, изобретенной растениями для добычи из солнца не существовавшей до них силы развития, то все происходит так, как если бы растения воображали, что солнце, Земля, Вселенная вплоть до Большого взрыва были сделаны исключительно из хлорофилла. [Это], несомненно, комфортная зеленая мечта, но она не позволяет растениям встречать то, что есть в реальном мире. Или, если взять другую метафору, это все равно что вообразить, что часы под предлогом, что их регулярное круговое движение позволяет им давать людям инструмент для обнаружения перехода природы, теперь фантазируют, что все движения мира сделаны из того же тик-тик-тик, что и то [движение], через которое проходят они. [Это] славная мечта часовщика, но она не позволила бы встретить какое-либо существо реального мира — начиная с растений...

Можно, конечно, возразить, что это не имеет большого значения: сам Галилей не был галилеевым объектом! Что до Декарта, то он и минуты не верил, что его тело представляет собой машину, — тому свидетельство его личные письма и тщательное соблюдение диеты. Практикующие ученые делают нечто совершенно отличное от того, что они говорят о том, на что похож мир, когда они проецируют фильмы в своих миро-шоу-румах. Все они знают, что эти шоу «для публики» и «чтобы изложить вещи проще» чисто из педагогических соображений. И никто не будет настолько глуп, чтобы спу-

тать тиканье часов с переходом природы. Что ж, в который раз то, что все очень хорошо знают, это также то, что все быстро забывают. Разве ученые не становятся часто жертвами своих собственных «научных мировоззрений»?

Но я согласен, что это не имеет большого значения, когда мы имеем дело с оптическими пульсарами или Большими взрывами. Ситуация, однако, совершенно иная, когда то, с чем встречаются — это сущности, которые настаивают на том, чтобы с ними встретились на других основаниях. Это в особенности тот случай, когда они [сущности] обладают ценностями, срочностью, важностью, интенсивностью — всеми чертами, которые не следует путать с той [чертой], что к ним имеют доступ через ректифицированное знание. Это также тот случай, когда они принадлежат тому, что относится к зоне обитания, в которой мы все проживаем. В таких случаях может быть ужасно важно — может быть, преступно — упустить множество других способов встретиться с ними, о которых они просят. Это может быть тот случай, когда Майкл Манн апеллирует к «неудобной истине» об антропном происхождении изменения климата, а также, если вы помните пример, которым я закончил первую половину лекции, [случай], касающийся того, что значит иметь ген хореи Гентингтона. В этом случае последнее, чего бы вам хотелось, так это путать то, как объективное знание добывается из исполнений генов, с тем, как они настаивают на том, чтобы воздействовать на нас. Именно эту настойчивость не регистрирует стабилизированная онтология галилеевых объектов. Но именно этому должно научиться противодействовать то, что я назвал «деонтологией». Онтологическое искание (или дипломатическую встречу) следует поместить прямо там, чтобы удостовериться, что обратное путешествие галилеевых объектов можно прервать всякий раз, когда это будет необходимо. Мир сделан «из» знания не более, чем он сделан «из» хлорофилла. Он объективно познаваем, и в нем есть жизнь — по крайней мере, на Земле, — но это не причина путать два утверждения.

191

* * *

Позвольте мне теперь завершить лекцию. С момента, как я был удостоен чести прочитать лекцию Таннера, меня беспокоила зонтичная фраза *о человеческих ценностях*, подзаголовок этой серии лекций. Я подозреваю, что обычное истолкование этой апелляции к «человеческой ценности» состоит в том, что существует «объективный мир материального вещества», к которому было бы очень хорошо со стороны исследователей в гуманитарных дисци-

плинах любезно добавить некоторое «приложение [в виде] души». Ценность с такой точки зрения есть свойство не бесценностного мира, а лишь людей. «Человек», конечно, тоже значительная часть проблемы. Это не сущность, чья форма была детерминирована раз и навсегда, особенно когда антропология во времена Антропоцена так сильно сдвинулась, что ей пришлось иметь дело с человеком как геологией... Как стабилизировать форму этих людей с длинными CO₂ следами, которые они оставляют позади себя, с генами, которые каждый день умножаются столькими лабораториями, работающими на биовласти, с этими цифровыми протезами, которые кажутся все более и более интимной их частью, с теми вычислительными устройствами, к которым они так привязаны, что в конечном итоге ведут себя как *Homo econoticus* (фигура столь же причудливая, как и *Homo geologicus*)? Ясно, что идея стабилизированного человека, которая должна добавить, будем надеяться, некоторую ценность к пустынному миру, не может быть окончательной историей. Скорее, она соответствует чрезвычайно локальному, провинциальному, этноцентрическому и в высшей степени искусственному нарративу о том, что значит быть в мире и с миром. Это стоп-кадр эпохи, которой никогда не было.

192

Вот почему я предложил переключить наш фокус на совершенно другой феномен: способы обмена формами. Я назвал его «метаморфной зоной» не только из-за привлекательной геологической коннотации (очень в духе нашего геоисторического времени), но главным образом потому, что именно здесь различные морфизмы, если я могу так сказать, приобретают свои приставки: фюзиморфизм (оптический пульсар, с которым мы подружились) придает форму явлению в той же мере, в какой и био-морфизм гена, ответственного за хорею Гентингтона, или, если уж на то пошло, идео-морфизм концептов Уайтхеда. Все они — агенты, агентности, персонажи, которые что-то делают и о содержании которых можно дать отчет (accounted) лишь в той мере, в какой можно рассказать (rescoured) о наборе ситуаций и испытаний, из которых они медленно возникают. Совершенно бессмысленно говорить, что одни неодушевлены, а другие одушевлены. Чтобы играть роль неодушевленной причины каких-то других следствий, требуется столько же оживления, сколько и для того, чтобы играть «человека», наделенного интенцией и волей (вспомните процесс прототока в почке и процессию, которые я сравнивал ранее). Писать без одушевления, не наделяя своих агентов интенциональностью, просить их вести себя так, как если бы они не имели никакой ценности, более того, писать так, как если бы у вас не было стиля и вы вообще не пишете, — это все-таки стиль. Стилем также явля-

ется и обычай рассказывать историю причин-и-следствий так, как если бы причины на самом деле были на месте до следствий. Это другой монтаж, производящий интересные эффекты, но все-таки монтаж.

Однако пока мы остаемся в нарративе, в тексте, в семиотике, аргумент может быть правдоподобным, но беззубым — он остается тем, что ребята в гуманитарных дисциплинах говорят о природном мире. Здесь я попытался сделать один шаг вперед и посмотреть, можно ли с его помощью обрисовать дипломатическую зону, где могла бы применяться другая деонтология, деонтология, правило которой гласит: «Для натурфилософии все воспринимаемое есть в природе. Мы можем не перебирать». Как мы увидели, главная трудность в том, чтобы построить новую сцену так, чтобы мы извлекали пользу из объективного знания, не позволяя участникам поверить в то, что нечто объективно познанное само сделано из того же вещества, что и нечто позволяющее сущностям быть познанными. Поэтому крайне важно локализовать саму деятельность изготовления знания (прежде атрибутируемую призрачному разуму) в пространстве, в институте, а также во времени — в независимости от того, насколько далеко она простирается. Здесь на сцену выходит редукционизм в двух противоположных версиях: положительной (нет агентности без ее исполнений) и отрицательной (субстанция, лишенная своих реальных свойств). Если нам удастся не пустить в комнату, на дипломатическую встречу, вторую [версию редукционизма], то можно зарегистрировать много других режимов, настаивать на том, что есть в мире. Тогда те, кто находится в комнате, уже не люди, добавляющие ценность к бесценностному миру, а преобразователи формы, способные регистрировать ценности, существующие в мире. Им больше не нужно воображать призрачный мир, внутри которого они потом присутствуют, не считая того, что их самих из него тайком выводят. Они могут быть на этой Земле: в конце концов, это то, к чему мы все стремимся, не так ли?

Тогда, может быть, как ученым, так и гражданам с несколько меньшим удивлением придется иметь дело с сущностями, которые настаивают напряженно и взволнованно, и не просто потому, что люди склонны «проецировать» свой страх или свои интересы на равнодушный мир. Прилагательное *неудобный* в призыве прислушаться к «неудобным истинам» также может быть подлинным свойством мира. Или, по крайней мере, эта возможность была открыта. Сцена может быть более дружественной для Майкла Манна и его товарищей на передовой. Быть субъектом, встречающим объект, больше нежизнеспособная позиция. По край-

ней мере, это уже не единственная [позиция], позволяющая нам решить, в какой ситуации мы находимся.

Библиография / References

Декарт Р. (1989) Рассуждение о методе. Декарт Р. *Сочинения в 2-х тт*, 1. М.: Мысль.

— Descartes R (1989) *Discourse on Method*. Descartes R. *Works in 2 volumes*, 1. М.: Thought. — in Russ.

Латур Б. (2013) *Наука в действии*. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в С.-Петербурге.

— Latour B (2013) *Science in Action*. St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg. — in Russ.

Bastide F. (1990) The Iconography of Scientific Texts: Principle of Analysis. *Representation in Scientific Practice*, Cambridge, MA: MIT Press: 187-230.

Blackett P. (1933) The Craft of Experimental Physics. *University Studies*, London: Nicolson and Watson, 1933: 67-96.

Chakrabarty D. (2009) The Climate of History: Four Theses. *Critical Enquiry*, 35 (Winter): 197-222.

194 Coopmans C. et al. (2014) *Representation in Scientific Practice Revisited*. Cambridge, MA: MIT Press.

Fleck L. (1981) *Genesis and Development of a Scientific Fact*. Chicago: University of Chicago Press.

Frédérique A.-T. (2012) *Fictions of the Cosmos: Science and Literature in the Seventeenth Century*, translated by Emanuel S. Chicago: University of Chicago Press.

Garfinkel H. (2002) *Ethnomethodology's Program: Working Out Durkheim's Aphorism*, edited by A. W. Rawls. Oxford: Rowman & Littlefield.

Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (1981) The Work of a Discovering: Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Philosophy of Social Sciences*, 11(2): 131-58.

Garfinkel H., Lynch M., Livingston E. (2011) The Work of a Discovering: Science Construed with Materials from the Optically Discovered Pulsar. *Ethnomethodology*, 3, edited by M. Lynch and W. Sharrock, London: Sage Benchmarks in Social Research Methods.

Hacking I. (2002) Inaugural Lecture: Chair of Philosophy and History of Scientific Concepts at the Collège de France (given January 16, 2001). *Economy and Society*, 31: 1-14.

Ingold T. (2007) *Lines: A Brief History*. London: Routledge.

James W. (1975) *Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking Followed by the Meaning of Truth*, Cambridge, MA: Harvard University Press.

Latour B. (1989) Clothing the Naked Truth. *Dismantling Truth. Reality in the Post-Modern World*, edited by H. Lawson and L. Appignanesi.

- Latour B. (2008) The Netz-Works of Greek Deductions: A Review of Reviel Netz's The Shaping of Deductions in Greek Mathematics. *Social Studies of Science*, 38(3): 441-59.
- Latour B. (2010a) *Cogitamus. Six lettres sur les humanités scientifiques*. Paris: La Découverte.
- Latour B. (2010b) Steps toward the Writing of a Compositionist Manifesto. *New Literary History*, 41: 471-90.
- Latour B. (2011) Agency at the Time of the Anthropocene. *New Literary History*, 45: 1-18.
- Latour B. (2013) An Inquiry into Modes of Existence: An Anthropology of the Moderns, translated by C. Porter. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Latour B. (2014) War and Peace in an Age of Ecological Conflicts. *Revue Juridique de l'Environnement*, 1: 51-63.
- Latour B., Bastide F. (1986) Writing Science: Fact and Fiction. *Mapping the Dynamics of Science and Technology*, edited by M. Callon, J. Law, and A. Rip. London: Macmillan: 51-66.
- Latour B., Woolgar S. (1986) *Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Mann M. E. (2013) *The Hockey Stick and the Climate Wars: Dispatches from the Front Lines*. New York: Columbia University Press.
- Mialet H. (2012) *Hawking Incorporated*. Chicago: University of Chicago Press.
- Netz R. (2003) *The Shaping of Deduction in Greek Mathematics: A Study in Cognitive History*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Northcott M. S. (2013) *A Political Theology of Climate Change*. Grand Rapids, MI: Eerdmans Wm.B.
- Péguy C. (1979) *Note conjointe sur Monsieur Descartes*. T. III Pléiade.
- Pickering A. (ed.) (1992) *Science as Practice and Culture*. Chicago: University of Chicago Press.
- Rotman B. (1993) *Ad Infinitum: The Ghost in Turing's Machine; Taking God Out of Mathematics and Putting the Body Back In*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Stengers I. (2011) *Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts*, translated by M. Chase. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Stengers I. (2013) *Une autre science est possible! Manifeste pour un ralentissement des sciences*. Paris: La Découverte.
- Tamen M. (2001) *Friends of Interpretable Objects*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Tobin A. J., Signer E. (2000) Huntington's Disease: The Challenge for Cell Biologists. *Trends in Cell Biology*, 10: 531-36.
- Whitehead A. N. (1938) *Modes of Thought*. New York: Free Press.
- Whitehead A. N. (1920) *The Concept of Nature*. Cambridge: Cambridge University Press.

Рекомендация для цитирования:

Латур Б. (2023) Как лучше регистрировать агентность вещей: семиотика и онтология. *Социология власти*, 35 (2): 156-196.

For citations:

Latour B. (2023) How Better to Register the Agency of Things. *Sociology of Power*, 35 (2): 156-196.

Поступил в редакцию: 15.05.2023; принят в печать: 01.06.2023

Received: 15.05.2023; Accepted for publication: 01.06.2023

Мультимодальность в человеческом взаимодействии¹

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-197-222

Резюме:

Данная статья является кратким описанием того, что такое мультимодальное взаимодействие и какими вопросами заняты его исследователи. Она представляет собой компиляцию предыдущих исследований Гудвина, которые сформировали основу мультимодального анализа. Человеческое действие строится путем активного комбинирования материалов с различными свойствами в ситуированных контекстуальных конфигурациях, где они могут взаимно уточнять друг друга, создавая целое, которое одновременно отличается от составляющих его частей и превосходит их. Это имеет ряд последствий для организации языка, действия, знания и воплощения в ситуативном взаимодействии. В данной статье будут рассмотрены два феномена, которые зависят от такой распределенной организации действия. Во-первых, будет рассмотрен Чил, человек, получивший серьезное повреждение левого полушария мозга, в результате чего его словарный запас оказался ограничен тремя словами — «да», «нет» и «и», — который тем не менее был способен действовать в качестве эффективного говорящего в разговоре. Он делал это, оперируя речью других людей так, чтобы побуждать их произносить слова, которые были нужны ему, но которые он не мог произнести сам, а также используя жесты, чтобы включать значимые феномены окружающей его среды в организацию своего высказывания. Во-вторых, будут исследованы процессы, посредством которых археологи приобретают способность видеть релевантную структуру в раскапываемом ими грунте и создавать документы, такие как карты, которые оживляют дискурс их профессии. Способ выстраивания действия посредством одновременного использования материалов с различными свойствами позволяет опытным археологам калибровать профессиональное зрение, практику и воплощенные знания новичков и тем самым интеракционно конструировать в рамках ситуативного взаимодействия познание, способы видения и воплощенные практики новых археологов. Как способность Чила действовать в роли говорящего, так и социальная организация воплощенного знания и восприятия, необходимых для работы в качестве члена научного сообщества, становятся возможными благодаря тому, что разные социальные акторы приносят различные виды материалов в общий ход действия.

197

1 Перевод с английского Михаила Белова, под редакцией Андрея Корбута. Источник: Goodwin C. (1983) Multimodality in human interaction. *Calidoscópico*. 1983. 8(2): 85–98. Все примечания принадлежат переводчику. Перевод выполнен по лицензии CC BY.

Ключевые слова: мультимодальность, афазия, профессиональное зрение, жестикуляция, указание, разговор-во-взаимодействии

В этой статье я предложу некоторые подходы к тому, как можно изучать человеческий язык, познание (cognition), действие и воплощение¹ в качестве социальных феноменов. Для начала я рассмотрю, как человек, способный после тяжелого повреждения левой стороны мозга произносить всего лишь три слова, тем не менее может действовать в качестве эффективного участника разговора, используя ресурсы, предоставляемые его собеседниками, и смысловую структуру, седиментированную в окружающей его среде. Можно возразить, что ситуация человека с тяжелой формой афазии — особенная. Чтобы продемонстрировать общую важность интеракционной рамки для анализа не только языковой практики, но и познания и действия, я использую видеозаписи раскопок на археологической полевой школе, с помощью которых я проанализирую, каким образом воплощенное восприятие и знание — например, профессиональное зрение, позволяющее археологу увидеть остатки предшествующей деятельности на небольшом участке земли — организуются посредством воплощенной интерактивной практики.

Эта статья в значительной степени опирается на работы, которые я уже публиковал ранее. Нередко большие фрагменты моих предыдущих статей без изменений включаются в настоящую работу. Из предыдущих статей я больше всего опираюсь на Goodwin (2007b), где анализируется, как человек с афазией может выступать в роли эффективного говорящего, и Goodwin (2010), где рассматривается социальная организация воплощенности в археологии. Многие мои другие статьи тоже чрезвычайно релевантны для выдвигаемых здесь аргументов, включая «Профессиональное зрение» [Goodwin and Goodwin 1992], «Экологически связанные жесты» [Goodwin 2007a], «Действие и воплощение» [Goodwin 2000], а также мое нынешнее исследование, в рамках которого я изучаю, как Чил, человек с тяжелой афазией, использует разную просодию с одними и теми же лексическими элементами для построения очень разнообразных форм действия [Goodwin, s.d.].

1 Понятие воплощения (embodiment) занимает очень важное место в мультимодальном анализе и в теории Гудвина в частности. Везде и только там, где употребляется это слово или образованные от него формы, для перевода используется слово «воплощение» (понимать как «во плоти», встроенное в тело, em-bodied).

Языковая сложность и диалогическая организация языка

Многие модели говорящего и языка, производящегося говорящим, сосредоточены на производстве богатых символических структур одним человеком. Таким образом, формальная лингвистика задается вопросом о том, как богатые грамматические предложения могут строиться посредством систематических ментальных операций говорящего. Даже ученые вроде Бахтина [Bakhtin 1981] и Волошинова [Volosinov 1973], рассматривающие язык как принципиально социальную практику, используют в качестве своих основных данных богатую языковую структуру, которая делает возможными такие явления, как чужая речь¹ [Goodwin 2007b]. Здесь речь предыдущего говорящего вступает в диалогические отношения с речью текущего говорящего через то, как она включается в язык и сознание текущего говорящего.

Используя Волошинова [Volosinov 1973] в качестве отправной точки, Гоффман [Goffman 1981] разработал подробную и важную модель, которая деконструирует говорящего на ряд различающихся сущностей, способных существовать одновременно в рамках одного высказывания.

199

На рисунке 1 демонстрируется ситуация, в которой рассказчица цитирует то, что сказал ее муж. Ситуация вращается вокруг одной из типичных сцен для общества среднего класса. Друзья купили новый дом. Будучи гостями, впервые посетившими дом, рассказчица и ее муж Дон восхищались приобретением своих друзей. Однако, рассматривая обои в доме, Дон спросил хозяев, имели ли те возможность «подобрать их» (“pick it out”, выбрать свои собственные обои), или были вынуждены согласиться на обои, выбранные строителями: «взять эти обои» (“take this wallpaper”) (строки 13–16).

Кто говорит в строках 14 и 16? Голос, который слышен, принадлежит Энн, нынешней рассказчице. Однако она цитирует то, что сказал ее муж Дон, и, более того, представляет его поступок как ужасный промах, оскорбление хозяев в описываемой сцене. Она одновременно цитирует слова другого человека и занимает определенную позицию по отношению к тому, что было сделано с помощью этих слов. В самом прямом смысле Энн (текущая рассказчица истории) и Дон (главный герой ее истории) оба являются «говорящими» то, что сказано в строках 14 и 16, хотя и по-разному. Аналитическая схема, предложенная

1 То, что Волошинов называл в своих книгах «чужой речью», на английский перевели как «reported speech», и Гудвин использует это словосочетание. Хотя более гибким переводом был бы вариант «косвенная речь», было принято решение оставить изначальный русский вариант.

Гоффманом в статье “Footing” для того, что он назвал «форматом производства» высказывания, предоставляет мощные инструменты для деконструирования «говорящего» в сложное напластование структурно различающихся видов сущностей (см. рис. 2).

- (4.0)
- 1 Ann: Well- ((throat clear)) (0.4)
Так что- ((прочищает горло))
- 2 We coulda used a liddle, marijuna.
Мы моглибы покурить немного, марихуны.
- 3 tih get through the **weekend**.
штоп выдержать выходные.
- 4 Beth: What happened.
Что случилось.
- 5 Ann: Karen has this new **house**.
У Карен новый дом.
- 6 En it's got all this like (0.2) ssilvery:: g-go:ld
И в нем типа (0.2) ссеребряно:: з-золоты:
- 7 wwa:llpaper,
ообои,
- 8 *hh (h) en D(h)o(h)n sa(h)ys,
*hh (h) и Д(h)o(h)n гово(h)рит,
- 9 y'know this's th'firs'time we've seen this hou:se.
а мы первый раз видим этот дом.
- 10 =Fifty five thousn dollars in Cherry Hill.=Right?
=Пятьдесят пять тыщ долларов в Черри-Хилл.=Так?
- 11 (0.4)
- 12 Beth: Uh **hu:h**?
Э ага:?
- 13 Ann: Do(h)n said (0.3)
До(h)n сказал
- 14 dih-did they ma:ke you take this wa(h)llpa(h)p(h)er?
он-они заставили вас взять эти о(h)бо(h)и
- 15 Beth: hh!
hh!
- 16 Ann: =er(h)dirdju pi(h)ck i(h)t ou(h)t.
=или(h)вы и(h)x са(h)ми вы(h)бра(h)ли.
- 17 Beth: Ahh huh huh huh huh=
Ах ха ха ха ха=

Рис. 1. Передача речи другого говорящего.

Fig. 1. Reporting the speech of another.

С точки зрения категорий, предложенных Гоффманом, Энн является аниматором, стороной, чей голос фактически используется для производства этого фрагмента речи. Однако автором этого разговора, стороной, создавшей сказанную фразу, является другой человек, муж говорящей, Дон. В самом прямом смысле он несет ответственность не только как автор этого высказывания, но и как его принципал, сторона, несущая социальную ответственность за выполнение действия, совершенного первоначальным высказыванием. Гоффман часто отмечал, что речь ведущих повседневную беседу может составлять целый театр. И действительно, здесь Энн выводит Дона на сцену как персонажа истории, которую она рассказывает, или, в терминах Гоффмана, анимирует его как фигуру.

Кроме того, в пространстве высказывания Энн наблюдается сложное многослойное и темпоральное взаимопроникновение этих различных видов сущностей. Поэтому было бы невозможно обозначить это высказывание как цитату, поставив кавычки до и после слов Дона. Помимо отчета об этих словах, высказывание также содержит ряд токенов смеха, которые должны слышаться не как часть того, что сказал Дон, а, наоборот, как комментарии нынешнего говорящего, Энн, к тому, что делал Дон посредством этих слов. С помощью токенов смеха Энн одновременно демонстрирует свою собственную позицию по отношению к высказыванию Дона, формулируя его речь как нечто, над чем следует посмеяться, и приглашает слушателей это сделать благодаря заложенной в токены смеха возможности приглашать посмеяться [Jefferson 1979]. Таким образом, Энн анимирует Дона как фигуру в своей речи и одновременно дает свой собственный комментарий к тому, что он сказал, размещая свои токены смеха по всему цитируемому фрагменту речи.

Одним словом, в “Footing” Гоффман предлагает плодотворную модель для систематического анализа сложного театра различных видов сущностей, способных сосуществовать в одном фрагменте чужой речи. Разрабатываемая им аналитическая рамка раскрывает важные аспекты когнитивной сложности говорящих в разговоре, которые создают вокруг своих высказываний плотно населенный и имеющий сложную текстуру мир. Помимо производства осмысленного лингвистического предложения, Энн, в пределах одного высказывания, создает образ другого говорящего, имеющий социальные последствия. Его речь насквозь пронизывается речью иного рода, выражающей позицию Энн по отношению к его словам и формулирующей как то, что он сказал (например, в качестве объекта для смеха), так и то, какого типа человек сказал бы такое. Гоффмановская деконструкция говорящего содержит подлинные аналитические открытия и инструменты для применения этих открытий к важному фрагменту речи.

Гоффмановский говорящий — многослойная структура, включающая в себя совершенно разные типы сущностей, которые сосуществуют в рамках одного высказывания, — обладает значительной когнитивной сложностью. Тем не менее никакая сравнимая семиотическая жизнь не анимирует слушателей Гоффмана. В отдельном разделе статьи они описываются как когнитивно простые точки в аналитической сетке, охватывающей возможные типы участия в речевой ситуации (например, «адресат» против «подслушивающего» и так далее). Из-за того, что модель Гоффмана (как и модель Волошинова) фокусируется исключительно на феноменах в структуре речи, видимые тела слушателей и то, как другие стороны, помимо говорящего, могут рефлексивно участвовать в текущей организа-

ции высказывания, оказываются невидимыми. Для такого логоцентризма есть веские причины. На протяжении тысячелетий люди пытались решить проблемы, связанные с передачей значимой структуры речевого потока в письменной форме. Системы письменности, а также открытия и методологические инструменты, которые они предоставили для анализа лингвистической и фонетической структуры и создания точных записей, которые могут сохраняться во времени и переноситься с места на место, etc., являются главными достижениями, которые обеспечивают важнейшую инфраструктуру для многих исследований структуры языка, речевых жанров и, в последнее время, речи-во-взаимодействии. Однако такой перекося в сторону того, что может быть записано, делает многие ключевые феномены, включая одновременные воплощенные действия слушателей, невидимыми и недоступными для анализа [Linell 2005].

202

Рис. 2. Многослойный спикер.

Fig. 2. A laminated speaker.

Современные видео- и компьютерные технологии позволяют исследовать на повторяющейся основе как тела, так и речь участников взаимодействия и, таким образом, аналитически выйти за рамки логоцентризма. Некоторые данные свидетельствуют о том, что

ни речь, ни язык сами по себе не являются самодостаточными системами, а функционируют в рамках более крупной экологии систем знаков [Goodwin 2000].

Построение высказывания вместе с другими

Анализ языка с точки зрения формальной лингвистики, а также социальные модели языка Бахтина, Волошинова и Гоффмана требуют в качестве отправной точки высказывания с богатым синтаксисом, например, клаузы, в которых сообщаемая речь другого встраивается в более крупное высказывание текущего говорящего. Необходимость богатого синтаксиса не только исключает важные действия, такие как симметричные приветствия, которые, по крайней мере в английском языке, часто выполняются с помощью одного-двух слов (например, “Hi”) [Schegloff 1972], но и определенные типы говорящих.

Из-за тяжелого инсульта, перенесенного в 65 лет, Чил, действия которого мы далее рассмотрим, может произносить только три слова: «да», «нет» и «и». Он не способен производить высказывания, которые, судя по всему, необходимы для гоффмановского «формата производства» и волошиновской «чужой речи» (то есть он не может построить предложение типа «Джон сказал Х»). Кажется, что такой человек, как Чил, не дотягивает до того, кто считается компетентным говорящим, необходимым как для их диалогического анализа, так и для формальной лингвистики.

На самом деле Чил — эффективный говорящий во взаимодействии и, более того, говорящий, способный включать в свои высказывания речь других людей. Описание того, как он это делает, требует модели говорящего, выходящей за рамки отдельного человека. Примером может служить последовательность, представленная на рисунке 3. Сын Чила Чак и невестка Кэнди обсуждают с ним количество снега, выпавшего за зиму в районе Нью-Йорка, где живет Чил. После того, как Кэнди отмечает, что «в этом году» (“this year”) выпало не так много снега (с чем Чил энергично соглашается в той части разговора, которая не была включена в данный транскрип), в строке 11 она говорит, что такая ситуация заметно отличается от того количества снега, которое выпало «в прошлом году» (“last year”). Первоначально Чил вроде бы соглашается с помощью “yeah” (во взаимодействии в опущенной части разговора Чил энергично соглашался с тем, что говорила Кэнди, и, таким образом, есть основания ожидать и действовать так, как если бы этот процесс продолжался и здесь). Однако он заканчивает выражение своего согласия прерыванием (тем самым зримо обрывая и корректируя свое первоначальное выражение согласие) и переходит к сильному,

ярко выраженному несогласию в строке 13. Кэнди тут же поворачивается к нему и меняет свое «в прошлом году» (“last year”) на «в позапрошлом году» (“the year before last”). До того, как она успевает закончить, Чил (строка 15) подтверждает правильность уточненного варианта.

Несмотря на его крайне обедненный язык, Чилу удается сделать в разговоре непростой и точный ход: в отличие от того, что первоначально сказала Кэнди в строке 10, много снега было не «в прошлом году» (“last year”), а «в позапрошлом году» (“the year before last”). Чил говорит это, заставляя кого-то другого произнести именно те слова, которые ему нужны. Высказывание в строке 14 семантически и синтаксически намного превосходит то, что Чил мог бы сказать сам.

Участники разговора обсуждают снег в том месте, где живет Чил

1 Candy: You haven't had **that** much this year have you.
В этом году у тебя еще **столько** не было да.
...((8 строк опущены))

10 Candy: But **la-st** year. Whoo!
Но в **n** **рошлом** году. Ух!

11 Chuck: mm
mm

12 Candy: In the l-ast year-
В прошлoм году-

13 Chil: °yeah- **No. No. No.:**
да- **Нem. Нem. Нe:m.**

14 Candy: er the year before la-st.
и в позапрошлом.

15 Chil: Yes.
Да.

Рис. 3. Использование языковых способностей другого говорящего.

Figure 3. Using the language abilities of another.

Хотя высказывание в 14-й строке не только произносится, но и конструируется Кэнди, было бы неправильно рассматривать его как ее высказывание. Во-первых, чуть ранее, в строках 10 и 12, она озвучила позицию, которая здесь опровергается. Во-вторых, как показывает согласие Чила в строке 15, Кэнди предлагает исправленный вариант как нечто, что должно быть принято или отвергнуто Чилом, а не как эпистемически собственное заявление. Таким образом, строка 14 вроде бы требует того типа деконструкции говорящего, к которой призывал Гоффман в “Footin”, Кэнди в некотором смысле является аниматором или «звуковым ящиком» (“sounding box”) для позиции, озвучиваемой Чилом. Однако аналитическая

схема, предложенная Гоффманом в “Footing”, не совсем точно отражает происходящее здесь. Хотя Кэнди в некотором важном смысле выступает в роли аниматора для Чила, она не упоминает его и никакого цитирования не происходит. Идея, что Чил в некотором смысле является автором и принципалом 14-й строки, кажется интуитивно убедительной (сказанное в этой строке не было бы сказано без его вмешательства, и он рассматривается как конечная инстанция вынесения суждения о правильности сказанного). Однако каким образом можно идентифицировать в качестве автора строки 14 того, кто совершенно неспособен произвести ни ее семантику, ни ее синтаксис?

Для прояснения этих вопросов нужно более тщательно рассмотреть интерактивные практики, используемые для построения происходящего здесь разговора. Интервенция Чила в 13-й строке является примером того, что Шеглофф, Джефферсон и Сакс (1977) описывают как починку, инициированную другим. Своим «Нет Нет. Не:т.»¹ Чил настойчиво указывает, что с только что сказанным Кэнди, которая является предыдущим и все еще текущим говорящим, что-то не так. Она может повторно проанализировать свои слова, чтобы попытаться найти то, что нуждается в починке, и здесь этот процесс выглядит несложным. В ответ на ход Чила Кэнди меняет «в прошлом году» (“last year”), ключевую формулировку в высказывании, против которого возражает Чил, на альтернативную формулировку «в позапрошлом году» (“the year before last”).

205

Такие практики организации починки, которые широко распространены не только в интеракциях Чила, но и в высказываниях свободно владеющих речью говорящих [Schegloff et al. 1977], имеют ключевое значение как для способности Чила функционировать в качестве говорящего во взаимодействии, так и для проверки аналитических моделей, предложенных Гоффманом и Волошиновым. Во-первых, благодаря тому, что «да» и «нет» Чила привязаны к конкретным фрагментам речи других (например, к тому, что только что сказала Кэнди), они имеют сильный индексальный компонент, который позволяет Чилу использовать в качестве ресурса детализированную структуру в речи других и в некотором смысле включать эту речь в свои собственные, лингвистически обедненные высказывания. Так, в строке 13 слышно, что он возражает не против жизни в целом, а именно против того, что сказала Кэнди в строке 12, и соглашается с тем, что она сказала в строке 14. Во-вторых, в основе такого расширения доступных

1 В оригинале: “No No. No.:”.

Чилу лингвистических ресурсов лежит способ встраивания его отдельных высказываний в последовательности диалога с другими, или, в более общем смысле, в последовательностную организацию взаимодействия. Однако именно это понятие диалога как последовательностей высказываний нескольких участников Волюшинов [1973: 116] стремился исключить из своей формулировки диалоговой организации языка. Тем не менее действия Чила здесь являются наглядной демонстрацией более широкого бахтинского аргумента о том, что говорящие в своей речи «арендуют» и повторно используют слова других.

В-третьих, происходящее здесь требует деконструкции говорящего, которая релевантна, но отличается от того, что предлагает Гоффман в “Footings”. То, что Чил говорит своим «Нет» в 13-й строке, индексально включает в себя то, что Кэнди сказала в 11-й, хотя Чил не цитирует и не способен процитировать то, что она сказала там. Вместо структурно богатого одиночного высказывания, предлагаемого в разрабатываемой Гоффманом модели нескольких голосов, наслаивающихся друг на друга в сложном высказывании одного говорящего, здесь мы обнаруживаем один лексический элемент, простое «Нет» (“No”), которое охватывает несколько чередов (например, в строках 11 и 13) отдельных акторов (Кэнди и Чила). В отличие от рассказа Энн на рисунке 1, высказывания Чила нельзя понимать или анализировать изолированно. Их понимание требует включения чужих высказываний, с которыми Чил зримо устанавливает связь.

Говорящий здесь не находится в одном человеке, а распределен по нескольким телам и помещен в последовательность высказываний. Умение Чила детально манипулировать структурой складывающегося разговора, возражая против только что сказанного, то есть действовать во взаимодействии, превращает его в ключевого автора исправления, совершаемого Кэнди в строке 14, несмотря на его неспособность произвести язык, который там используется. Хотя Кэнди не сообщает о речи другого, она говорит за Чила в строке 14 и назначает его принципом того, что там говорится. Все это требует модели говорящего, которая берет в качестве центральной отправной точки не умение цитировать речь другого (хотя способность включать, устанавливать связь и повторно использовать чужую речь крайне важна), а способность производить значимое действие в рамках последовательностей взаимодействия.

В-четвертых, совершающееся здесь действие и дифференцированные роли, которые стороны исполняют в нем, определяются не только речью, но и участием как динамически разворачивающимся процессом. В начале 13-й строки Кэнди отворачивается

от Чила, чтобы посмотреть на Чака. Речь Чила в 13-й строке возвращает взгляд Кэнди на него (ее глаза перемещаются от Чака к Чилу во время последнего из его трех «нет»). Такое привлечение взгляда адресата похоже на то, как свободно владеющие речью говорящие используют феномены вроде рестартов (restarts), чтобы добиться взгляда слушателя, прежде чем приступить к содержательному высказыванию [Goodwin 1980, 1981].

В данном случае, однако, следующее высказывание производит адресат, Кэнди, а не Чил, сторона, добивающаяся взгляда. Тем не менее через организацию своего тела Чил показывает, что он действует как кто-то больший, нежели реципиент высказывания Кэнди, и вместо этого разделяет роль говорящего это высказывание. Как правило, жесты производятся говорящими. Исследование Макнилла [McNeill 1992] убедительно показывает, что высказывание и сопровождающий его жест являются взаимосвязанными компонентами одного основополагающего процесса. Строка 14 сопровождается жестом. Однако его выполняет не говорящий человек — Кэнди, а Чил (см. рис. 4).

207

Рис. 4. Разные участники производят разговор и жесты, его сопровождающие.

Fig. 4. Separate participants produce talk and its accompanying gesture.

Таким образом, Чил участвует в высказывании Кэнди, совершая действие, обычно предназначенное для говорящих, и при этом зримо демонстрирует, что он в некотором роде действует как кто-то больший, нежели слушатель. Этот жест представляет собой визуальную версию того, что говорила Кэнди, и, в частности, иллюстрирует идею о том, что одной единице (которую можно понимать как «год» (“year”) в силу того, как жест темпорально связан с речью Кэнди) предшествует другая. Когда Кэнди произносит «год» (“the

year”), Чил поднимает руку в ее сторону с двумя вытянутыми пальцами. Затем, когда она говорит «позапрошлый» (“before last”), он двигает жестикулирующую руку вниз и влево (см. рис. 4). Даже если эта интерпретация жеста неизбежно остается спекулятивной (как для участников, так и для аналитика) из-за неспособности Чила полностью прояснить ее в собственной речи, жест точно скоординирован со складывающейся структурой речи Кэнди и наглядно демонстрирует участие Чила в поле действия, которое организуется посредством этой речи.

Обнаруживающийся здесь говорящий не определяется богатыми символическими структурами, составляющими часть ментальной жизни отдельного человека, а распределен по множеству тел, и обнаруживающиеся здесь знаки, используемые для построения высказывания и действия, распространяются на воплощенное действие за пределами потока речи. Высказывание и выражаемая им пропозиция являются многоучастными (multi-party) и мультимодальными (multi-modal).

Ниже приводится еще один пример того, как позиция говорящего распределяется между несколькими телами и встраивается в последовательностную организацию диалога. Здесь дочь Чила, Пэт, и сын Чак планируют поход по магазинам. И снова Чил перехватывает высказывание говорящего решительным «Нет» (“No”) (строки 6–7 на рис. 5). Пэт говорит о проблеме поиска носков, которые подойдут для ножного корсета Чила, поскольку магазин, где она покупала их в последний раз, закрылся.

Происходящее здесь структурно похоже на фрагмент с «позапрошлым годом», рассмотренный на рисунках 3 и 4. После того, как Чил использует «Нет» (“No”), чтобы оспорить что-то в текущем высказывании, говорящий вносит изменения, которые Чил подтверждает. Чил снова оперирует складывающейся последовательностной структурой локального диалога, чтобы побудить другого говорящего произнести нужные ему слова. Однако если на рисунке 3 Кэнди смогла произвести необходимое изменение путем довольно прямого преобразования текущего высказывания (изменив «в прошлом году» (“last year”) на «в позапрошлом году» (“the year before last”)), то ресурсы, которые использует для внесения изменений Пэт, не видны в транскрипте. Как ей удастся найти совершенно другой магазин и, более того, определить его географическое местоположение? При изучении визуальной записи этого взаимодействия мы обнаруживаем, что в дополнение к речи Чил делает наглядный указательный жест, возражая на то, что говорит Пэт. Пэт воспринимает это как указание на конкретное место поблизости: магазин в соседнем городе, находящийся в том направлении, куда указывает Чил (см. рис. 6).

- 1 Pat: So you always need the black socks:
Так что черные носки: тебе нужны всегда
- 2 Chuck: °umm.
мм.
- 3 (1.7)
- 4 Pat: It's too bad we found *those* there *too*
Жаль, что мы брали *их* тоже *там*
- 5 at the store that went outa busi-ness.
в магазине, который закрылся.
- 6 Chil: Na- °dee *No*:=
7 =dih dih dih- На- °ди *Нем*:=
=дай дай дай-
8 (0.5)
- 9 Pat: Yeah.=*You* went to *Bergenfield*.
Да.=*Ты* ездил в *Бергельфилд*.
- 10 Chil: *Ye:s*.
Да:.

Рис. 5. Просто разговора недостаточно.

Fig. 5. Talk alone is inadequate.

Чил конструирует свое действие в строках 6–7, используя одновременно несколько совершенно разных смыслообразующих практик, которые взаимно уточняют друг друга. Во-первых, как было видно и в примере с «прошлым годом» на рисунках 3 и 4, точно размещая свое «Нет» (“No”) (которое снова накладывается на оспариваемое утверждение), Чил получает возможность использовать то, что говорит другой говорящий, в качестве индексальной отправной точки для своего действия. Его слушатели могут использовать его высказывание для того, чтобы локализовать что-то довольно конкретное по поводу того, на что Чил пытается указать (например, что его действие касается чего-то, связанного с местом, где были куплены носки). Тем не менее, как наглядно демонстрирует этот пример, такое индексичное фреймирование ни в коей мере не является адекватным для точного определения того, что Чил пытается сказать (например, в строках 4–5 нет никакого указания на магазин в Бергенфилде). Однако Чил дополняет свое «Нет» (“No”) вторым действием — указательным жестом. Взятое само по себе, такое указание может быть довольно сложным для интерпретации адресатом. Даже если предположить, что предметом указания выступает что-то в окружающей среде, линия, созданная пальцем Чила, простирается на неопределенное расстояние. Указывает ли он на что-то в комнате перед ними, или, как в данном случае, на место, которое на самом деле удалено на несколько миль? Одна-

ко, используя параллельно производимую (со-occurring) речь, слушатель может получить ключевую информацию об указываемой точке (например, что это место, где были куплены обсуждаемые носки). Кроме того, указываемая точка ограничивает довольно открытое индексальное поле, очерченное предшествующим разговором, указывая на альтернативу тому, что только что было сказано. Как разговор, так и указательный жест сами по себе являются частичными и неполными. Однако, когда каждый из них используется для уточнения и придания смысла другому, создается целое, которое больше суммы своих частей [см. также: Wilkinson et al. 2003].

Способность правильно видеть и использовать указательный жест Чила требует знания структуры окружающей среды, которая задействуется через жест. Можно ожидать, что Пэт, как человек, регулярно действующий и передвигающийся там, где живет Чил, будет способна распознать такую структуру, в то время как незнакомый человек этого бы не сделал. Таким образом, действие Чила охватывает ряд довольно разных семиотических полей [Goodwin 2000], включая его собственную речь, речь другого говорящего, с которой связано «Нет» (“No”) Чила, его жестикулирующую руку и пространственную организацию его окружения. Хотя действия Чила строятся на основе общих практик (отрицание, указание и т. д.), они ситуированы и рефлексивно задействуют локальную среду, которая определяется как складывающейся последовательностной структурой текущего разговора, так и детальной организацией жизненного мира, в котором совместно живут он и его собеседники.

В одной из распространенных моделей того, как люди коммуницируют, адресат/слушатель концептуализируется как сущность, которая просто декодирует лингвистические и другие знаки, составляющие высказывание, и при помощи этого процесса восстанавливает то, что говорит говорящий. Такая модель явно не подходит для того, что происходит здесь. Чтобы понять, что Чил пытается сказать или указать, Пэт должна выйти далеко за пределы того, что можно найти в ее речи или в указательном жесте Чила. Знаки, которые производит Чил, не кодируют сами по себе предложение, а предполагают слушателя, который будет использовать их в качестве отправной точки для комплексной, контингентной работы вывода. Чилу требуется когнитивно сложный слушатель, который сотрудничал бы с ним в утверждении публичного смысла путем участия в текущем ходе действия.

Структуры участия, с помощью которых Чил становится говорящим, не заключены только в его высказывании — они распределены между несколькими высказываниями и акторами. В 9-й строке

Пэт реагирует на интервенцию Чила, предоставляя глоссу по поводу того, что, по ее мнению, он говорит: «Ты ездил в Бергенфилд» (“You went to Bergenfield”). Чил подтверждает правильность этого утверждения своим «Да» (“Yes”) в 10-й строке. Если анализировать это действие, опираясь только на транскрипт, может показаться, что это простое согласие с тем, что сказала Пэт в 9-й строке. Однако при просмотре визуальной записи взаимодействия видно, что Чил переводит взгляд с Пэт на Чака, когда произносит это слово (рис. 7).

Множественные контекстуальные поля

Локальный разговор Нет

Указательный жест Структурирование
Пространство Локального
Жизненного Мира

- 1 Pat: So you always need the black socks:
Так что черные носки: тебе нужны всегда
- 2 Chuck: °umm.
мм.
- 3 (1.7)
- 4 Pat: It's too bad we found **those** there **too**
Жаль, что мы брали **ux** тоже **tam**
- 5 at the store that went outa busi ness.
в магазине, который закрылся.
- 6 Chil: Na- °dee **No**:=
7 =dih dih dih-
=дай дай дай-
8 (0.5)
- 9 Pat: Yeah.=**You** went to **Bergenfield**.
Да.=**Ты** ездил в **Бергельфилд**.
- 10 Chil: **Ye:s**.
Да:.

Глосса реципиента в следующем
череду обеспечивает разговор,
который эксплицирует жест

211

Рис. 6. Построение смысла с помощью различных видов знаков, взаимно дополняющих друг друга.

Fig. 6. Building meaning with different kinds of signs that mutually elaborate each other.

Чак, приехавший в гости, живет на другом конце континента. Поэтому он не знает о многих недавних событиях в жизни Чила, включая магазин в Бергенфилде, о котором только что узнала Пэт (хотя Чак, выросший в этом городе, знаком с местной географией).

Переводом взгляда (и манерой произнесения «Да» (“Yes”), которую я не в состоянии передать должны образом в транскрипте) Чил зримо занимает позицию человека, который рассказывает Чаку об этом магазине. Таким образом, Чил выступает не только в роли автора, но и в роли говорящего и рассказчика (speaker and teller) этой новости. Разумеется, у него есть веские основания претендовать на эту позицию. Чуть раньше, в строках 4-5, Пэт говорила нечто совсем другое, и только вмешательство Чила заставило ее произнести высказывание, которое он сейчас подтверждает. В пределах одного слога в 10-й строке Чил осуществляет различные виды действия для структурно различных типов реципиентов: во-первых, подтверждение того, что только что сказала Пэт, знающая о событии, о котором идет речь, и теперь узнающая его; во-вторых, сообщение об этом событии Чаку, не знающему о нем реципиенту.

212

- 4 Pat: It's too bad we found **those** there **too**
Жаль, что мы брали **их** тоже **там**
- 5 at the store that went outa busiⁿness.
в магазине, который закрылся.
- 6 Chil: Na- °dee **No**:=
7 =dih dih dih- На- °ди **Нем**:=
8 =дай дай дай-
(0.5)
- 9 Pat: Yeah.=**You** went to **Bergenfield**.
Да.=**Ты** ездил в **Бергельфилд**.
- 10 Chil: **Ye:s.**
Да:.
- 11 Chuck: °uh huh. uh huh. ((Nods to Chil))
°э а. э а. ((Кивает Чилу))
- 12 Pat: To the men's shop.
В магазин для мужчин.

Рис. 7. Говорящий, распределенный между несколькими актерами и знаковыми структурами.

Fig. 7. A speaker distributed across multiple actors and sign structures.

И волошиновский анализ «чужой речи», и гоффмановская деконструкция говорящего фокусировались на изолированном высказывании одного человека, который сумел составить многослойный набор структурно различных типов участников, используя сложный синтаксис для цитирования речи другого. В отличие от этого, аналитическая рамка, необходимая для описания позиции говорящего (speakership), занимаемой Чилом в строке 18, должна выйти за его пределы как изолированного актора и охватить высказывания и действия других участников, которые он индексально включает в свое односложное высказывание в 10-й строке. Кроме того, понимание его действий требует внимания не только к структуре в потоке речи, но и к его видимому телу, а также к соответствующей структуре в окружающей среде. Занимаемая Чилом позиция говорящего (speakership) распределяется между несколькими высказываниями, произносимыми разными участниками (например, речь Пэт в строках 13 и 17 является центральной частью того, что сообщается через его «Да» (“Yes”)), и включает в себя не-лингвистическую структуру, предоставляемую как его видимым телом, так и семиотической организацией окружающей его среды. Его речь полностью диалогична. Однако анализ того, как он инкорпорирует речь других людей в структуру своей речи, требует выхода за рамки моделей чужой речи и говорящего, предложенных Волошиновым и Гоффманом.

213

Интерактивное конструирование когнитивно богатых воплощенных акторов

Мультимодальная интерактивная организация языка и тела, которая была центральной для способности Чила действовать в качестве говорящего и выстраивать действия совместно с другими, не ограничивается такими особыми случаями, как афазия. Более того, эти же практики могут охватывать не только речь и тела говорящих и слушающих, но и объекты в мире, а также организацию воплощенной практики, которая составляет ядро профессиональных навыков.

Для изучения этих феноменов мы рассмотрим теперь видеозаписи взаимодействия между археологами, вовлеченными в процесс зрительного обнаружения и нанесения на карту (mapping) релевантной структуры, которая становится видимой для их профессионального взгляда в исследуемом ими грунте культурного слоя. Записи были сделаны на полевой школе [представленный здесь анализ взят из: Goodwin 2010]. Старший археолог направляет формирующееся зрение новичка, который пытается увидеть и нанести на карту остатки древних зданий, которые сейчас видны только

в виде слабых цветных пятен в исследуемом грунте. Формирующееся здесь профессиональное зрение [Goodwin 1994], а именно способность видеть мир как археолог и доверять тому, что другие в этом сообществе видят мир таким же образом, является центральным для социальной организации (i) как восприятия, так и действия, (ii) для воплощенности как того, что социально организовано, так и (iii) для форм перспективного видения, которые являются центральными для ряда аналитических понятий, включая понятие культуры в антропологии.

В основе антропологического понятия культуры лежит наблюдение, что различные социальные группы видят и классифицируют окружающую среду и вещи, находящиеся в ней, радикально по-разному. Культурная антропология дает множество богатых описаний разнообразных систем категорий, встречающихся в различных культурах. Однако возможность такого разнообразия ставит вопрос не просто о различии, но скорее о том, как отдельные люди в сообществе (например, профессиональных археологов) могут, в отсутствие какой-либо формы чтения мыслей, надежно обнаруживать одни и те же объекты в сложных перцептивных средах, которые находятся в центре внимания их группы, и согласованно классифицировать то, что они видят. Каким образом археологи не только видят интересующие их феномены, такие как столбовые ямы и следы от плуга, в аморфном поле тонких цветовых различий в исследуемом ими грунте, но и доверяют другим археологам (но не посторонним людям) в том, что те надежно видят то же самое? Правильная классификация таких способностей — это не что-то, относящееся к ментальной жизни индивида. Скорее, задача, стоящая перед отдельными индивидами, которые согласованно видят, классифицируют и работают с вещами, находящимися в фокусе их работы, вытекает из необходимости совершения совместных действий в сотрудничестве друг с другом.

В своей работе я обнаружил, что продуктивным местом для изучения этих вопросов является обстановка, в которой происходит профессиональное обучение и новички становятся компетентными членами таких профессиональных сообществ, как археологи, хирурги и химики. Сейчас я коротко рассмотрю работу, совершаемую молодой студенткой археологии Сью в один из первых дней ее первой полевой школы. Перед ней стоит задача определить археологический объект (общий термин для обозначения видимой в грунте структуры, которая аналитически релевантна для работы археологов), очертив кончиком лопатки форму столбовой ямы — полости, в которой был столб, поддерживавший крышу древнего дома, — чтобы его можно было нанести на карту. Карта — необходимая запись, поскольку столбовая яма видна только в цветовом узоре грунта, с которым сейчас рабо-

тают, и формы, составляющие ее, будут уничтожены при удалении слоя грунта для раскапывания более глубоких слоев. Таким образом, ее задача охватывает три обыденных объекта, которые составляют материальную и когнитивную инфраструктуру археологии как профессии: во-первых, археологический объект, материальные следы деятельности более раннего человеческого общества; во-вторых, инструмент, в данном случае лопатка, который используется для выявления таких объектов в грунте, представляющем собой в буквальном смысле первичное основание археологической практики; и в-третьих, карта — портативная запись того, что можно было увидеть на поверхности грунта, которая впоследствии была уничтожена.

Сью дошла до того места в грунте, где трудно разглядеть форму столбовой ямы, которую она пытается очертить. Энн, старший археолог, которая руководит полевой школой, проводит пальцем вдоль секции столбовой ямы, говоря: «Это просто реально сложная часть» (“This is just a real nasty part of it”), а затем, мгновение спустя, проводит рукой над длинной полосой в грунте, которую она описывает как «помеху» (“disturbance”). Как видно в верхней части рисунка 8, большой палец и остальные пальцы руки Энн, которые имеют форму перевернутой буквы U, передают ширину полосы, в то время как ее движущаяся рука показывает ее длину (рис. 8).

215

Рис. 8. Экологически связанные жесты.

Fig. 8. Environmentally coupled gestures.

Энн строит свои действия с помощью триады структурно различающихся видов знаковых ресурсов — языка, своей жестикулирующей руки и грунта и с его цветовым узором, — которые взаимно проясняют друг друга, создавая целое, которое не только больше, но и отличается от любой из его составных частей. Сю не смогла бы надлежащим образом понять, что Энн говорит ей о том, как делать эту работу, если бы уделяла внимание любому компоненту этой триады изолированно, например, если бы она просто слушала то, что говорит Энн, или сосредотачивалась только на грунте. Такие экологически связанные жесты (*environmentally coupled gestures*) [Goodwin 2007a], которые соединяют вещи в мире с воплощенными действиями и классификациями этих вещей способами, релевантными для локальных участников («помеха», которая скрывает наносимый на карту объект), являются обычными и распространенными в некоторых обстановках, таких как археологические раскопки (другой пример — указание на таблицу Манселла в нижней части рисунка 8). Почему? Заметим, что для практикующего археолога чисто символическое понимание таких релевантных для работы категорий, как «помеха» или «столбовая яма», совершенно неадекватно. Абстрактное знание того, что помеха — это что-то, что деформирует стратиграфию или объекты, никоим образом не обеспечивает работающего археолога навыками и профессиональным зрением, необходимыми для компетентного обнаружения помех в их богатом физическом разнообразии — материальные следы от плугов, норы грызунов и т. д. — в реальном грунте, в раскапывании которого состоит его работа. Однако экологически связанные жесты объединяют в единый комплект действия, релевантные категории и непосредственно имеющиеся вещи, которые категоризируются как часть значимых действий, составляющих жизненный мир данной обстановки. Тем самым они помогают преодолевать, с помощью ситуированной (*situated*) практики, отмеченный Витгенштейном [Wittgenstein 1958] разрыв между правилом (в данном случае, категорией) и его применением, здесь — вещами в окружающей среде, которые следует рассматривать в качестве примеров этой категории. Одновременно в учебных обстановках, таких как полевые школы, они предоставляют ресурсы для формирования с помощью эндогенной социальной практики как вещей (вроде столбовых ям и карт), которые находятся в фокусе работы сообщества, так и воплощенных акторов сообщества, которым можно доверять в том, что они надлежащим образом распознают и работают с этими вещами именно теми способами, которые релевантны для интересов сообщества (например, выявление и картографирование объектов).

Совершающаяся трансформация сред (*environments*), например та, которая показана на рисунке 8, предоставляет важней-

шие ресурсы для калибровки, посредством публичной практики, профессионального зрения, необходимого для того, чтобы видеть, распознавать и правильно работать с вещами, которые находятся в фокусе работы сообщества. Проведение линии, очерчивающей объект, переносит на грунт, в котором ведутся раскопки, то есть на публичную арену, где он становится видимым для других, конкретный способ, которым рисующая контур увидела объект, то, где именно она локализовала его границы. Это конструирование созданной человеком формы, которая впоследствии будет перенесена на карту, представляет собой акт категоризации, а именно создание иконического знака, выражающего важнейшие аспекты вещи, на которую направлено внимание в грунте. Деятельность по определению археологического объекта является одним из центральных мест, где сырой материал, предоставляемый грунтом, который находится в фокусе археологического исследования, преобразуется в релевантные объекты, такие как формы на картах, оживляющие специфический дискурс археологии. Здесь естественная вещь — цветное пятно на участке грунта — превращается в культурный объект, который имеет значение для когнитивной работы конкретного сообщества.

217

Однако, в отличие от имеющего ту же форму рисунка на карте, которая будет унесена с места проведения полевых работ, знак, созданный контуром на земле, ситуирован внутри того же визуального и материального поля, что и объект, который он изображает. Он еще не отделен от цветового узора в грунте, который он репрезентирует. Лиминальное положение этого знака, то, что он находится одновременно в грязных частицах кодируемого грунта и в мире чистых, созданных человеком иконических репрезентаций археологически релевантных объектов, предоставляет важнейшие ресурсы для калибровки профессионального зрения и практики. Это позволяет другому археологу систематически оценивать точность и мастерство выполнения рабочих практик новичка путем сравнения нарисованного контура с формой, которую компетентный практик видит в самом грунте. Обратите внимание, что такое сравнение становится невозможным после того, как фигуру стирают с поверхности грунта и для изучения остается только карта.

Делая дополнительные пометки на грунте, квалифицированный археолог может использовать те же самые ресурсы, чтобы сделать публичными конкретные детали того, как она, в отличие от новичка, видит форму. Последовательность действий, отраженная на рисунке 9, разворачивается после того, как Энн, старший археолог, осмотрела контур, который нарисовала Сью.

В строках 1-2 Энн использует свой палец, чтобы показать, где именно она нарисовала бы контур по-другому, производя подвиж-

ный указательный жест, который оставляет небольшой след на земле за пределами круга Сю. Релевантное для археологической работы видение столбовой ямы, с которой ведется работа, калибруется несколькими актерами посредством систематических практик, которые оставляют видимые следы на публичной арене — на поле, которое содержит реальный объект, с которым производится работа. Такие практики обеспечивают систематические ресурсы для межпоколенческой передачи именно тех способов распознавания релевантных объектов и использования инструментов для работы с ними (в данном случае, придания объекту видимости посредством умелого использования лопатки), которые составляют когнитивную инфраструктуру профессии.

218

1 Ann: En I-I would'a put it
И я-я бы нарисовала его
2 a **ti::ny** bit out there.
немно::го вон там.
3 (0.2)
4 Ann: But **that's** no big deal.
Но **это** не так важно.
5 Sue: Okay.
Окей.
6 (0.5)
7 Ann: But do you **see**: *hhh uhm
Но ты **ви:дишь** *hhh э
8 (0.6)
9 Ann: Right there.
Вон там.
10 (1.5)
11 Ann: Okay.
Окей.
12 Sue: I don't see that one at all.
Я вообще его не вижу.

Рис. 9. Диалоговая организация совместного видения.

Fig. 9. The dialogic organization of shared vision.

Главным в этом процессе является не только видимое, материальное присутствие объектов, с которыми ведется работа, и возможность манипулирования, классифицирования и аннотирования

ния релевантных феноменов в поле действия, которая позволяет осуществлять публичный многоучастный (multi-party) анализ, но и организацию совместных действий во взаимодействии. В силу их воплощенного соприсутствия в соответствующей обстановке Энн способна видеть не только актуальную среду, которая является отличительным фокусом внимания ее профессии (земляной пол проводимых раскопок), но и операции, которые новичок выполняет с этой средой, пытаясь находить и вести работу с вещами, которые любой компетентный член сообщества должен там видеть. Кроме того, поскольку Энн не просто наблюдатель, а человек, вовлеченный в совместное взаимодействие со Сью, она может использовать и использует то, что сделала Сью, в качестве отправной точки для своих собственных дальнейших действий. Метка, которую она оставляет пальцем, указывая на место, где она расположила бы границу объекта, не является изолированным действием, а, напротив, является видимым следующим действием по отношению к линии Сью, находящейся прямо рядом с ней. Новая метка Энн и речь, сопровождающая этот жест, критикуют и исправляют то, что сделала Сью, предлагая альтернативу тому месту, где она зримо расположила объект.

219

Ретроспективно Энн использует то, что сделала Сью, в качестве организующей рамки для построения своего собственного действия. Проспективно новая метка Энн и сопутствующая речь, категоризирующая эту метку, в отличие от метки Сью, как правильно очерчивающую объект, создают преобразованную среду для нового релевантного для работы видения, которое Сью теперь должна претворить в жизнь (в 7-й строке метка Энн сравнивается с цветовым узором грунта : «Ви:дишь» (“Do you see:”), и делают ответ Сью релевантным. В строке 12, после явно неудачной попытки увидеть узор, на который указывает Энн, Сью говорит: «Я вообще его не вижу» (“I don’t see that one at all”). Здесь важно не честное признание Сью, что она не видит того, что Энн хочет, чтобы она увидела, а то, как последовательная организация действий во взаимодействии [Heritage 1984; Sacks et al. 1974; Schegloff 1968] создает постоянно обновляемые публичные контексты, в которых акторы используют текущее состояние среды в качестве отправной точки для построения следующего действия (например, размещение Энн своей метки рядом с линией Сью) и при этом создают новый или измененный контекст, который определяет то, что может произойти после этого. Эта архитектура интерсубъективности, составляющая часть текущего взаимодействия с другими акторами и значимым материальным миром, обеспечивает ресурсы, позволяющие калибровать профессиональное зрение, необходимое членам сообщества для совместного распознавания

вещей, в видении которых в среде, являющейся фокусом их работы, они доверяют друг другу, и для освоения практик, необходимых для правильной работы с этими вещами (например, распознавания столбовой ямы и перенесения ее формы на карту). Овладение практиками, необходимыми для конструирования карты, одновременно создает релевантную когнитивную архитектуру археологов, которые используют такие карты в своей работе (рис. 10).

220

Рис. 10. Формирование сообществ и познания через публичные интерактивные практики.

Fig. 10. Building communities and cognition through public interactive practices.

Исторически в гуманитарных науках произошло разделение изучения феноменов, составляющих человеческую жизнь, на различные дисциплины. Так, Соссюр утверждал, что язык является предметом отдельной дисциплины, которая должна существовать как самостоятельная область исследований, отделенная от других областей, таких как социология и психология. В рамках антропологии одна субдисциплина, археология, фокусируется на материальных объектах, сохранившихся от более ранних обществ, другая, лингвистическая антропология, изучает язык, и отдельные субдисциплины изучают социальную организацию, биологию и культуру. Хотя такие дисциплинарные исследования, ограничивающиеся

специфическими феноменами, позволили многого добиться, человеческая деятельность, на самом деле, выходит за эти границы. Как хорошо показано в работах конверсационных аналитиков, организация разговора-во-взаимодействии — это не просто место возникновения языка в естественном мире, а элементарная форма человеческой социальности. Изучение человеческой социальной организации требует интенсивного анализа деталей использования людьми языка, а анализ языка требует внимания к эндогенным социальным практикам, посредством которых язык артикулируется как социальная практика в живом социальном мире. В данной работе я попытался продемонстрировать, что анализ реальных практик, используемых членами специфических сообществ для создания событий, составляющих их обыденные социальные миры, позволяет изучать человеческий язык, познание, социальную организацию, использование инструментов и воплощение с интегральной точки зрения. В этом интерактивном поле становится возможной когнитивная жизнь такого человека, как Чил, а детальные формы знания, социальная практика, воплощенное использование инструментов и отличительные способы видения мира и действия в отношении него, которые составляют такую профессию, как археология, возникают как живая социальная практика. Присущая человеческому действию мультимодальность, то, что оно строится путем объединения различных ресурсов для создания целого, превосходящего любую из его частей — например, экологически связанные жесты связывают категории с миром таким образом, что становится возможным обучение профессиональному зрению, лежащему в основе когнитивной жизни общества, — открывает возможность анализа человеческого языка, тел, познания (cognition) и социальной жизни с интегральной точки зрения.

221

Библиография / References

Bakhtin M. (1981) *The dialogic imagination: Four essays*, Austin: University of Texas Press.

Goffman E. (org.) (1981) Footing. E. Goffman, *Forms of talk*, Philadelphia: University of Pennsylvania: 124-159.

Goodwin C. (2010) Things and their embodied environments. L. Malafouris, C. Renfrew (orgs.) *The cognitive life of things*, Cambridge: McDonald Institute Monographs: 103-120.

Goodwin C. (1980) Restarts, pauses, and the achievement of mutual gaze at turn-beginning. *Sociological Inquiry*, 50(3-4): 272-302.

Goodwin C. (1981) *Conversational organization: Interaction between speakers and hearers*, New York: Academic Press.

- Goodwin C. (1994) Professional vision. *American Anthropologist*, 96(3): 606-633.
- Goodwin C. (2000) Action and embodiment within situated human interaction. *Journal of Pragmatics*, 32(10): 1489-1522.
- Goodwin C. (2007a) Environmentally coupled gestures. S. Duncan, J. Cassell, E. Levy (orgs.) *Gesture and the dynamic dimension of language*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins: 195-212.
- Goodwin C. (2007b) Interactive footing. E. Holt, R. Clift (orgs.) *Reporting talk: Reported speech in interaction*, Cambridge: Cambridge University Press: 16-46.
- Goodwin C. (2010) Constructing meaning through prosody in aphasia. In: D. Barth-Weingarten, E. Reber, M. Selting (orgs.) *Prosody in interaction*, Amsterdam: John Benjamins: 373-394.
- Goodwin C., Goodwin M. H. (1992) Professional vision. Plenary lecture. *Conference on Discourse in the Professions*, Uppsala.
- Heritage J. (1984) *Garfinkel and ethnomethodology*, Cambridge: Polity Press.
- Jefferson G. (1979) A Technique for inviting laughter and its subsequent acceptance/declination. G. Psathas (ed.) *Everyday Language: Studies in Ethnomethodology*, New York: Irvington Publishers: 79-96.
- Linell P. (2005) *The written language bias in linguistics: Its nature, origin and transformations*, Oxford: Routledge.
- McNeill D. (1992) *Hand & mind: What gestures reveal about thought*, Chicago: University of Chicago Press.
- Sacks H., Schegloff E. A., Jefferson G. (1974) A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation. *Language*, 50(4): 696-735.
- Schegloff E. A. (1972) Sequencing in conversational openings. J. J. Gumperz, D. Hymes (orgs.) *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*, New York: Holt, Rinehart and Winston: 346-380.
- Schegloff E. A. (1968) Sequencing in conversational openings. *American Anthropologist*, 70(6): 1075-1095.
- Schegloff E. A., Jefferson G., Sachs H. (1977) The preference for self-correction in the organization of repair in conversation. *Language*, 53(2): 361-382.
- Volosinov V. N. (1973) *Marxism and the philosophy of language*, Cambridge/London: Harvard University Press.
- Wilkinson R., Beeke S., Maxim J. (2003) Adapting to conversation: On the use of linguistic resources by speakers with fluent aphasia in the construction of turns at talk. C. Goodwin (org.) *Conversation and Brain Damage*, Oxford: Oxford University: 59-89.
- Wittgenstein L. (1958) *Philosophical investigations*. 2nd ed. Oxford: Blackwell.

Рекомендация для цитирования:

Гудвин Ч. (2023) Мультимодальность в человеческом взаимодействии. *Социология власти*, 35 (2): 197-222.

For citations:

Goodwin Ch. (2023) Multimodality in Human Interaction. *Sociology of Power*, 35 (2): 197-222.

Поступил в редакцию: 01.05.2023; принят в печать: 29.05.2023

Received: 01.05.2023; Accepted for publication: 29.05.2023

Рецензии

НАТАЛИЯ А. ВОЛКОВА¹

Московская архитектурная школа (МАРШ), Москва, Россия; Алматыгенплан, Алматы, Казахстан

ORCID: 0000-0002-6798-963X

Зачем возвращаться домой? Краткий экскурс в историю российской фундаментальной социологии. Рецензия на книгу: Баньковская С.П. (2023) Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Издательство «Владимир Даль»

224

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-224-241

Предварительные замечания

Любой, кто пишет рецензию, ставит себя в положение Чужака по отношению к Книге и ее Автору. Эта рецензия не исключение, но отсылка к фигуре Чужака требует трех уточнений.

Отчужденность рецензента продиктована, во-первых, самим жанром рецензии, а во-вторых, моей позицией Рецензента, свя-

1 Наталья Алексеевна Волкова — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), преподаватель модуля «Урбанизм» в Московской архитектурной школе (МАРШ). Ведущий научный сотрудник «Алматыгенплан». Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. E-mail: chestrek@gmail.com
Natalia A. Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Lecturer of the Urbanism module at the Moscow School of Architecture (MARCH), lead researcher, "Almatygenplan". Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology. E-mail: chestrek@gmail.com

занной с книгой двойным образом, через социологию и через городские исследования. Фигура Чужака работает особенно хорошо, когда рецензия касается книги, к которой имеют прямое отношение две ключевых фигуры российской фундаментальной социологии — Светлана Петровна Баньковская (далее — СП), Автор книги, и Александр Фридрихович Филиппов (далее — АФ), ее Редактор и автор предисловия. Рецензенту остается роль Маргинала, поскольку он не до конца Другой по отношению к Автору и Редактору, но и находится вне круга взаимодействия лицом-к-лицу.

Книга СП работает как зеркало европейской социальной мысли и, прежде всего, последней волны исследований науки и технологий. Это объясняет, почему рецензия на книгу о классических социальных концепциях оказывается в номере, посвященном семиотике. Чужак Зиммеля, который выступает отправной точкой для рассуждений СП, разрывает взаимодействие «своих», принадлежащих к одной социальной группе, он — «третий», который делает взаимодействие пары социальным (об этом см. раннюю работу Зиммеля о социальной дифференциации: [Зиммель 1996]). Чужак оказывается важным элементом социальной семиотики — он переводит оппозиционные отношения в ситуацию семиотического обмена значениями и означивания. К фигуре Чужака отсылают обе базовые социальные роли в семиотике — знака и означающего. Разговоры про семиотику и про Чужака оказываются связаны: Чужак делает возможной существование базовой версии социальных семиотических отношений.

225

Наконец, логика рецензии как краткой заметки о книге вступает в противоречие с рекомендацией, которую дает АФ в предисловии: есть много техник быстрого чтения и краткого отзыва на *чужие* тексты, но книгу СП нужно читать медленно и вдумчиво, чтобы ухватить ее смысл и увидеть более глубокие пласты логики (с. 6). Рецензент не следует этой рекомендации. В свое оправдание Рецензент может сказать, что рецензия работает как особого рода дрейф по ландшафту книги [Дебор 2017]. Рецензент не пытается пересобрать текст или выстроить из него новую теорию, он лишь следует за логикой Автора, пытается экспериментальным путем сделать явными перепады высоты, ложбины и пики, водовороты и воронки. В этом смысле задача рецензии — отметить ключевые точки в изложении автора, дать инструменты для анализа и определить логику его проведения, действуя, подобно навигационному аппарату [Law 1984] для будущих читателей.

Дрейф по ландшафту книги не предполагает экспликации теоретической логики Автора, или ее реконструкцию Рецензентом, в фокусе анализа не конкретные аргументы, а позиция, из которой они

сделаны. Эта позиция не заявлена Автором явно, однако именно она определяет основные характеристики теоретического ландшафта, который описывает Автор. Чтобы реконструировать позицию Автора, необходимо обозначить базовую линию, вдоль которой идет дрейф, опорные точки для движения и шаги — способы перехода между опорными точками рассуждения.

У предлагаемой реконструкции есть и эмпирическая цель: на примере книги СП проанализировать подход к «медленному» чтению, о котором говорит в предисловии Редактор. Гипотеза в том, что метод «медленного чтения» является точкой сборки для «фундаментальной социологии», то есть социологии, которая сформировалась еще в 2000-е годы на социологическом факультете Шанинки и в Центре фундаментальной социологии НИУ ВШЭ в Москве. Метод медленного чтения построен на детальном знакомстве с классическими текстами и реконструкции теоретических сюжетов классической теории, однако оставаясь исключительно в рамках отдельного текста и его аргументов. К этой традиции работы с социальной теорией относятся все три участника обсуждения — Автор, Редактор и Рецензент, что делает возможным разговор на одном теоретическом языке.

226

Траектория дрейфа: от функционального объекта к объект(ности/ивности) метода

Обозначим для начала основные линии рассуждения Автора. Эти линии определяют границы теоретического ландшафта книги и представляют основные оппозиции и различия в ней. Далее от первого крупного наброска ландшафта книги анализ пойдет глубже, к отдельным поворотным точкам изложения.

Во-первых, текст написан из классической социологической перспективы: это значит, что для Автора и Редактора принципиально уйти от разговора об объекте к разговору о Другом как субъекте (с. 37-38). За этой принципиальной позицией стоит критика материального и семиотического поворота в социологии, который говорит об объекте как об *акторе*, присваивая ему субъективные черты, но сохраняя за ним статус материального объекта. Отказ от *объекта* и исследования *объектности*, или *объективности*, возвращает социологию к критике Поппера, который утверждает, что социология и другие гуманитарные области не являются наукой, поскольку не обладают критериями объективности, которые есть в исследованиях физического (объектного) мира [Поппер 2004]. Попперовский вопрос не озвучен в книге СП, СП явно обращается лишь к «гоббсовской проблеме» доверия и социальной солидарности, обсуждению доверия и недоверия посвящено заключение

книги. Но поскольку исследование заявлено как теоретико-ориентированное, оно ставит вопрос о способах исследования, которые связаны с этой теорией. Попперовский вопрос отсылает и к стиранию границы субъект-объектных отношений, который занимает СП и который она описывает как наследие Декарта: как наука может быть не-объективной, что значит следовать за субъектом, а не за объектом (с. 41)?

Говоря о стирании субъект-объектных отношений и возникновении фигуры Другого там, где был объект, СП сначала последовательно выделяет функции субъекта в его отношениях с группой и раскладывает этого субъекта на элементы, основанные на оппозициях «свой-чужой» (Чужак), «член группы — между групп» (Маргинал). Другой и Чужак обладают субъектностью по отношению к группе и поэтому вынуждены адаптировать под себя ее культурный образец. У Маргинала остается минимум субъектности, так как он полностью не принадлежит ни к одной из групп, а существует «между».

Отношения Другого, Чужака и Маргинала с группой имеют временной характер и из-за этого всегда остаются частично субъективны, встроены в процесс разворачивания социальных отношений. Однако СП упоминает и другой вид инаковости, связанный с объектами, — пространственный, он образуется подвижностью границ (фронтирами) и изменчивостью, подвижностью среды (или ландшафтом). Однако даже обращаясь к пространственным темам, СП остается верной анализу субъективности: пространство проявляется через социальные отношения и статусы, т.е. гражданство и миграцию, или сквозь призму «транзитивности» и открытости среды для взаимодействия.

Таким образом выстроена книга: предисловие Редактора обозначает общие проблемы, две главы посвящены вопросу о субъектности Другого и Чужака, третья глава описывает Маргинала или человека-между-мирами-и-сообществами, четвертая и пятая развивают идеи фронта/гражданства и среды/открытости, а заключение суммирует выводы из работы и рассуждает о проблеме объективности и (не)доверия. В результате вместо описания объектов как субъектов, которое предлагает социология материальности, СП превращает субъектов в объекты, задавая им определенную программу действий в соответствии с их функцией по отношению к социальной группе и ее культурному образцу.

Переход от субъекта к объекту, который совершает СП, важен не только тем, что позволяет по-новому посмотреть функциональную структуру социальных отношений через введение фигуры Другого/Чужака/Маргинала и проследить движение от функциональной логики, характерной для СП, к семиотическим отношениям. Он касается самого предмета социологии

и позиции социологии как науки по отношению к другим наукам, в первую очередь естественным и точным. Обращаясь к фигуре субъекта, социология оказывается Чужаком во взаимодействии с культурным образцом естественных и точных наук и в этом смысле подвержена упрекам и критицизму Поппера. Чтобы избавиться от этой критики, социологии необходимо найти другой источник объективности — не в объекте, а в субъекте. СП предлагает вариант этого перехода, обращаясь к анализу взаимодействия субъекта со средой и способам объективации этого взаимодействия.

Книга СП показывает, как возможна объективность в социальных субъективных взаимодействиях. Развивая логику СП, можно рассматривать социологию (как и другие науки) как метод анализа среды, который устанавливает физические границы для взаимодействия и социальных отношений. В этой среде оказывается, что не так важна цель движения, как способ двигаться, или метод. Таким образом, социология копирует естественнонаучный культурный образец, для которого характерно недоверие к наблюдаемым явлениям и проверка их экспериментальными методами. Стремясь стать «наукой» по Попперу, социология обращается к устойчивой материальной структуре метода. Вместо объекта предметом исследований становится метод, который опирается на материальную структуру, но гибок по отношению к субъективным чертам социальных акторов.

Устойчивость метода проявляет структуру социологической аргументации и ограничения ее применения, а также возможности для экспериментов и фальсификации (проверки) гипотез, так же как это происходит в естественных науках. В то же время наличие метода и его материальных воплощений в виде набора инструментов (технических или регуляторных) позволяет расширять зону академической работы и показать ее ограничения при переходе от академического обсуждения к публичному. Тем самым у социологии появляется возможность остаться количественной и работать с массовыми публичными и прикладными проблемами.

Переход от академической к публичной и прикладной социологии ставит под вопрос одно из главных обещаний Автора книги — предложить теоретико-ориентированный подход к исследованиям социального. Отсутствие или наличие хорошей теоретической проработки понятий — это то, от чего, с точки зрения Редактора, зависит возможность развития науки. Упрекая современную евро-американскую социологию в отсутствии работы с понятиями, Автор и Редактор обращаются к евро-американской социальной теории с целью ее актуализировать для построе-

ния новых понятий. Задачей Автора тогда становится показать возможности теоретизирования в прикладных исследованиях перехода от функционального объекта к объект(ности/ивности) метода.

Отправные точки

Если читать книгу последовательно, то первая отправная точка для разговора о теории появляется во введении Редактора. АФ пишет: *«Не говоря уже о ее [современной социологии] теоретическом упадке, она в работе с привычными понятиями во многом полагается на философски не проясненные, остающиеся в области обыденных представлений интуиции, отказывается не то что от решения, но и от постановки вопросов, выходящих за пределы не только ближайших прикладных задач, но и за границы всякой возможной теории»* (с. 9). Этому упадку современной, уточним, евро-американской социологии АФ противопоставляет проект исследования инаковости, который определяет *Другого* не в рамках конкретных исторических и социальных ситуаций, но как аналитическую рамку для анализа и идеальный тип (с. 20). Сама Автор пишет об этом так (курсив сохранен): *«Мы предполагаем, что «маргинал» является универсальным социальным типом. <...> А в методическом плане «маргинальность» — новый идеальный тип для анализа социальной реальности»*. При этом сам текст выстроен в жанре *«исторической реконструкции аргументов, которые можно найти в классических текстах»* (с. 7).

229

На первый взгляд представленное позиционирование книги выводит ее за пределы современного евро-американского социологического дискурса по нескольким причинам. На поверхностном уровне это связано с тем, что Автор и Редактор действуют в русле фундаментальной социологии с ее ориентацией на работу с классическими текстами. Это проявляется двояко. Во-первых, аргументация в книге работает непривычным для современного читателя социологических текстов способом. Вместо набора кейсов и разбора эмпирических ситуаций ему предлагают углубляться в определения теоретических концептов и разбирать аргументы, часто далекие от его повседневной реальности (хотя в книге есть и эмпирические кейсы про постсоветское гражданство и миграцию). Во-вторых, работа СП принципиально игнорирует сложившийся в современной евро-американской традиции подход, согласно которому тексты должны выстраиваться в диалоги с «живыми» участниками теоретического дискурса, а не только отсылать к авторитетам и классикам, что в большей степени допустимо для курсов лекций, учебников и хрестоматий. В-третьих, в ответ на поворот к практическому методу в со-

циологии [Ло 2015; Lury, Wakeford 2012; Callon 1998] Автор предлагает теоретически-ориентированный подход к исследованию, в основе которого лежат концепты, понятия и определения, а не практики и рутина.

Тем не менее книга СП говорит об актуальных явлениях повседневной жизни в практическом плане: о солидарности/социальности маргиналов (с. 286) и «естественной установке» на недоверие (с. 293). Более того, ключевым вопросом, к которому в конце подводит читателя Автор, хотя и не дает решения, становится вопрос о возможности социального порядка, представленного в форме *беспорядка*, но не хаоса (с. 293). Вопрос о беспорядке и недоверии как основе социального порядка, который автор называет «гоббсовской проблемой», дает ключ к лучшему пониманию взаимодействия между традицией фундаментальной социологии, которой следует автор, и традицией евро-американской социологии, которую критикует Редактор. Так, несмотря на жесткий упрек АФ в предисловии в адрес евро-американской социологии и утверждение, что в ней отсутствует теоретическая проработка социальных понятий, именно вопросы о беспорядке, неустойчивости и мобильности лежат в основе перформативной версии материальной семиотики [Law 2009] и «мягких» исследований (*care-ful research* — непереводаемая на русский игра слов), которые развивают Джон Ло и его коллеги [Law 2021], а также *интер-дисциплинарных методов*, которые изучает Селия Лури [Lury, Wakeford 2012].

Общность обсуждаемой проблемы при различии методов ее теоретического или аналитического описания в евро-американской и фундаментальной социологии позволяет выдвинуть несколько гипотез. Во-первых, можно предположить, что если СП предлагает теоретическое описание проблемы недоверия и беспорядка, то и в евро-американской социологии оно также существует, но принимает иную, неклассическую форму. Во-вторых, можно предположить, что фундаментальная и евро-американская социология по-разному понимают, что такое теория и как она связана с методом. В-третьих, различное понимание теории основывается на разном понимании оснований социологии и различном определении классики и классичности текстов. Можно предположить, что Автор книги пересобирает на теоретическом языке классиков социологии концепты и определения, аналоги которых можно найти в современной евро-американской традиции. Однако остается не ясным, почему в фундаментальной социологии возникает необходимость вернуться к теоретическим основаниям дисциплины вместо того, чтобы реконструировать существующие евро-американские способы социологического теоретизирования и встроиться в прямой диалог с ними.

Другой вопрос, актуальный для современного читателя как российских, так и евро-американских социологических текстов, — какой должна быть стратегия чтения книги, чтобы она работала не только в явном диалоге с классическими работами, но и в неявном диалоге с современными социальными исследованиями? Иначе говоря, что остается скрытым и недоступным российскому читателю современной социальной теории, из-за чего он должен вернуться к истокам — из-за чего он должен «вернуться домой», говоря словами Шюца? Как можно реконструировать неявные отношения фундаментальной и евро-американской социологии, какие отсылки и конфронтации скрывают или лишь вскользь проговаривает Автор и Редактор книги?

Наконец, если вопросы отношений фундаментальной и евро-американской социологии успешно разрешаются, то остается основной и наиболее важный: что может дать подход «вернувшегося домой» российского фундаментального социолога евро-американской традиции? В одной из своих работ АФ разбирает явление о «советской социологии» и ее полицейских функций, указывая при этом на евро-американскую традицию как на источник, благодаря которому можно вернуться в пространство академического диалога и дискуссии [Филиппов 2014] (также о смысле «полицейского регулирования см.: [Valverde 2011; Вальверде 2022]). Однако если фундаментальная социология лишь следует за евро-американской традицией, то она является вторичной по отношению к ней и не предлагает альтернативного способа теоретизирования. Автор и Редактор показывают альтернативу социологическому мейнстриму. Это заставляет рассматривать книгу как аргумент в дискуссии о деколонизации не-европейской социологической традиции, утверждении ее самостоятельности и ценности [Law, Lin 2017]. И стратегия «возвращения домой», предложенная в книге, к теоретическому «дому» социологии — классике — показывает, как осмысленная работа с разрывами в социологической традиции позволяет создавать альтернативные теоретические традиции. И в то же время подобное прочтение книги СП показывает, что дает работа с общими проблемами разных теоретических традиций, как она делает видимыми «белые пятна», которые возникают в рамках культурного образца каждой из них.

Попробуем последовательно ответить на эти вопросы, и показать принципиальные точки стыковок и метод перевода между двумя традициями. Для этого далее будут показаны три шага, или три этапа перехода от евро-американской классической теории к концептуализации недоверия и беспорядка, реализованные в книге.

Пересечения и конфликты

Шаг первый: среда и материальность текста

На вопрос о том, зачем нужно возвращаться к классикам, ответ СП и АФ достаточно краток и ясен: чтобы вернуться к теоретическому рассуждению о социальном и исследованию его границ. СП пишет: *«Требуется ответ на вопрос, есть ли у социального изначальный, безусловный состав (его могла бы описывать элементарная социология) и надстраивающиеся над этой первичной основой вторичные (производные или составные) объекты»* (с. 30).

К первичным, неразложимым социальным элементам СП относит Другого (с. 38), а также Чужака и Маргинала как его две ипостаси, которые появляются в классической социологии Зиммеля, Чикагской школы социологии и Шюца. Обращение к Другому как социальному элементу сопровождается оговоркой, что этот элемент не является ни чистым объектом, ни чистым субъектом (с. 42-43), но существует на границе психологического и материального мира. Однако если концепт границы между социальным и психологическим миром Автор проговаривает явным образом на примере Маргинала (с. 157-158), то граница материального и социального остается смазанной и упоминается лишь в связи с посткартезианским характером Другого как познаваемого объекта и одновременно познающего субъекта (с. 40-41).

Принципиальный отказ Автора от рассмотрения материального при рассуждении о социологической теории, и в особенности в контексте рассуждения о фигуре Другого, представляется существенным для всего характера аргументации и построения теории в книге. К вопросу о роли материальности Автор подходит практически в каждой главе, особенно если учесть роль материальности в американском прагматизме Дж.Г. Мида [2009] и в городской экологии Р. Парка [2002], и в анализе фигуры Чужака и Маргинала, к которым Автор неоднократно возвращается. Однако границу, которая отделяет классическую социологию от социологии после материального поворота (к которой относятся акторно-сетевая теория, социология науки и техники, социальная топология), Автор принципиально не пересекает, занимая по отношению к ним позицию принципиально Другого.

Подобное игнорирование Автором материального порождает в книге особую стратегию социологического чтения текстов социальных исследований с фокусом на явно высказанных аргументах, позициях и описанных ситуациях. В то же время подобный способ социологического чтения классики исключает из внимания в терминах Автора *среду*, в которой существуют

эти аргументы, то есть «естественно-социальный континуум», в котором они укоренены (по аналогии с людьми, см. с. 236-238). В результате происходит теоретическая реконструкция аргументов в тексте, но она лишена исторической составляющей. Следуя за Автором, читатель переходит между понятиями, взятыми у Зиммеля (Чужак), Шюца (Возвратившийся домой) и Парка (Маргинал). Однако СП не показывает, чем является эта линия понятий — исторической реконструкцией миграции одного теоретического концепта или результатом конструирования связей между концептами, существовавшими независимо друг от друга. В результате от читателя остается скрытой практическая работа по деланию теории: как выстраиваются связи и образуются разрывы между классическими текстами и их понятиями.

Построение Автором теории без учета исторического контекста опирается на основной метод фундаментальной социологии — стратегию медленного чтения, широко практикуемого в Шанинке, который предполагает работу строго в рамках имеющегося текста, без обращения к контексту его создания или более широкой дискуссии. Однако невнимание к этому естественному фону влечет за собой, согласно Автору, отсутствие возможности мобильности, перемещения и, следовательно, социальной коммуникации. В результате применение аргументов, если они применяются в новой, чуждой для их контекста ситуации и без понимания исторического контекста, будет неадекватным ситуации, пока не пройдет период эмпирической адаптации к новому культурному образцу. Возникает парадоксальная ситуация: Автор отказывается от следования логике материального поворота и анализа исторического контекста появления концептов, но подчеркивает важность среды для анализа ситуации. Однако как игнорирование среды, в которой возникают социологические аргументы, связано с упреком АФ в адрес современной евро-американской социологии, что в ней отсутствует теоретическая проработка понятий отсутствия современной социальной теории? И как проявляется материальность и среда в текстах?

233

Шаг второй: классика как «дом» социальной теории

Поворот к материальности, который произошел в европейской, а затем и в американской социологии в 70–80-х годах, был связан с представлением о невозможности собрать гладкую и непротиворечивую теорию. Вместо этого социальные теоретики попытались собрать несколько достаточно обобщенных философских конструкторов, построенных на совмещении материального и со-

циального действия, на способе конструирования проблем или способах создания и расширения сетей. Все эти подходы пользовались очень обобщенным теоретическим инструментарием. В то же время социологические подходы, всерьез воспринявшие поворот к материальному, были предельно сфокусированы на анализе различных эмпирических кейсов, которые бы позволяли выявлять и анализировать конкретные конфигурации социальных отношений и способы их изменения, в зависимости от ситуаций. В результате социальная теория, способы ее конструирования, обсуждения и аргументации оставались за пределами текстов как основных и доступных для удаленного восприятия способов репрезентации и убеждения. Теория становилась «молчаливой», отражалась не в самих аргументах, а в способах их организации, в том числе в виде материальной организации текста (см., например: [Волкова 2022]).

Тезис о «молчаливости» современной евро-американской социальной теории представлен в этом тексте, конечно, в качестве гипотезы, хоть и подтвержденной эмпирическими кейсами. Тем не менее некоторые свидетельства допустимости такого объяснения есть и у Автора книги. Чтобы четче проявить их, необходимо сделать еще один предварительный ход: развернуть более раннее утверждение Автора, что возвращение к классике в российской фундаментальной социологии сродни «возвращению домой» Шюца. Автор описывает *Homotopos*, или «Вернувшегося домой» Шюца как Чужака, чья чуждость по отношению к социальной группе вызвана его временным отсутствием в ней (с. 147-154). При этом «дом» понимается как изначальная группа, для которой Вернувшийся когда-то был «своим», но эти связи ослабли или исчезли из-за двойных изменений: группы в его отсутствие и его самого за счет нового опыта в ходе путешествий. Книгу СП как «возвращение» к классике Редактор представляет во введении: в отличие от современной социологии, классическая социология продуктивно работала с философской проблематикой, и именно в этой традиции выполнена книга СП (с. 8-9). «Домом» теоретической социологии оказывается работа с философской проблематикой и поиск ответов на философские вопросы, которые находят свое разрешение в исследовании *социальной онтологии*, которой и посвящена книга. Но пускают ли «вернувшуюся» фундаментальную социологию обратно, или «свои» настолько изменились, что возможность найти общий язык уже представляется затруднительной и для этого требуется особое методическое усилие и обновленные стратегии социологического чтения классических и современных текстов?

Чтобы понять специфику возвращения в пространство евро-американской социологии классической традиции, которую раз-

вивает российская фундаментальная социология, нужно понять условия, которые необходимы, чтобы Чужак, будь то просто Странник или Возвратившийся, смог войти в новую социальную группу. Автор пишет, что культурный образец группы, который Чужак должен освоить, чтобы встроиться в нее, не является для него ни цельным, ни само собой разумеющимся (с. 84-85) или молчаливым, скрытым знанием. Чужак должен встраиваться в существующие паттерны коммуникации, чтобы научиться делать для себя элементы культурного образца действующими или *говорящими* и понимать, каким образом они работают. Однако, дополняя СП, можно предположить, что если Чужак будет игнорировать материальные, молчаливые элементы взаимодействия — жесты, позы, мимику, они просто не будут для него существовать. Если же теория начинает воплощаться не словесным образом, а в способе материальной организации текста, то есть в организации структуры текста, параграфов, заголовков, иллюстраций и их оформления, то игнорирование этой материальности может привести к выводу об отсутствии теории.

Именно эта ситуация возникает при обращении теоретиков фундаментальной социологии, СП и АФ, к современным социальным исследованиям: акцент на *социальном* содержании текста, аргументах и позициях, оставляет слепой зоной сферу материальной организации текста. И тогда совершенно иначе выглядит обращение к классической и философской традиции социологии в книге — это уже не только логика фундаментальности социологии, но и попытка вернуться к *общим основаниям*, «дому» социологии или социологическому канону [Baehr 2017], чтобы выстроить диалог с современными исследованиями. Однако для того, чтобы этот диалог состоялся, необходимо признание двух аспектов ситуации: отчужденности фундаментальной социологии от современной социологической коммуникации и проблемы игнорирования материальных и молчаливых аспектов текстов.

235

Шаг третий: может ли Чужак вернуться домой?

Из предыдущего изложения становится ясно, что книга СП и — шире — проект фундаментальной социологии работает как Чужак и Маргинал для современной социальной теории, который существует на пересечении двух миров социально-психологического и социально-материального. Тем не менее СП и АФ представляют себя скорее в роли Возвратившихся домой, где «домом» выступает классика социальной теории и философская проблематика. Такая позиция позволяет фундаментальной социологии сохранить ста-

тусное равенство с современной евро-американской социологией — обе исходят из одного истока, обе апеллируют к одним и тем же именам, но в силу исторических обстоятельств российская социология «заблудилась» в период советского проекта и ушла в сторону от проторенной классиками дороги. Однако такая позиция со стороны «фундаментальной социологии» в России не означает, что эта общность истоков будет признана и евро-американской традицией.

Автор пишет, ссылаясь на Зиммеля и Шюца, что Чужак объективирует социальную группу, в которую он пытается встроиться. У Чужака, который не имеет доступа к общим корням, эта объективация происходит через анализ и сопоставление происходящего здесь-и-сейчас, у него на глазах и его предшествующего опыта взаимодействия с социальной группой. Возвратившийся домой имеет два ресурса для объективации культурного образца группы: общее знание, которое было до его ухода, и его актуализация через взаимодействие здесь-и-сейчас. Тогда, в отличие от Чужака, возвратившийся Свой может показать, насколько культурный образец группы изменился, или она отклонилась от своих истоков. С одной стороны, Возвратившийся предъявляет группе ее собственные основания и тестирует их актуальность. С другой — наблюдая неактуальность устоявшихся позиций и появление новых, Возвратившийся может попытаться описать их на языке изначального культурного образца. Тем самым Возвратившийся восстанавливает связь изменившегося культурного образца с его изначальным вариантом или актуализирует изначальный вариант до максимально близкого соответствия социальной группе здесь-и-сейчас.

СП также производит актуализацию культурного образца — или классических социологических понятий — для современной социологии и стоящих перед ней проблем. На это указывают два момента в книге: общие для фундаментальной социологии и современной евро-американской социологии проблемы беспорядка, неустойчивости и маргинальности и проблема описания постсоветского гражданства в общепринятых международных терминах. Соответственно, актуализация культурного образца социологической классики смещает акцент с повседневных ролей в социальной группе на весь спектр *инаковости* от Другого до Маргинала, который при полном выпадении из коммуникации с группой станет Аутсайдером.

Книга СП актуализирует фигуру Чужака на периферии социального, там, где современная евро-американская теория видит скрытое, неявное или материальное. Фигура Чужака позволяет сделать эту картинку объемной: больше нет «своего» явного порядка и «чужих» скрытых, которые представлены лишь частично,

отдельными фигурами. Вместо этого речь идет о взаимодействии различных социальных порядков, которые в каждой конкретной ситуации уравниваются через взаимодействие их представителей, которые друг для друга выступают Маргиналами и Чужаками. Именно поэтому явно можно наблюдать лишь беспорядок, так же как это описывалось в «больших городах» Зиммеля [2012]. Однако этот беспорядок имеет свои границы и поэтому не превращается в хаос.

Границами социального беспорядка оказываются разрывы в социальном взаимодействии, которые маркируются чуждыми материальными объектами. Так, например, если разделить враждующие стороны в пространстве или во времени, их конфликт ограничен их материальным, пространственно-временным разрывом и реализуется только через сеть опосредованных материальными объектами взаимодействий. Тем самым становится понятна роль классической традиции для современной социологии: классики оказываются «Чужими» для актуального способа рассуждения (например, современной социологии, лишь изредка и неявно обращающейся к классике), который определяет границы возможной изменчивости системы социальных понятий и ее элементов. При этом обращение к «классике» из перспективы различных социологий, которые остаются чужими друг другу, позволяет им найти общий язык и выстроить систему отношений и взаимодействия.

237

Стратегии навигации и чтения

Книга СП развивает социальную теорию беспорядка и недоверия, которая противостоит современной социальной евро-американской традиции, хотя и обращается к общим для обоих подходов классическим текстам. Тем самым СП показывает границы мобильности современного евро-американского способа теоретизирования. Такой границей становится «возвращение домой» к социологической классике, которое реализуется социологами на постсоветском пространстве и позволяет им выстроить свой альтернативный проект — фундаментальную социологию. Оказывается, что наличие общего «дома» может так же стать основанием для разрыва, как и для установления более плотных связей. В результате полноценный диалог между двумя социологическими подходами оказывается невозможен до тех пор, пока один из участников диалога не стал Чужаком по отношению к собственному опыту и культурному образцу. В ином случае социальные понятия, имеющие источником один культурный образец, будут искажать объект исследования, реальность которого существует

в рамках другого культурного образца. Эмпирическая реальность и практика оказываются «чужими» для социальной теории и устанавливают границы ее применимости.

Однако работа, проделанная в книге СП, расширяет возможности применения понятий современной социологии и для постсоветского пространства, поскольку апробирует метод, которым устанавливаются связи, определяются ограничения и реализуется перевод между двумя культурными образцами. Необходимость такого перевода и невозможность прямого переноса понятий связана с позицией Другого и его ролью в социальных отношениях. В отношениях социологического евро-американского мейнстрима и фундаментальной социологии социологические понятия мейнстрима оказываются чужими по отношению к постсоциалистическому образцу и поэтому требуют адаптации, которая реализуется через возвращение к теоретическому «дому» — классике.

Как показывает СП, Чужак — это «третий» во взаимодействии, не принадлежащий здесь-и-сейчас — ни пространству, ни времени полностью, но пребывающий в постоянном движении, объект, который нельзя полностью описать, но можно обозначить. Это позволяет связать фигуру Чужака с семиотической традицией анализа: семиотическим объектом оказывается объект, который находится в постоянном движении и постоянно изменяется [Greimas 1986; Урри 2012]. Именно наличие семиотических, а не функциональных связей у Чужака делает невозможной прямую оппозицию: схватить и зафиксировать значение подвижного объекта возможно, лишь встроив его в сеть противопоставлений, тем самым сделав его посредником между несовпадающими культурными образцами. Для евро-американской и фундаментальной социологии таким семиотическим объектом-посредником оказывается классика, дом, к которому и та и другая традиция в разной степени обращаются. В то же время сама логика взаимодействия различных социологических традиций, которые выстраивают семиотические, концептуальные и эмпирические связи через обращение к классике, позволяет по-новому посмотреть на проблему ограниченности евро-американской социологии и возможности ее деколонизации, то есть соотнесения ее с другими не-европейскими социологическими проектами. Другой версией семиотического объекта-посредника, который возникает между двумя социологическими традициями, оказываются эмпирические кейсы и их исследования: они могут быть описаны с помощью разных теоретических языков и различия в их описаниях делают видимыми разрывы между теоретическими подходами.

Книга СП показывает на примере подхода фундаментальной социологии, что деколонизация евро-американского подхода будет означать установление общих связей, «дома», который бы стал исходной точкой для различных культурных образцов социальной теории. Другой вопрос, что таких «домов», так же как и Чужаков, может быть много, в зависимости от того, насколько тесные интеллектуальные и культурные связи были между географически разрозненными социологическими традициями. В этом смысле необходимо отметить, что классика и философская проблематика для разных традиций также будут различаться, делая само понятие «дома» или социальной классики мобильным, мигрирующим или кочевым [Урри 2012]. В кочевом доме работает «иное доверие — «вера без гарантии, но вместе с тем и доверие, которое сильнее всякого подозрения»» (с. 298).

Библиография / References

Вальверде М. (2022) Глазами города: диалектика современных и домодерных способов видения в городском управлении. *Городские исследования и практики*, 7(3): 116-139.

— Valverde M. (2022) Seeing like a city: The dialectic of modern and premodern ways of seeing in urban governance. *Urban Studies and Practicies*, 7(3): 116-139. — in Russ.

Волкова Н.А. (2022) Неклассический канон ANT/STS: как корабль превращается в насос? *Философия. Журнал высшей школы экономики*, 6(2): 39-80.

— Volkova N. (2022) Non-classical canon of ANT/ STS: how a vessel turns into a pump? *Philisophy. The Journal of the Higher School of Economics*, 6(2): 39-80. — in Russ.

Дебор Г.-Э. (2017). *Психогеография*. М.: Ад Маргинем Пресс.

— Debord G. (2017) *Psychogeography*. М.: Ad Marginem. — in Russ.

Зиммель Г. (1996) О социальной дифференциации. *Избранное. Том 2. Созерцание жизни*, М.: Юрист.

— Simmel G. (1996) On social differentiation. *The Selected works. Vol. 2. The view of Life*. М.: Jurist. — in Russ.

Зиммель Г. (2002) Большие города и духовная жизнь. *Логос*, 3(34): 1-12.

— Simmel G. (2002) Bol'shie goroda i dukhovnaia zhizn'. *Logos*, 3(34): 1-12. — in Russ.

Ло Д. (2015) *После метода: беспорядок и социальная наука*. М.: Институт Гайдара.

— Law J. (2015) *After method: Mess in social science research*. М.: Gaydar Institute. — in Russ.

Мид Д.Г. (2009) *Избранное* / Сост. и пер. В.Г. Николаев. М.: ИНИОН РАН.

— Mead G. (2009) *Selected works* / Ed. V.G. Nikolaev. M.: INION RAN. — in Russ.

Парк Р. (2002) Город как социальная лаборатория. *Социологическое обозрение*, 2(3): 3-12.

— Park R.E. (2002) The city as a social laboratory. *The Social Russian Review*, 2(3): 3-12. — in Russ.

Поппер К.Р. (2004) *Предположения и опровержения: Рост научного знания*. М.: АСТ, Ермак.

— Popper K.R. (2004) *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow: ACT / Yermak. — in Russ.

Урри Д. (2012) *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Urry J. (2012) *Sociology beyond societies: Mobilities for the twenty-first century*. M.: Higher School of Economics. — in Russ.

Baehr P. (2017) *Founders, classics, canons: Modern disputes over the origins and appraisal of sociology's heritage*. Routledge.

Callon M. (1998) Introduction: the embeddedness of economic markets in economics. *The sociological review*, 46(1_suppl): 1-57.

240

Greimas A.J. (1986) For a topological semiotics. In *The city and the sign: an introduction to urban semiotics* (pp. 25-54). Columbia University Press.

Law J. (1984) On the methods of long-distance control: vessels, navigation and the Portuguese route to India. *The Sociological Review*, 32(1_suppl): 234-263.

Law J. (2009) Actor network theory and material semiotics. *The new Blackwell companion to social theory*, 3: 141-158.

Law J. & Lin W.Y. (2017) Provincializing STS: Postcoloniality, symmetry, and method. *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*, 11(2): 211-227.

Law J. (2021) From After Method to care-ful research (a foreword). *Intimate Accounts of Education Policy Research: The Practice of Methods*; Routledge: New York, pp. xvi-xx

Lury C. & Wakeford N. (2012) Introduction: A perpetual inventory. In *Inventive Methods* (pp. 1-24). Routledge.

Ruming K. (2009) Following the actors: mobilising an actor-network theory methodology in geography. *Australian Geographer*, 40(4): 451-469.

Рекомендация для цитирования:

Волкова Н.А. (2023) Зачем возвращаться домой? Краткий экскурс в историю российской фундаментальной социологии. Рецензия на книгу: Баньковская С.П. (2023). Чужаки и границы. Исследования по социологии маргинальности. СПб.: Издательство «Владимир Даль». *Социология власти*, 35 (2): 224-241.

For citations:

Volkova N.A. (2023) Why Return Home? A Short Excursion into the History of Russian Fundamental Sociology. Book Review: Bankovskaya S.P. (2023). Strangers

and Borders. Research in the Sociology of Marginality. St. Petersburg: Publishing House "Vladimir Dal". *Sociology of Power*, 35 (2): 224-241.

Поступила в редакцию: 24.05.2023; принята в печать: 20.06.2023

Received: 24.05.2023; Accepted for publication: 20.06.2023

АЛЕКСЕЙ В. ВОРОНКОВ¹

Независимый исследователь, Сде Бокер, Израиль

Искусство путешествий по полыхающим мостам.

Рецензия на книгу: Kockelman P. (2017) *The art of interpretation in the age of computation*, Oxford University Press

doi: 10.22394/2074-0492-2023-2-242-251

242

Книга Пола Кокельмана «Искусство интерпретации в эпоху вычислений», посвященная проблематике влияния вычислительных технологий на гуманитарные и социальные науки, вышла в 2017 году, а самая ранняя из статей, использованная в качестве материала для книги, — в 2010-м. С тех пор разговоры о том, как стремительно усложняющиеся алгоритмы сбора и анализа данных трансформируют профессию социального исследователя, стали куда более популярными. Примеры этих трансформаций многочисленны и изъезжены, и читатель не нуждается в их перечислении. В то же время попыток систематически теоретизировать это влияние несоизмеримо меньше, и исследование Кокельмана, не гонящееся за быстро устаревающими яркими примерами, стоит читательского внимания.

Целью Кокельмана является наведение мостов между физиками и лириками (а также их сжигание — я вернусь к этому позднее). Стереотипным физиком в тексте является компьютерный ученый, лириком — критический антрополог. Кокельман — лингвистический антрополог и профессор Йельского университета — подходит на роль переговорщика как никто другой. С одной стороны, он — ря-

¹ Алексей Викторович Воронков — магистр социологии, независимый исследователь, Сде Бокер. Научные интересы: исследования диаспор, история сионизма, мультимодальный конверсационный анализ. E-mail: alexeyvoronkov62@gmail.com

Alexey Voronkov — MA in Sociology, independent researcher, Sde Boker. Scientific interests: diaspora studies, history of Zionism, multimodal conversation analysis. E-mail: alexeyvoronkov62@gmail.com

довой представитель своей дисциплины. Он защитил диссертацию о грамматических категориях в языке кекчи (этническая группа, более известная русскоязычному читателю как индейцы майя) на факультете антропологии Чикагского университета — главной цитадели лингвистической антропологии. С другой, по своему базовому образованию он — физик (буквально), и поэтому нарастающее влияние количественных методов для него является не чем-то новым, незнакомым и пугающим, а, должно быть, вызывает ностальгические чувства.

Для Кокельмана физики и лирики обладают разными семиотическими онтологиями — представлениями о мире [Kockelman 2017: 135]. Основным различием, которое используют эти онтологии, в контексте исследования Кокельмана является различие между непосредственным и опосредованным [Ibid.: 5]. Семиотикам здесь более привычны понятия мотивированных и арбитрарных (произвольных) знаков соответственно. В вводной главе Кокельман берет, пожалуй, самые интуитивно понятные примеры из Аристотеля. На полюсе непосредственного буд-дуют животные, дети, женщины, рабы, насилие, ойкос и чувства. На полюсе опосредованного — люди, взрослые, мужчины, гра-ждане, закон, полис и разум соответственно. При этом само различие между одним и другим является мотивированным — таков порядок вещей.

243

С одной стороны, критические теоретики в целом и антропологи в частности показывают, что различие между непосредственным и опосредованным на самом деле произвольно. Нет никакой необходимости в приоритете граждан над рабами, мужчин над женщинами, разума над чувствами и так далее. С другой, как ни странно, они создают новое непосредственное, устремляясь в поле к *самим* людям (аффективности, конкретности, материальности и т. д.). Примером Кокельмана в данном случае является Пьер Бурдьё, который пошел к *самим* отношениям между непосредственными объектами и опосредованными субъектами, сделав эти отношения новым непосредственным [Ibid.: 6].

Таким образом, две онтологии при помощи одного различения формируют диаметрально противоположные миры. И хотя Кокельман не разбирает семиотическую онтологию физиков, я рискну предположить, что в худшем для наведения мостов случае она прямо наследует Аристотелю (критический теоретик привел бы тут релевантное наблюдение о доминировании мужчин в строгих науках). В этом случае мы получаем следующую схему:

Таблица 1. Машины и люди в семиотических онтологиях физиков и лириков
Table 1. Machines and humans according to semiotic ontologies of scientists and poets

	Непосредственное лириков	Опосредованное лириков	Непосредственное физиков	Опосредованное физиков
Машина	Отчуждение, дисциплинарность	Абстрактность, безразличность	Четкость, прогнозируемость	Цивилизация, прогресс
Человек	Телесность, чувственность	Рефлексивность, креативность	Варварство, невежество	Импульсивность, непредсказуемость

Итак, как навести мосты между этими онтологиями? Главный интеллектуальный герой лингвистических антропологов и Кокельмана как их представителя — Чарльз Сандерс Пирс, как правило, противопоставляется Фердинанду де Соссюру как теоретик, который выделил помимо произвольно связывающих означаемое и означающее символов такие классы мотивированных знаков, как иконы и индексы. Поэтому, казалось бы, преимуществом Пирса является критика семиологической произвольности. В своей статье в хендбуке по лингвистической антропологии Кокельман так и формулирует ее суть [Kockelman 2014: 614].

Однако если кратко, главным достоинством Пирса в версии Кокельмана является не противопоставление, а совмещение мотивированных и арбитрарных знаков. Классификации знаков Пирса — крайне зыбкая почва. Количество типов варьировалось от 3 до 66 в зависимости от меняющихся оснований классификации. Однако при всех этих гротескных изменениях их основу составляла концепция категорий первичности, вторичности и третичности. Первая ассоциирована с потенциальностью, вторая — с актуальностью, а третья — с закономерностями. В этой схеме не без оснований можно увидеть гегелевскую диалектику, однако именно на контрасте с ней проявляется главное свойство прагматизма — эти категории не снимают, а составляют основу друг для друга. Закономерность требует актуальных сущностей, а их актуальное существование требует их потенциальной возможности. Для Кокельмана в пирсианской онтологии *вторичность (непосредственность)* укоренена в *третичности (опосредованности)* в той же степени, в которой *третичность* укоренена во *вторичности*, а все это укоренено в *первичности* [Ibid.: 150]. Эту книгу Кокельмана, как и другие, посвященные более общим

проблемам, можно рассматривать как последовательную реализацию этого принципа работы с бинарными оппозициями.

Однако не все так однозначно упаковывается в эту формулировку — как и в случае своего интеллектуального героя, Кокельман использует чрезвычайно громоздкий концептуальный аппарат. Если остальные семиотики, как правило, ограничиваются парой-тройкой концептов (например, классификацией знаков на иконы, индексы и символы), то у Кокельмана этих концептов десятки (основные: непосредственное/опосредованное, закрытие/раскрытие, портативность, материальность/виртуальность, онтология/мир, секреты/поэзия, отношения (отношений), код/канал, обозначающий/интерпретирующий, агент, смысл, ценность, степень свободы, системы релевантности и шкалы разрешения, враги и паразиты, следы, фон/фигура, сита, индивид, род), при этом снабженные ссылками на чрезвычайно разнообразных теоретиков (основные: Пирс, Якобсон, Сепир, Хайдеггер, Маркс, Фрейд, Делёз, Серр, Тьюринг, Аристотель, Маклюэн, Гоффман, Малиновский, Беньямин, Бейтсон, Шеннон, Байес, Маккей). Эта особенность отмечается и в более современных рецензиях на книгу [Berson 2019]. Потеряться в этом лесу очень легко, поэтому в этой рецензии я постараюсь нарисовать простую карту для навигации.

245

В книге семь глав. Сам Кокельман выделяет два типа глав в своей книге: первая вводная, три главы рассматривают заявленную проблему непосредственно, три — опосредованно. Первый тип глав последовательно разбирается с тремя дихотомиями: интеракции и инфраструктуры (вторая глава), смысла и информации (четвертая глава), интерпретации и вычисления (шестая глава). Все эти различия соответствуют двум лагерям ученых. Физики занимаются инфраструктурами, информацией и вычислением, лирики — интеракцией, смыслом и интерпретацией. В дополнение к этому эти главы постепенно сужают фокус внимания. Для работы с различием интеракции и инфраструктуры Кокельман подробно прорабатывает общие концептуальные понятия, с различием смысла и информации — концептуализирует «стереотипно понимаемые» медиа вроде компьютеров и, наконец, переходит к заявленным в заглавии отношениям между интерпретацией и вычислениями.

Подробный разбор этих, как заявлено, непосредственных глав увел бы нас обратно в чащу леса, поскольку при работе с каждым из этих различий Кокельман подключает все новые концепты и новых теоретиков. Поэтому, следуя прагматистской идеологии, следует сосредоточиться на, во-первых, методе, при помощи которого Кокельман работает с разнообразными концептами и авторами, и, во-вторых, на том, что мы получаем в качестве результата применения этого метода. Для навигации по этой концептуальной

чаще я предлагаю читателю сфокусироваться лишь на двух главах: третьей и последней, седьмой — «Поэзия, секреты и бытие-свободным» и «Алгоритмы, агенты и онтологии».

В третьей главе Кокельман в основном полагается на трех авторов: Сепира, Якобсона и Хайдеггера, заимствуя у них три концепта, на которых мы сфокусируемся, — секрет, поэзия и фон соответственно. Начнем с секретов. Это понятие (по большому счету, скорее художественную метафору) Кокельман берет у Эдварда Сепира, широко известного и за пределами лингвистики и лингвистической антропологии благодаря гипотезе Сепира-Уорфа, согласно которой язык влияет на мышление. Кокельман обращает внимание, во-первых, что для Сепира все языки являются формально полными — то есть способными описать все ощущения (*senses*), доступные носителю языка. Однако, во-вторых, даже если ощущение указываемого объекта совпадает, ощущение языка различается:

«Так, мы имеем функционально эквивалентные выражения типа «смех приятен» (*laughter is pleasurable*), «смеяться приятно» (*it is pleasant to laugh*), «смеются с удовольствием» (*one laughs with pleasure*) и так далее *ad infinitum* [до бесконечности], но все подобные выражения, передавая одно и то же содержание, воплощают в себе совершенно разные ощущения формы. <...> Формальная техника выполнения этой функции есть *сокровенная тайна* каждого языка» [Сепир 1993 [1924]: 253; курсив добавлен].

246

Для иллюстрации со стороны физиков Кокельман приводит пример с декартовой и полярной системами координат: при помощи системы уравнений мы можем перевести расположение точки в одной системе координат в ее расположение в другой, не потеряв при этом в точности измерения. Однако для Кокельмана даже такие, казалось бы, идеально переводимые системы все равно попадают под категорию имеющих секреты, поскольку тот способ, которым они обозначают одну и ту же точку, остается различным [Kockelman 2017: 67].

Нетрудно заметить, что через это понятие легко представить различие между машинами и людьми — да, мы можем понять, что делает машина (например, посмотрев на экран компьютера), и машина может понять, что мы делаем (например, считав электрический сигнал от механического нажатия клавиш). Однако для нашей повседневной семиотической онтологии столь же интуитивно понятно, что это не значит, что мы с машинами думаем одинаково.

Именно при помощи понятия сокрытия (*enclosure*) секретов Кокельман и концептуализирует основные различия: инфраструктура — это сокрытая интеракция, информация — это сокрытый смысл, вычисление — сокрытая интерпретация [Ibid.: 160-161]. И наоборот: интеракция — это раскрытая (*disclosed*) инфраструктура и так да-

лее. Проблема с современными машинами с этой точки зрения состоит в том, что, как ни пытайся, мы не можем раскрыть секреты машин — именно поэтому мы начинаем их бояться. Отсюда вытекает интуитивное решение этой проблемы — отнять эти секреты. Однако состоит ли решение проблемы именно в раскрытии?

Как обращает наше внимание Кокельман, вообще-то секреты есть у каждого из нас. Помимо «стереотипно понимаемых» секретов, скрывающих постыдные страницы наших биографий, секретность присутствует и в человеческих интеракциях [Ibid.: 71]. Например, в повседневных разговорах всегда остается секретом внутреннее психическое содержание разговаривающих — отсюда следует табуированность когнитивизма в разговорном анализе [Heritage 2018]. Опять же, не только сокрытие, но и раскрытие секретов — нормальная часть человеческих интеракций. В той же степени, в которой для разговора необходима психическая система и ее неизбежная для контрагента секретность, необходимо читать мысли собеседника [Whiten 1991].

Следуя своему методу работы с бинарными оппозициями, Кокельман указывает на то, что тотальное раскрытие всех секретов системы вообще-то не является чем-то однозначно положительным. Система без секретов — это система, не имеющая своего способа функционирования, то есть утратившая свою системность как таковую. Проще говоря, это — мертвая система [Kockelman 2017: 72]. С этой точки зрения единственный надежный способ узнать, что происходит у человека в голове, — это ее вскрыть. Тогда вы точно будете знать, что там не происходит ничего. Очевидно, что проект Кокельмана не призывает к тотальному истреблению машин, поэтому он предлагает другой выход. Чтобы его эксплицировать, нам понадобятся понятия фона и поэзии.

Для концептуализации фона (относительно которого производятся фигуры секретов) Кокельман обращается к Хайдеггеру. Хайдеггер позволяет стереть различие между формой и содержанием у Сепира — теперь ощущения формы языка ничем не отличаются от ощущения содержания материальных объектов (реконструкция этого различия возможна, но нерелевантна) [Ibid.: 78]. Это дает возможность укоренить практики сокрытия и раскрытия секретов (как лингвистические, так и материальные; как машинные, так и человеческие) в некоторой единой, но вариативной семиотической основе. В свою очередь, это дает семиотикам возможность фигурации фона.

Для Хайдеггера подобная фигурация происходит в ситуациях поломок. Например, инструмент вроде молотка заставляет обратить на себя внимание, если он перестает выполнять свою функцию. Тем не менее есть другой способ фигурации — его Кокельман называет

поэзией. В данном контексте он имеет в виду поэтическую функцию языка Якобсона — ту, которая отвечает за коммуникацию о самих сообщениях. Для Якобсона поэтическая функция заключается в проекции селекции значения на комбинацию знаков. Совпадение значений и знаков (простейшая форма — повторение похожих знаков, например, *veni, vidi, vici*) указывает на содержание посредством привлечения внимания к форме сообщения. Тем самым поэзия Якобсона выполняет ту же роль, что и поломки Хайдеггера.

Однако преимущество поэзии состоит в том, что в отличие от поломок она является имманентной языковой практике, в то время как поломка (или же эксплицитные металингвистические высказывания), по крайней мере стереотипно понимаемая, этой практике трансцендентна. Это свойство поэзии вновь позволяет Кокельману осуществить генерализацию — на этот раз поэтической функции языка — и обнаружить ее в повседневных разговорах [Ibid.: 130]. Разговор без поэтического измерения происходит разве что между глухим и слепым — то есть между людьми, не имеющими возможности *ощутить* сообщения друг друга.

248

Отсюда, по-видимому, также следует невероятная любовь Кокельмана к каламбурам (*dad jokes*, как он пишет на своей странице сайта Йельского университета) вроде *materiality, mathematics, and metaphysics* [Ibid.: 186], или *hopes and hypes* [Ibid.: 90], или *only God, or perhaps Goggle* [Ibid.: 91], или *entities like Saussure's ox, Descartes's wax* [Ibid.: 132] и так далее — пожалуй, только каламбуров в тексте Кокельмана больше, чем теоретиков¹. Использование поэтической функции языка позволяет Кокельману провести фигурацию фона, эксплицировать имплицитные семиотические процессы, посредством повторения и внимания к сенсорным (публично доступным) свойствам знаков показать, что и машины, и люди (и опосредованность, и непосредственность) укоренены в не столь уж и отличающейся почве.

В предельно демодализированной форме можно сказать, что в этом гротескном рассуждении Кокельман делает всего два простых шага: как теоретик, следующий за Пирсом, он укореняет третичность во вторичности, а вторичность — в первичности; как эмпирический исследователь он показывает, что все три категории *всегда* соприсутствуют друг с другом в исследуемом объекте. Раскрыть можно только то, что было до этого скрыто, а скрываемое не может быть сокрыто, если оно не отлечено от нескрываемого. В разговоре раскрытым является содержание психики альтер, сокрытым — со-

1 Закономерным выглядит и то, что первый теоретический текст Кокельмана — это попытка применить понятие поэтической функции Якобсона к витгенштейнианской проблематике идеального языка [Kockelman 1999].

держание психики это, а нескрываемым — речь. В семиотической онтологии Кокельмана нет принципиальных различий между взаимодействием типа человек–человек и взаимодействием типа человек–машина, которое существует в нашей повседневной семиотической онтологии.

Поэтому наведение мостов между машинами и людьми, а также между профессиональными сообществами, ими одержимыми, является одновременно и их сжиганием. В разговоре человека и человека, в использовании человеком интерфейса машины, в анализе данных, качественном и количественном, всегда присутствует некоторый секрет, остаток, выражаясь языком регрессионного анализа.

Что же дает нам такая генерализация секретности и поэтичности? В конце книги Кокельман называет предлагаемый им проект байесовской антропологией — применение теоремы Байеса к проблематике антропологии и в целом критической теории [Ibid.: 191]. Как было показано, нет принципиальной разницы между машинами и людьми, интеракциями и инфраструктурами, информацией и смыслом, вычислением и интерпретацией. Так, в основе теоремы Байеса, как и в основе семиотики Пирса лежит темпоральный элемент: значение вероятности события n порождает вероятность события $n+1$, знаки порождают интерпретанты (конечно, аргументация легитимности аналогии у Кокельмана куда сложнее, но она вновь заставит нас прояснять с десяток терминов — пусть она останется секретом). В итоге семиотику и математику объединяет общий прагматистский знаменатель — вывод, суждение о деревьях по их плодам.

Этот процесс темпоральной модификации вероятностей Кокельман предлагает рассматривать как онтологическую трансформативность [Ibid.: 180]. При этом он снова трактует трансформации предельно широко: трансформация онтологии может заключаться как в совершенно банальных операциях (например, помещение при знакомстве токен нового человека в тип «люди по имени Иван»), так и в предельно масштабных изменениях в мире (например, появление искусственного интеллекта, способного лишить вас вашей творческой работы). Такой фокус на трансформациях в комбинации с пирсианским натурализмом взаимно укорененных категорий дает интересную перспективу на неизбежно следующие за растущими вычислительными мощностями фигуры позитивистов: с одной стороны, семиотическая онтология Кокельмана не ломается от попыток укоренить социальные феномены в психических или биологических, с другой — и в таких условиях она способна схватывать различия в социальных системах как эффекты их эмерджентных структур.

В целом конец книги оставляет впечатление скомканности — кажется, что для аргументации в пользу подобного проекта можно было и не водить читателя через все эти дебри. Поэтому, на мой взгляд, байесовскую антропологию следует рассматривать лишь как пример. Тот прагматистский способ работы с различиями и его приложение к проблеме различий между людьми и машинами, осуществленное Кокельманом, обладает куда большим потенциалом. Если непосредственность и опосредованность равномерно представлены и в машинах, и в людях, то физикам и лирикам следует перестать выстраивать иерархии между интерпретацией и вычислением. Цифровизация, квантификация и автоматизация процесса интерпретации не ухудшают и не улучшают интерпретируемый смысл, равно как и попытки критических теорий (вроде акселерационизма, киберфеминизма или постгуманизма) оградить вычислительные машины. За проектами улучшения, воспринимаемыми их оппонентами как ухудшение, кроется работа по пересаживанию машин и людей с одной почвы на другую. Эта работа куда разнообразнее, чем осцилляция между правильным и неправильным.

250

Но справедливо и обратное: задача книги — не покончить раз и навсегда с критикой. Будь то критикой со стороны физиков о том, что все факультеты лирики с появлением посредников в виде больших лингвистических моделей наконец-то можно закрыть, или критикой со стороны лириков о том, что физики — марионетки глобального капитализма, уничтожающие своими машинами последние островки нормальной непосредственной социальности. И те, и другие проблемы неизбежно будут фигурировать и трансформировать семиотические онтологии разных дисциплин. Короче говоря, ее задача — призвать читателей к участию в сомнительном удовольствии бесконечного путешествия по вечно полыхающим мостам.

Библиография / References

Сепир Э. (1993) Грамматист и его язык. *Избранные труды по языкознанию и культурологии*, Прогресс.

— Sapir E. (1993) The grammarian and his language. *Selected works on linguistics and cultural studie*, Progress. — in Russ.

Berson J. (2019) *The Art of Interpretation in the Age of Computation*. Kockelman, Paul, New York: Oxford University Press, 2017. xiv + 231 pp. J Linguist Anthropol, 29: 138-140.

Heritage J. (2018) The ubiquity of epistemics: A rebuttal to the “epistemics of epistemics” group. *Discourse Studies*, 20(1): 14-56.

Kockelman P. (1999) Poetic function and logical form, ideal languages and forms of life. *Chicago Anthropology Exchange*, 29: 34-50.

Kockelman P. (2017) *The art of interpretation in the age of computation*, Oxford University Press.

Whiten A. (1991) *Natural theories of mind: Evolution, development and simulation of everyday mindreading*, Blackwell.

Рекомендация для цитирования:

Воронков А. В. (2023) Искусство путешествий по полыхающим мостам. Рецензия на книгу: Kockelman P. (2017). The art of interpretation in the age of computation. Oxford University Press. *Социология власти*, 35 (2): 242-251.

For citations:

Voronkov A. V. (2023) The Art of Traveling across Burning Bridges. Book Review: Kockelman, P. (2017). The art of interpretation in the age of computation. Oxford University Press. *Sociology of Power*, 35 (2): 242-251.

Поступила в редакцию: 21.05.2023; принята в печать: 04.06.2023

Received: 21.05.2023; Accepted for publication: 04.06.2023

Авторы

Михаил Дмитриевич Белов — студент, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН). Научные интересы: мультимодальный конверсационный анализ, феноменологическая социология, политическая социология, социология медиа. E-mail: mikaebelov@gmail.com

Евгений Михайлович Быков — независимый исследователь, Тбилиси; внештатный докторант НИУ ВШЭ. Научные интересы: нейрофеноменология, Umwelt-анализ, трансгуманизм, постгуманизм, акторно-сетевая теория, философская антропология, энактивизм, расширенное познание, NBIC-конвергенция технологий. E-mail: ebykov.here@gmail.com

Наталья Алексеевна Волкова — MA in Sociology (University of Manchester), магистр градостроительства (ВШУ НИУ ВШЭ), преподаватель модуля «Урбанизм» в Московской архитектурной школе (МАРШ). Ведущий научный сотрудник «Алматыгенплан». Научные интересы: социальная топология, социология права, социология города. E-mail: chestrek@gmail.com

Алексей Викторович Воронков — магистр социологии, независимый исследователь, Сде Бокер. Научные интересы: исследования диаспор, история сионизма, мультимодальный конверсационный анализ. E-mail: alexeyvoronkov62@gmail.com

Мария Александровна Ерофеева — кандидат социологических наук, научный сотрудник Центра социологических исследований РАНХиГС, доцент факультета социальных наук МВШСЭН. Научные интересы: микросоциология, мультимодальный конверсационный анализ, социология технологий, акторно-сетевая теория. E-mail: erofeeva-ma@yandex.ru

Максим Дмитриевич Мальков — Магистр социологии, Московская высшая школа социальных и экономических наук (МВШСЭН), приглашенный преподаватель НИУ ВШЭ. Научные интересы: акторно-сетевая теория, методология социологических исследований, исследования образования. E-mail: mdmalkov@universitas.ru

Кирилл Алексеевич Петров — кандидат философских наук, научный сотрудник Центра исследований науки и технологий Европейского

университета в Санкт-Петербурге (Центр STS ЕУСПб), научный сотрудник Центра перспективных социальных исследований Института общественных наук РАНХиГС. Научные интересы: исследования науки и технологий, социальные исследования биомедицины, биоэтика. E-mail: kpetrov@eu.spb.ru

Андрей Евгеньевич Сериков — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева. Научные интересы: социальная теория, культурная антропология, теория поведения, семиотика, эпистемология. E-mail: aeserikov@mail.ru

Илья Утехин — к.и.н., ассоциированный научный сотрудник, Европейский университет в Санкт-Петербурге; приглашенный исследователь, Университет Индианы (Блумингтон).

Authors

Mikael Belov — student, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Research interests: multimodal conversation analysis; phenomenological sociology; political sociology; sociology of media. E-mail: mikaelbelov@gmail.com

Evgenii Bykov — Independent researcher, Tbilisi; external doctoral candidate at HSE University. Research interests: neurophenomenology, Umwelt-analysis, transhumanism, posthumanism, Actor-Network Theory, philosophical anthropology, enactivism, extended cognition, NBIC convergence of technologies. E-mail: ebykov.here@gmail.com

Maria Erofeeva — Candidate of Sociological Sciences, Researcher at the Center for Sociological Research of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Senior Lecturer of the Faculty of Social Sciences of the Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES). Research interests: microsociology; multimodal conversation analysis; sociology of technology; actor-network theory. E-mail: erofeeva-ma@ranepa.ru

Maksim Malkov — Master's degree in Sociology, Moscow School of Social and Economic Sciences (MSSES), guest lecturer at the National Research University Higher School of Economics (HSE). Research interests: actor-network theory, methodology of sociological research, educational research. E-mail: mdmalkov@universitas.ru

Kirill Petrov — Researcher of Center for Science and Technology Studies, European University in Saint Petersburg, researcher of Center for advanced social research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: kpetrov@eu.spb.ru

Andrei Serikov — Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy, Samara National Research University. Research interests: social theory, cultural anthropology, theory of human behavior, semiotics, epistemology. E-mail: aeserikov@mail.ru

Natalia Volkova — MA in Sociology (University of Manchester), Master of Urban Development (Vysokovsky Graduate School of Urbanism, Higher School of Economics), Lecturer of the Urbanism module at the Moscow School of Architecture (MARCH), lead researcher, "Almatygenplan".

Research interests: social topology, sociology of law, urban sociology.
E-mail: chestrek@gmail.com

Alexey Voronkov — MA in Sociology, independent researcher, Sde Boker.
Scientific interests: diaspora studies, history of Zionism, multimodal
conversation analysis. E-mail: alexeyvoronkov62@gmail.com

Ilya Utekhin — associate scholar, European university at St.Petersburg;
visiting scholar, Indiana University, Bloomington.

СОЦИОЛОГИЯ

ВЛАСТИ

Том 35. № 2 (2023)

«СЕМИОТИКА И СОЦИОЛОГИЯ»

Учредитель

Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

ISSN 2074-0492

e-ISSN 2413-144X

119571, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82

Редакция журнала «Социология власти»

<http://socofofpower.ranepa.ru/>

E-mail: soc.of.power@gmail.com

Подписано в печать 05.07.2023

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз.

1-ый завод (1-60 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Коммерческий отдел: тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02